

HUMANIORA: LINGUA RUSSICA

*Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII.
Развитие и вариативность языка в современном мире. I.
Тарту, 2010*

Тартуский университет
Кафедра русского языка

Труды по русской и славянской филологии
Л и н г в и с т и к а X I I I

H U M A N I O R A:
L I N G U A R U S S I C A

Развитие и вариативность языка
в современном мире

I

TARTU ÜLIKOO LI KIRJASTUS

Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. *Развитие и вариативность языка в современном мире. I.* Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2010. 229 стр.

Международная редакционная коллегия

С. Б. Евстратова (Тарту), Е. И. Костанди (Тарту),
М. А. Кронгауз (Москва), Ю. С. Кудрявцев (Тарту),
А. М. Кузнецов (Даугавпилс), И. П. Кюльмоя (Тарту),
А. Мустайоки (Хельсинки), В. С. Храковский (Санкт-Петербург),
В. П. Щаднева (Тарту)

Редакторы тома: С. Б. Евстратова, Е. И. Костанди, Ю. С. Кудрявцев,
И. П. Кюльмоя, О. Н. Паликова, А. В. Штейнгольд, В. П. Щаднева
Технический редактор: С. И. Долгорукова
Перевод резюме на эстонский язык: С. Купп-Саонов, И. П. Кюльмоя

В оформлении обложки использован фрагмент рисунка «Древнерусский рисовальщик» (перо) со страницы Евангелия 1401 г. Рисунок воспроизводится по книге: А. А. Сидоров. *Рисунок старых русских мастеров.* Москва, 1956. С. 43.

© Статьи: авторы, 2010

© Составление: кафедра русского языка Тартуского университета, 2010

ISSN 1406-2623

ISBN 978–9949–19–910–5

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee

Настоящий сборник серии посвящен одной из наиболее актуальных задач лингвистики — изучению языковой вариативности, лежащей в основе развития языка. Эта проблематика всегда привлекала внимание исследователей, однако особенно актуальна она сейчас в русистике, так как в результате воздействия социальных, политических, экономических и иных факторов в последние десятилетия произошли кардинальные изменения в функционировании русского языка. На использование всех современных языков оказывают постоянное и все усиливающееся влияние разнообразные технические новшества. Все это ускоряет процессы, приводящие к изменениям в разных вариантах языка.

Отмеченной проблематике был посвящен организованный кафедрой русского языка Тартуского университета международный семинар «Развитие и вариативность языка в современном мире», состоявшийся 19–21 ноября 2010 года в Тарту. Более сорока языковедов из Эстонии, Белоруссии, Латвии, Польши, России представили в докладах результаты исследований разных аспектов развития и вариативности языка. Основу настоящего сборника составили статьи участников семинара. Как в докладах семинара, так и в сборнике нашли отражение многие аспекты обширной проблематики, связанной с развитием и вариативностью языка в современном мире: общие вопросы вариативности, варианты и изменения в диалектах, язык метрополии и диаспоры, учет вариативности в переводе и преподавании, вариативность отдельных языковых единиц, речь отдельных групп носителей языка и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наталья Викторовна Богданова (<i>Санкт-Петербург</i>) Тети Моти, дяди Вади и проблемы перевода и преподавания русского языка	9
Роман Валентинович Гайдамашко (<i>Санкт-Петербург</i>) Финно-угорское наследие в лексике русских говоров Камско-Колвинского Поречья (на материале тематической группы «Ландшафт»)	27
Стефан Гжибовский (<i>Торунь</i>) Фонетические особенности русского говора старообрядцев в Польше	43
Михал Глушковский (<i>Торунь</i>) Вариативность языка польских старообрядцев как признак языкового сдвига	56
Виктория Борисовна Гулида (<i>Санкт-Петербург</i>) Заимствования в системе русскоязычных обращений: смена норм?	72
Магдалена Зюлковска (<i>Торунь</i>) Прозвища старообрядцев Польши как источник информации о группе	90
Леонид Леонидович Касаткин (<i>Москва</i>) Орфоэпия и ее основная единица	106
Ксения Дмитриевна Кирия (<i>Москва</i>) Вариативность языковых средств в текстах новостей российских телеканалов как часть их коммуникативной стратегии	123

Лариса Яковлевна Костючук (<i>Псков</i>) Фиксация русской народной речи в Эстонии как источник сведений о древних псковских говорах	140
Любовь Петровна Михайлова (<i>Петрозаводск</i>) Экстенциальные фонетические варианты в русских говорах как фактор преобразования лексической системы	148
Сергей Алексеевич Мызников (<i>Санкт-Петербург</i>) О некоторых особенностях карельского воздействия на русские говоры Новгородской области	165
Борис Юстинович Норман (<i>Минск</i>) Русский язык в Беларуси: особенности социолингвистической ситуации	175
Дорота Пасько-Конэчняк (<i>Торунь</i>) Вариативность лексических заимствований из польского языка в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше	193
Наталия Владимировна Перфильева, Наталья Викторовна Новоспаская (<i>Москва</i>) Лингвистическая триада: норма, вариант нормы и речевая ошибка	204
Светлана Николаевна Романенко (<i>Псков</i>) Именные формы прилагательных в хозяйственных книгах Псково-Печерского монастыря XVII века	217

ТЕТИ МОТИ, ДЯДИ ВАДИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Н. В. БОГДАНОВА

Языковая вариативность является, как известно, движущей силой развития языка и, как следствие, неизменным — в течение уже более чем столетие — объектом пристального внимания лингвистов, о чем писали неоднократно, ср.: «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики (здесь и далее в цитатах выделение мое — *Н. Б.*) или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртенэ 1897: 34]; «Необходимо понять, что поскольку синхрония — только поперечный срез диахронии, то система, которая реализуется в синхронии, никогда не бывает целиком завершенной; она всегда содержит в себе потенциальные зарождающиеся изменения» [Merleau-Ponty 1951: 95]; «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее» [Гум-

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ «Изучение зависимости речевых характеристик от условий коммуникации (корпусное исследование на материале повседневной русской речи)» (проект 10-06-00300) и РГНФ «Разработка информационной среды для мониторинга устной русской речи» (09-04-12115в).

больдт 1960: 73]; «Язык создается посредством изменения и “умирает” как таковой, когда он перестает изменяться» [Косериу 1963: 343]; «Я представляю себе язык находящимся все время в состоянии лишь более или менее устойчивого, а сплошь и рядом и вовсе неустойчивого равновесия» [Щерба 1974: 50]; «Изменения в языке — универсальное явление, признак развития (жизни!) данной языковой системы» [Бондарко 1981: 5].

Невнимание к изменениям в языке, вне всякого сомнения, может препятствовать его успешному изучению и включению в мировой литературный контекст. Это ставит перед исследователями массу проблем как теоретического, так и прикладного характера. В последнем случае речь обычно идет о том, как учесть языковую динамику в практике перевода или преподавания русского языка в иностранной аудитории. Изменения при этом наблюдают и описывают на всех языковых уровнях — от фонетического до стилистического. И менее всего, пожалуй, переводчики и преподаватели ожидают каких бы то ни было динамических процессов в семантике и функционировании таких привычных русских слов, как *тетя*, *дядя*, *баба* и прочие обобщенные наименования лица. Однако подобные наименования, особенно в сочетании с именами собственными, сплошь и рядом приобретают в нашей речи новые значения, хорошо осознаваемые носителями языка, но не попавшие пока в сферу внимания лексикографов и даже просто лингвистов-исследователей. Именно такие единицы — *тетя Мотя*, *тетя Клава*, *тетя Маша*, *дядя Петя*, *дядя Вадя*, *дядя Вася* и под., — которые на наших глазах приобретают свойства идиоматичности, воспроизводимости¹, являются предметом настоящего исследования.

¹ Ср.: «Мы живем в мире имен, и за каждым из них стоит конкретный человек, конкретное место, конкретное явление. Предельная конкретность, единичность — главные признаки имени, они выделяют из ряда, индивидуализируют именуемое. И вдруг имя, которое было у всех на слуху, из-за своей популярности, “видности” или по другим причинам теряет свое главное свойство и вли-

Материалом для него стали сайты Интернета и два Корпуса: Звуковой корпус русского языка «Один речевой день» (ОРД), создаваемый и активно исследуемый на филологическом факультете СПбГУ¹, и Национальный корпус русского языка (НКРЯ). В ходе лексического анализа расшифровок ОРД интересным показалось функционирование в речи лексемы *тётя*. При сравнении с однокоренными *тётка* и *тётенька* выявилась определенная тенденция употребления *тёти* исключительно перед именем собственным²: на 25 словоупотреблений в ОРД (из 250 тыс., расшифрованных к настоящему времени) *тётя* без имени собственного встретилась лишь дважды (8.0%), причем один из этих контекстов ничем не примечателен (*сразу // у меня тётя как бы покупает*), а второй обнаружился в составе названия известного фильма (*он на этого / мне кажется похож / на Калягина «Здрасьте я ваша тётя»*). Среди многочисленных же контекстов с именем собственным один оказался не совсем обычным:

- *и они вот задрали эту цену // а тётя Мотя тут / они сейчас критикуют / он тут в подъезде / он встал утром / он президент сказал / чтоб на музеи не повышали.*

Устойчивость, идиоматичность данного оборота, ощущаемая в этом контексте³, была проверена в ходе электронного блиц-

вается в мощный поток слов, которые обозначают не единичные, а общие, коллективные свойства, признаки, качества. **Вместо индивидуума вырастает “типичный представитель”, вместо уникального объекта — общее наименование признака**, вместо точного ориентира — трудно определяемое явление» [Мокиенко 2006: 5].

¹ См. о нем подробнее, например [Богданова и др. 2009].

² Аналогичная ситуация обнаружилась и для слова *дядя* — в сравнении с однокоренными *дядька*, *дяденька*.

³ Надо отметить, что статья на *тетю Мотю* именно в этом — обобщенном — значении обнаружилась в весьма интересном «Словаре коннотативных собственных имен» Е. Отина [Отин 2006], где данная единица рассматривается как «узувальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией и широким диапазоном известности» [там же: 21] и имеет два значения: «не-

опроса, который выявил все нюансы значения и особенности функционирования *тети Моти* и даже позволил создать ее «словесный портрет»¹:

- **Возраст:** *взрослая, немолодая, среднего / старшего среднего / старшего возраста, с большим жизненным опытом.*
- **Внешний вид:** *дородная, колоритная, неуклюжая, неловкая, странного вида, неопрятная, в немодной и безвкусной одежде, в нелепом головном уборе, с плохой прической.*
- **Характер и особенности личности и поведения:** *простоватая, простодушная, глуповатая, глупая, несообразительная, недалекая, недотепа, не злобная, активная, любопытная, демонстративное или абсурдное поведение, всюду сует свой нос, во все вступает, попадает впросак, всех судит, считает себя умнее всех, имеет свой взгляд на вещи, но конструктивного решения проблем не предлагает.*
- **Социальный статус:** *простая, необразованная, деревенского происхождения, из народа, из толпы, обыватель, электорат нижней ступени, типичный, обычный человек, собирательный образ, обобщенный народный образ.*

В ходе опроса и анализа материалов Национального корпуса и сайтов Интернета выявились и другие комбинации слов *тетя* и *дядя* с различными именами собственными, которые также обладают свойствами обобщенности, идиоматичности. Это и

культурная, невоспитанная, несимпатичная женщина» и «расхлябанный человек, разгильдяй (независимо от пола)» [там же: 352]. В «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика нашлись статьи, фиксирующие соответствующее значение, только на исходную для *Моти* форму имени *Матрена* («Насмешл. разг.-сниж. О малограмотной, простоватой женщине, обычно сельского происхождения, обычно пожилой») и на еще одну уменьшительную форму — *матрешка* («Неодобр. ирон. разг. Ярко покрашенная, пестро одетая простоватая девушка, молодая женщина») [Химик 2004: 312]. О *матрешке* см. также [Богданова 2010].

¹ См. подробнее [Богданова 2010].

стало отправной точкой настоящего исследования. Показалось логичным проверить на «идиоматичность» все такие единицы.

Так, в одном из текстов, найденных в НКРЯ, *тетя Мотя* соседствует с *дядей Петей*:

- *Привет вам, тётю Моти и дядю Пети* (А. Вампилов. Утиная охота. 1968).

Это позволило выдвинуть гипотезу о наличии мужского аналога *тётю Моти* — *дядю Пети*. Поиск в Интернете легко подтвердил эту гипотезу, ср.:

- *Миллионы людей на Земле живут своей обыденной жизнью. Ежедневно с ними происходят какие-нибудь события. Хотя, почему с ними? Не с ними, а с Вами! Один из этих миллионов — дядя Петя. Обычный дядя Петя. Который живет своей жизнью, ходит на работу, разговаривает, женится, разводится, снова женится, опять живет один, встречает в метро странных людей, да и сам он может иногда показаться странным. Но он — обычный человек!*

Любопытно, что часто сочетание *дядя Петя* употребляется в Интернете в конструкции с отрицанием:

- *чтобы программа могла удостовериться, что именно я даю ей некоторые данные, а не дядя Петя;*
- *Девчонкам нравится, когда парень умеет танцевать, и это говорит само за себя, ведь сам я не писанный красавец, а самая-самая досталась мне, а не дяде Пете.*

Думается, что последнее наблюдение особенно убедительно «работает» на гипотезу о значении обобщенности, присущем выражению *дядя Петя*¹, так же как, вероятно, и *тётю Мотя*, ср. один из примеров, обнаруженных в НКРЯ:

- *А надо бы набраться духу — причем не тётю Моте, а мне самой!* (Г. Полонский. Ключ без права передачи. 1975).

¹ Надо отметить, что ни *Петя*, ни *дядя Петя* словарем Е. Отина не зафиксированы.

Впрочем, на сайтах Интернета можно найти и другой возможный мужской аналог *тёти Моти* — *дядю Вадю*¹, ср.:

Жили-были дядя с тётей: дядя Вадя с тётей Мотей.

*Год за годом дядя с тётей безотрывно на работе
ночевали и дневали. И устали. Так устали!..*

...Дядя с тётей отдыхают. Власть живут и поживают.

Тётя Мотя дяде Ваде каждый день печёт оладьи.

Вадя тоже весь в заботе: развлекает тётю Мотю.

Дядя Вадя соседствует с тетей Мотей и в известном детском стишке С. Есенина (1924 г.):

*Тетя Мотя
В розовом капоте,
Дядя Вадя
В праздничном наряде,
Кузина Зина
В плаще резиновом,
Папа
В тужаге,
На маме
Шляпа,
На сынишке Мишке
Новые штанишки —
Делают прогулку
По нашему переулку...*

«В пользу» именно *дяди Вади* (мало знакомому, как показал опрос, сегодняшнему носителю русского языка) в роли обобщенного образа мужчины-обывателя говорит разве что рифмованность двух элементов этого выражения, свойственная и *тёте Моте*, что также отмечали респонденты в ходе блиц-опроса (подробнее об этом см. ниже).

Еще один мужской аналог тети Моти — *дядя Вася*²:

¹ В словаре Е. Отина не зафиксирован.

² См. у Е. Отина: «**ВАСЯ**, -и, м. <...>. 1. Любой человек, мужчина <...>. Также в сочетании со словом **дядя**: *Ну какая косметическая фирма возьмет для производства крема порошок, который получил в домашних условиях наш дядя Вася?* (Комсомольская

- *Каждый из нас привык вставать ранним утром, идти на работу; работая на **дядю Васю** или тётю Клаву* (Предложение заработать сетевым маркетингом. 2004);
- *Ну какая косметическая фирма возьмет для производства крема порошок, который получил в домашних условиях наш **дядя Вася**?* (Комсомольская правда, 17.02.1998).

Обнаружились в НКРЯ и контексты на *дядю Колю* в соответствующем значении¹:

- *У них унифицированность даже строже, чем у девочек — майки а-ля «**дядя Коля** с будуна», шортики из белого эластика, белые носки и кроссовки* (А. Буданов. Паттайя для белого человека // Пятое измерение, 2003);
- *Вот и наш **дядя Коля**, подобно десяткам его коллег из области, был готов умаслить чиновников, лишь бы добраться до заветных кредитов* [А. Овчинников. Фото автора и Н. Вакатова («КП» – Саратов)]. Почему фермеры верят не государству, а жуликам // Комсомольская правда, 2006.11.07];
- *Новгородцев считает, что сегодняшняя русская диаспора абсолютно аполитична — в том числе и потому, что населению самой Великобритании давно безразлично, кто сидит на Даунинг-*

правда, 1998 г., 17 февр.)» [Отин 2006: 109–110]. Любопытно, что среди примеров на *дядю Васю* в словаре Е. Отина находим и уже знакомую конструкцию с отрицанием: *То есть если это юбилей, то не дяди Васи, а, к примеру, Пушкина* («Аргументы и факты» в Украине, 2000 г., № 25). Есть *Вася* (без *дяди*) и в словаре В. В. Химики: «Ирон. фам. О любом мужчине как о простачке, глупце». Надо отметить, что эта словарная статья заканчивается важной для нашего исследования пометой: «(≈ ВАНЯ и др.)» [Химик 2004: 69]. Иными словами, *Вася* отчетливо осознается автором как одно из коннотативных русских имен, хотя и вне рассматриваемого нами сочетания.

¹ См. у Е. Отина: «**КОЛЯ**, -и, м. <...> Мужское личное имя, производное от полной формы **Николай**». И далее: 1) (жарг.) Нехороший человек, 2) Ирон. обращение, 3) Наркоман, вводящий наркотики внутривенно (контаминация с глаголом *колоться*) [Отин 2006: 221]. Выражение *дядя Коля* в словаре не зафиксировано.

стрит: дядя Петя или дядя Коля (З. Налбандян, соб. корр. «Труда». ЛОНДОН ГРАД // Труд – 7, 2006.06.29).

Встречается в подобном значении и *дядя Ваня*, хотя существенно реже, чем все предыдущие¹:

- *И если в городе есть кровельщик дядя Ваня, организация не имеет права заключить с ним договор* (В. Теркин. Всюду нужны лидеры // Сельская новь, 2003.11.11];
- — *Твоё-то какое дело? Тоже мне, дядя Ваня...* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, № 8, 2001).

Думается, что причиной такого положения дел (почти полное отсутствие у *дяди Вани* значения обобщенного лица) является пьеса А. П. Чехова «Дядя Ваня» — именно этот персонаж чаще всего имеет в виду говорящий, упоминая в речи о *дяде Ване*.

Справедливости ради надо сказать, что и *тётя Мотя* — отнюдь не единственный собирательный образ женщины-обывателя. Не случайно один из респондентов в ходе блиц-опроса упомянул в этой связи *Клаву*, бытующую в этой роли, по его

¹ Зато в словаре Е. Отина *дядя Ваня* как раз обнаружился: «**Дядя Ваня**. А. Простой человек, ничем не выделяющийся мужчина. Никто не должен быть у власти больше 5 лет. Даже дворник должен перепрофилироваться. Вдруг этот **дядя Ваня** может “Дядю Ваню” лучше Антон Палыча написать. Пусть не зацикливается (Киевские ведомости, 1997 г., 17 дек.; из письма читателя). Б. Мастеровой. В Уфе в одном НИИ проводили на пенсию “**дядю Ваню**” с четырехклассным образованием (Известия, 1994 г., 8 февр.)» [Отин 2006: 104]. Отдельное толкование в словаре Е. Отина получили даже комбинированные выражения **Вани и Мани; тети Мани и дяди Вани**: «Простые люди, простонародье. И еще я сказал, что те, выгнанные нуждой из деревни в город, **дяди Вани и тети Мани**, которые вечерами «незаметно» обихаживали горожан, стряпали, шили, пилили, возили, кончились, их дети и внуки сидят здесь, в зале, и хотят они того или не хотят, но обихаживать себя и свою землю придется им самим (В. Астафьев. Мусор под лестницей)» [там же]. Ср. также статью на *Ваню* (без дяди) в словаре В. В. Химика: «*Насмешл. разг.* Простой, наивный или глуповатый человек» [Химик 2004: 68].

мнению, на другом временном отрезке (см. [Богданова 2010]). Не берусь судить о хронологии, но примеров на употребление выражения *тётя Клава* в том же значении, что и *тётя Мотя*, в Национальном корпусе и просто на сайтах Интернета оказалось предостаточно¹:

- *Пожалуй, единственное чувство, которое никогда не покидает человека окончательно, предпочитая затаиться в самых дальних уголках его души, — это страх. Грудничок может испытывать врожденный страх остаться одному, без мамы, кроха чуть постарше боится упасть, боится страшного соседа дядю Васю. Сам боится лишиться работы и что от него уйдет **тетя Клава**; последняя со страхом ждет появления морщин и налогового инспектора в офисе ее фирмы и так далее (Чего боится **тетя Клава**?)*;
- *Вот перед нами наша **тетя Клава**. Она не то чтобы толстая, но и не худенькая. Нет, она, в общем, очень даже ничего. Ну просто животик маленько отвислый, ну там попа дряблая. Руки полноватые. И вот в один прекрасный день — решено, **тетя Клава** вооружается пожелтевшей вырезкой из газеты «Знамя труда», закупает морковки с капустой на две недели, и садится на диету*;
- *Каждый из нас привык вставать ранним утром, идти на работу; работая на дядю Васю или **тётью Клаву** [Предложение заработать сетевым маркетингом (2004)]*;
- ***Тётя Клава**, как ты понимаешь, не имеет никакого отношения к научно-технической революции (В. Конецкий. Начало конца комедии. 1978)*;
- *...если бы не невестка, то **тётя Клава** из Тьмутаракани [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]*;
- *Карл Маркс экономист, а **тетя Клава** — старший экономист*;

¹ Впрочем, существенно чаще *Клава* и *тётя Клава* в Интернете обозначают компьютерную клавиатуру. Близкое к рассматриваемому значение имени *Клава* (но не *тетя Клава*) находим и у Е. Отина: «Женщина, девушка (обычно простоватая, необразованная, глупая)» [Отин 2006: 215].

- название неудачное, еще б **тетя Клава** назвали 😊;
- А теперь давайте подумаем с вами вместе: что бы мне сейчас выпить? Какую комбинацию я могу создать из этой вишноты, что осталась в моем чемоданчике? «Поцелуй **тёти Клавы**»? Пожалуй, что да. Из моего чемоданчика никаких других «поцелуев» не выжмешь, кроме «первого поцелуя» и «поцелуя **тёти Клавы**» (В. Ерофеев. Москва–Петушки. 1970).

Впрочем, примеры показывают, что рядом с **тётей Клавой** в приведенных контекстах рисуется еще и фигура **тёти Маши**¹, что также находит свое подтверждение в материалах НКРЯ и на сайтах Интернета:

- Получается, что если **тетя Машиа** на своем заводе получает три тысячи, она уже почти «новая русская», потому что прожиточный минимум во втором квартале составил 2137 рублей (О. Бакушинская. В потолке открылись люки, не пугайтесь — это брюки // Комсомольская правда, 2003.08.15);
- — Пушкин — это единственная фигура в литературе, которая своим существованием отрицает деление культуры на элитарную и общенародную, потому что даже какая-нибудь **тетя Машиа**, не зная ни одной его строки, тем не менее знает, что Пушкин был, есть и будет (Л. Лебедина. Здесь Пушкина чувствуют сердцем // Труд — 7, 2003.02.11);
- Позиция обитателей нижних этажей вроде бы понятна — человек не должен платить за то, чем не пользуется. Однако цена-то устанавливается не за пользование, а за содержание и текущий ремонт общего имущества. И тут уже никакой роли не играет, нужен **тете Маши** с первого этажа лифт или нет.

¹ См. у Е. Отина: «**МАША**, -и, ж. <...>. 1. Ирон. Женщина, девушка (обычно недалекая, простоватая)» [Отин 2006: 253–254]. Выражение **тетя Машиа** в данном словаре не зафиксировано. В словаре В. В. Химики также есть статья только на имя *Машиа*: «*Насмешл. разг.* О простоватой, глуповатой, наивной девушке, молодой женщине» [Химик 2004: 318].

Выше, в разговоре о дяде Ване, промелькнул и еще один женский аналог *тети Моти* — *тетя Маня*¹. Национальный корпус добавил к этому буквально два примера:

- *Очень трогает! Тетя Маня простит тебе даже «мерседес». Бедные любят поплакать* [М. Козаков. Актерская книга (1978–1995)];
- *Писатель-то очень хороший, и пишет он отнюдь не то, что хотели бы какие-нибудь тетя Маня, дядя Миша², свекор Петя или невестка Дуся* [Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)]³.

«Кандидатом» в аналогии *тете Моте* может быть признана и знаменитая *тетя Соня*, которая пока связывается в сознании носителей русского языка исключительно с Кларой Новиковой, создавшей этот образ «типичной одесситки» на нашей эстраде, ср.:

- *Тетя Соня, душа болит и стонет
Измученная истиной простой
Тетя Соня, при всем своем фасоне
Без вас Россия стала сиротой.* (Из популярной песни.)

¹ В словаре Е. Отина, помимо уже приведенного комплексного определения *тети Мани* и *дяди Вани*, находим еще и замечание отдельно о *Мане*: «В слобожанских и степных говорах востока Украины антропонимные формы **Маня** и **Манька** развили значения ‘глуповатая женщина’ и ‘неаккуратно одетая женщина» [Отин 2006: 242]. Ср. также о *Мане* у В. В. Химика: «Насмешл. разг.-сниж. О простоватой, малообразованной деревенской девушке» [Химик 2004: 308]. Собственно *тетя Маня* в обоих словарях отсутствует.

² Ни в Национальном корпусе, ни на сайтах Интернета, ни в словаре Е. Отина никакого *дяди Миши* в интересующем нас значении обнаружить не удалось.

³ А в Интернете обнаружилась разве что песня А. Розенбаума про *тетю Маню* (*Ах, тетя Маня, что же ты со мною сделала? К твоим морщинистым рукам я прикипел...*) — по-видимому, в «нашем» значении, хотя это можно лишь предполагать.

— Правда, что ваша легендарная *тетя Соня* — это собираемый образ?

— *Тетя Соня* — это мои родители, родные и все те люди, которые окружали меня с детства. Это тот **неуязвимый образ одесситки**, который воспринимается аудиторией не только как черты еврейского характера. *Тетя Соня* — это человек со своим мнением, со своими взглядами, со своей иронией, это настоящий Хаджа Насреддин: что вижу, то пою, что понимаю, то и говорю. Кстати, это мой единственный персонаж, который может рассуждать о политике, политиках или о том, что сегодня происходит в стране. Замечу, что финансовый кризис тоже сильно подкосил мою героиню. Она об этом постоянно говорит на концертах, причитает, что жить стало трудно, что во всем приходится себя ограничивать. Но в то же время отмечает, что она счастливый человек — мол, у меня раньше ничего не было, нет, и не будет. Она оптимистка.

— Говорят, после появления вашей героини на экране всех одесских персонажей стали называть *тетя Соня*.

— *Тетя Соня* стала уже **брендом**, как сказали бы бизнесмены. Таких людей, как она, очень много. У меня масса знакомых, которые по жизни оптимисты, у которых есть свое мнение, и они его высказывают несмотря ни на что.

(из интервью с Кларой Новиковой)

Анализ материала позволил выявить и общие специфические черты этих новых (с точки зрения лексикографической фиксации) идиом. Рассмотрим их последовательно.

С точки зрения **семантики**, все эти единицы обозначают некий обобщенный и весьма неопределенный образ:

- *тётя Мотя* с улицы;
- *тётя Клава* из Тьмутаракани;
- *тетя Маша* с соседнего подъезда;
- *тетя Маша* с первого этажа.

Эта неопределенность часто подчеркивается и соответствующими лексемами:

- *Всегда найдется **какая-нибудь тетя Машиа**, которая видит, или спасутся пятнадцать, два, один, которые свидетельствуют* [А. Кузнецов. Бабий яр (1965–1970)];
- *но быть готовым, что потом за спиной **какая-нибудь тетя Машиа** по этому поводу проедется)))));*
- *некая **тётя-мотя**;*
- *какие-нибудь **тетя Маня**, дядя Миша.*

За всеми этими выражениями стоит, как правило, очень типичный, обычный и близкий всем образ, что также подчеркивается лексически:

- ***Обычный дядя Петя**,*
- *Вот перед нами **наша тетя Клава**,*
- *Вот и **наш дядя Коля**, подобно десяткам его коллег из области,...*
- *Но все равно **наша тетя Машиа** с какой-нибудь Залесской птицефабрики своей американской коллеге Мэри может только позавидовать* (В. Бутаев. «Ножки Буша» для нас отбеливают хлоркой // Комсомольская правда, 2002.09.14).

С точки зрения **грамматики** можно отметить следующие общие для всех рассмотренных единиц черты:

— употребление во мн. числе или замена местоимением мн. числа:

- *А многочисленные **дяди Васи** ... с пеной у рта требовали крови;*
- *а **тётя Мотя** тут / они сейчас критикуют / вон тут в подъезде...;*

— употребление с отрицанием:

- *...причем **не тёте Моте**, а мне самой...;*
- *чтобы программа могла удостовериться, что именно я даю ей некоторые данные, а **не дядя Петя**;*
- *а нам зиртек 2 раза в день прописали пить... дохтор прописал, а **не тетя Машиа** с соседнего подъезда.*

— встраивание в ряд подобных:

- *Подростки на лавочке просят дядю Петю и дядю Серегу¹ на соседней лавочке за чекушку принести им немного пива. На что вторые радостно соглашаются. Криминала нет;*
- *Конечно, это вам не «Цыганочка» в исполнении шестипудовых тети Маши с тётей Клавой, но тоже впечатляет (В. Ворсобин. Шумных соседей надо донимать оргазмом // Комсомольская правда, 2005.08.01);*
- *Идея проекта такова: если у вас, тетя Маша или дядя Петя, есть некие рационализаторские предложения, которые помогут людям жить, то вы можете прийти и рассказать об этом (В. Львова. Брюзга недели: Я памятник воздвиг из пластика бутылок // Комсомольская правда, 2007.04.24).*

С точки зрения *фонетики* исследуемые единицы часто (хотя фактически из рассмотренных только *тетя Мотя* и *дядя Вадя*) отличает внутренняя рифмованность, использование эхоприема, повтора-отзвучия², они представляют собой своеобразные мини-стихи. Открывая словарную статью на *тетю Мотю* фиксацией прямого, денотативного значения выражения *тетя Мотя*, Е. Отин называет его «разговорной антропонимной формулой имени со стилистически сниженным рифмующимся “титულным” словом» [Отин 2006: 352]. Эта внутренняя рифмованность породила, вероятно, и детскую дразнилку: *Тетя Мотя — подбери лохмотья. У многих носителей русского языка тетя Мотя ассоциируется с формами-редупликациями типа шашлык-машлык, шиворот-навыворот, Маша-*

¹ Ни в Национальном корпусе, ни на сайтах Интернета, ни в словаре Е. Отина никакого дяди Серегу в интересующем нас значении обнаружить не удалось.

² Термины Н. А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 2001]; см. также [Земская 1992]. В лингвистике известны и другие термины для подобного явления: «фокус-покус» прием [Янко-Триницкая 1968; Янко-Триницкая 2001] и модель «ложки-вилки» [Капанадзе 1973]. Новообразования подобного типа на материале языка современных газет (*танцы-шманцы, штучки-дрючки, входы-выходы* и т. п.) подробно рассмотрены в статье [Цуй 2006]. См. об этом также [Минлос 2004; Ягинцева 2009].

растеряша, Маша с Уралмаша, с бухты-барахты, цирлих-манирлих и под. Это действительно своего рода микро-стихи, два слова в рифму, которые уже даже собраны в специальный словарь русских редупликатов [<http://www.stihi.ru/2009/10/02/866>]. Надо отметить, что ни *тети Моти*, ни *дяди Вади* в словнике этого словаря пока нет.

Наконец, с точки зрения *графики* можно говорить о существовании вариантов письменного представления данных единиц, что лишний раз свидетельствует об их закреплении в языке в роли самостоятельных лексических единиц:

- *Жила-была в райцентре с трудным названием Сковородино некая **тётя-мотя** Любовь Бондарчук* (Н. Островская. Фото автора. Хозяйка придорожного кафе поставляла дальнобойщикам школьниц для секс-утех // Комсомольская правда, 2007.08.07).
- *Проходящая мимо **тетя-мотя** в позументах пробурчала: «Безобразие, тут иностранцы ходят, как ему разрешают это делать!»* (Комсомольская правда, 1990 г., 25 июля).

В блогах Интернета встречаются и такие ники: ***ТетяМотя***, ***ТеТя=МоТя***¹.

Вероятно, было бы интересно проследить, какие еще имена собственные в русском языке в сочетании с обобщенными наименованиями лица (*тетя, дядя, баба, дед* и под.) начинают употребляться в функции нарицательных и какие именно значения они несут. Важно, что в толковых словарях русского языка эти выражения почти полностью отсутствуют, а в словаре живой спонтанной речи они, вне всякого сомнения, должны занять свое место и получить соответствующие определения и набор иллюстраций, что окажет неоценимую помощь преподавателям и переводчикам. Нет сомнения, что прямой перевод на другой язык данных словосочетаний, без учета их нового значения, абсолютно невозможен. Ясно также, что необходимо включать эти единицы в словари и учебные материалы для иностранцев в качестве *идиоматических выражений* — своего

¹ Надо сказать, что и в традиционном написании все эти выражения часто используются в Интернете как ники.

рода «идиом с философским оттенком», ср.: «“Человек” философии это, конечно, не “лично я сам” и не “сосед дядя Вася”. Это “человек вообще”. Человек как родовое существо, обладающее определенными общими чертами. В этом смысле и “я”, и “дядя Вася”, и “тетя Маша”, так же как “мистер Смит” или “герр Шварц”¹, — являемся людьми, независимо от пола, возраста, национальности и вероисповедания. Каждый из нас — представитель рода “*homo sapiens*”, каждый обладает способностью к труду, сознанием, познавательными возможностями, умеет общаться и т. д. Философский “человек вообще” объединяет всех нас в идее “человека”» [Золотухина-Аболина 1995].

В заключение важно отметить, что толчком к подобного рода исследованию стала попытка лексического анализа Звукового корпуса русского языка, материал которого предоставляет лингвистам богатейшие возможности для изучения и описания языка в его звуковой форме.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова Н. В. 2010 — Кто вы, *тётя Мотя*? *Мир русского слова*, № 4. С. 53–62.
- Богданова Н. В., Асиновский А. С., Русакова М. В., Рыко А. И., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. 2009 — Звуковой корпус как способ мониторинга и фиксации разных форм естественного языка. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Выпуск 8 (15). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2009). Гл. ред. А. Е. Кибрик. Москва. С. 38–44.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. 1897 — Бодуэн де Куртенэ. *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)* / С. А. Венгеров. Т. V. Санкт-Петербург. С. 18–45.
- Бондарко Л. В. 1981 — *Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи*. Ленинград.

¹ Ср. также рассуждение одного из респондентов в ходе электронного блиц-опроса про *тетю Мотю*: «Вероятно, это международное, общеевропейское явление, ср. “дядюшка Сэм”».

- Гумбольдт В. фон. 1960 — О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. Москва. С. 68–86.
- Земская Е. А. 1992 — *Словообразование как деятельность*. Москва.
- Золотухина-Аболина Е. В. 1995 — *Страна Философия*. Москва.
- Капанадзе Л. А. 1973 — Номинация. *Русская разговорная речь*. Москва.
- Косериу Э. 1963 — Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения). *Новое в лингвистике*. Вып. 3. Москва. С. 143–343.
- Минлос Ф. Р. 2004 — *Редупликация и парные слова в восточнославянских языках*. Москва.
- Мокиенко В. М. 2006 — Перевоплощенное имя. *Е. Отин. Словарь коннотативных собственных имен*. Москва–Донецк. С. 5–10.
- Отин Е. 2006 — *Словарь коннотативных собственных имен*. Москва–Донецк.
- Химик В. В. 2004 — *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург.
- Цуй Ю. 2006 — О двух типах разговорного словообразования (на материале языка газет). *Русский язык сегодня*. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Отв. ред. Л. П. Крысин. Москва. С. 644–650.
- Щерба Л. В. 1974 — Очередные проблемы языковедения. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград. С. 39–59.
- Ягинцева О. Г. 2009 — Редупликация и повтор в образовании бытовых терминов. *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Тарту. С. 354–365.
- Янко-Триницкая Н. А. 1968 — «Штучки-дрючки» устной речи (повтор-отзвучие). *Русская речь*. № 4. С. 48–52.
- Янко-Триницкая Н. А. 2001 — *Словообразование в современном русском языке*. Москва.
- Merleau-Ponty M. 1951 — *Sur la phénoménologie du langage*. Paris.

TÄDI MOTID (ТЕТИ МОТИ), ONU VADJAD (ДЯДИ ВАДИ)
JA VENE KEELE ÕPETAMISE NING TÕLKIMISE PROBLEEMID

Natalja Bogdanova

Käesolev uurimus põhineb kahel postulaadil: 1) keeleline variatiivsus on keele arengut edasiviiv jõud, mis kindlustab lingvistide jätkuva huvi selle

nähtuse vastu; 2) keele dünaamikat tuleb arvestada *tõlkepraktikas* ja *vene keele õpetamisel* võõrkeelses auditooriumis.

Dünaamilisi protsesse, mis on seotud keele variatiivsusega, võib välja selgitada tavapärase vene keele nimisõnade *tädi* (*тетя*) ja *onu* (*дядя*) semantika ning funktsioneerimise abil. Sellised nimisõnad saavad kombinatsioonis isikunimedega sageli uue tähenduse, mida mõistavad hästi emakeelekõnelejad, kuid mis ei ole siiani veel sattunud lingvistide ja leksikograafide huviväljale, näiteks: *tädi Motja* (*тетя Мотя*), *tädi Klava* (*тетя Клава*), *tädi Maša* (*тетя Маша*), *onu Petja* (*дядя Петя*), *onu Vadja* (*дядя Вадя*), *onu Vasja* (*дядя Вася*) jt. Meie silmis omandavad need keeleühikud idiomatilisi ja reprodutseerivaid tunnuseid, mis tõstatarki küsimuse nende tõlkimise kohta teistes keeltesse.

Materjali (Interneti leheküljed, vene keele häälekorpus “Üks kõnepäev” ja vene keele rahvuskorpus) analüüs näitas, et esiletoodud keeleühikutel on rida spetsiifilisi omadusi, mis võimaldavad rääkida nende idiomatiseerumisest tänapäeva keeles.

Semantika seisukohast märgivad kõik need keeleühikud teatud üldistatud, küllaltki ebamäärase, kuid kõigile tuttavat kuju: *tädi Motja tänavalt*, *tädi Klava Tmutarakanist*, mis sageli vastab lekseemidele: *mingi tädi Motja*, *keegi tädi Manja*, *onu Miša*; *tavaline onu Petja*, *meie onu Kolja* ja rõhutab nende tähendust veelgi.

Grammatika seisukohast on vene keeles tavapärase nende ühikute kasutamine mitmuses või asendamine mitmuse asesõnaga (*paljud onud Vasjad*; aga *tädi Motja* siin / *nad kritiseerivad praegu*), kasutamine eitusega (*kujuures mitte tädi Motjale*, *vaid mulle endale...*; *arst kirjutas välja, mitte tädi Maša kõrvaltrepikojast*), sarnaste sõnade loetelus (*see pole teile “Mustlanna” kuuepuudaste tädi Maša ja tädi Klava esituses*; *kui teil, tädi Maša või onu Petja*, *on mõningaid ratsionaliseerimisetepanekuid...*).

Foneetika seisukohast eristab kahte uuritavat ühikut (*tädi Motja* ja *onu Vadja*, mis andsid tõuke terveks uurimuseks) siseriim, kuigi vene keele reduplikatiivide sõnaraamatus [<http://www.stihi.ru/2009/10/02/866>] neid veel ei ole.

Graafika seisukohast võib rääkida kõnealuste ühikute erinevatest kirjutusviisidest: *тѣтя-мотя*, *ТетяМотя*, *ТеТя=МоТя*, *Тetyamotyа*.

Vene keele seletussõnaraamatutes puuduvad need väljendid peaaegu täiesti, kuigi nende tõlkimine teise keelde, ilma uut tähendust arvestamata, on absoluutselt võimatu. Need nn uued idioomid peaksid leidma oma koha elava spontaanse kõne sõnaraamatus, saama vastavad seletused ja illustratsioonid, mis osutaksid hindamatut abi õppejõududele ja tõlkijatele.

**ФИННО-УГОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ
В ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ
КАМСКО-КОЛВИНСКОГО ПОРЕЧЬЯ**
(на материале тематической группы «Ландшафт»)

Р. В. ГАЙДАМАШКО

1. Введение. Издавна русская диалектная лексика помогает языковедам решать проблемы исторической лексикологии, диалектологии, общего языкознания, однако лексика русских народных говоров изучена еще недостаточно полно, в частности, остаются вопросы в области ареально-этимологического анализа неславянской по происхождению диалектной лексики. Между тем «комплексное изучение заимствованной и субстратной лексики в русских говорах позволяет установить масштабы лексических взаимодействий, осветить происхождение и судьбу каждого слова, обнаружить ценные факты, относящиеся к истории заселения и освоения региона, его этническому прошлому» [Теуш 2003а: 342].

Так, пока не вышло в свет полное, комплексное описание лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья, чему и посвящено наше исследование. Его актуальность определяется неизученностью вопроса, хотя лингвистами опубликованы словари и статьи, отражающие проблему языкового контактирования на территории современного Пермского края, который, занимая достаточно обширную территорию Западного Урала, является уникальным в отношении языковых контактов регионом. Обращение к теме продиктовано не только большим количеством и языковой

оригинальностью лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Пермского края, но также социально-экономическими сдвигами в регионе, ведущими к забвению и утрате материала.

Следует отметить особо значимых исследователей, занимавшихся данным вопросом. Это, например, А. К. Матвеев, который в 1950-х гг. собрал огромное количество полевого материала, среди прочего, в верховьях Колвы и Вишеры [Матвеев 1959; Матвеев 1962; Матвеев 1964]; А. С. Кривощекова-Гантман, систематично исследовавшая русскую географическую терминологию коми-пермяцкого происхождения [Кривощекова-Гантман 1981], а также пермскую лексику в составе прикамских топонимов и антропонимов [Кривощекова-Гантман 1983]; Е. Н. Полякова, которая уже более полувека занимается прикамской диалектной лексикой, ономастикой, в том числе и иноязычного (resp. финно-угорского) происхождения [Полякова 2006; Полякова 2009].

2. История формирования русских говоров Верхнего Прикамья. Перед тем, как перейти к русским страницам истории Прикамья, укажем, что в период позднего неолита здесь обитали рыболовецкие и охотничьи племена, по быту, культуре и языку родственные живущим в бассейнах рек Вычегды и Печоры. Вместе те и другие племена в III тыс. до н. э. составляли урало-камскую область неолитической культуры гребенчатой керамики, иначе говоря — первоначальное финно-угорское население Северо-Восточной Европы [Хайду 1985: 161]. Среди этой общности людей были и древние предки современных пермских народов, которые на рубеже эр окончательно разделяются на праудмуртскую и пракоми общности. С IX в. н. э. пракоми единство разрушается и в Верхнем Прикамье формируется родановская археологическая культура, которую принято связывать с предками современных коми-пермяков [Оборин 1990: 46]. К этому времени в Верхнем и Среднем Прикамье обитали и иные финно-угорские народы, ведущие, в отличие от коми-пермяков и удмуртов, кочевой образ жизни: в Привишерье — вогулы (манси), а по рекам Чусовая и Сылва — остяки (ханты), частично смешанные с тюркскими народами.

По материалам археологических раскопок и косвенно по первым летописным упоминаниям о народах *пермь*, *печера* и *югра*, датой появления русских на Северном Урале исследователи считают XI в. [Дмитриев 1889: 64; Оборин 1990: 6; Полякова 2006: 20]. Тем не менее, даже если некоторые новгородцы в результате военных экспедиций и походов за пушниной оседали в Прикамье [Шишонко 1881: 6], это не сильно влияло на языковую картину региона [Полякова 2009: 23].

До XIV в. в Верхнем Прикамье не было постоянных русских поселений, однако довольно рано на эти территории начинают проникать новгородцы и владими́ро-суздальцы, для которых основным путем в Пермь Великую было устье р. Юг, откуда по р. Вычегде и ее притокам можно близко подойти к притокам Камы. В XIV–XV вв. (и особенно после военного похода 1472 г. князя Федора Пестрого, в результате чего Пермь Великая была официально присоединена к Московскому государству) на эти территории прибывают двинцы, белозерцы, вологжане, устюжане, вычегжане и другие переселенцы, в основном, носители севернорусских говоров, которые к моменту своего переселения в Приуралье уже имели опыт общения с различными финно-угорскими народами Русского Севера. Данное взаимодействие обернулось тем, что в лексике севернорусских говоров и по сей день обнаруживаются многочисленные заимствования и субстратные элементы саамского, прибалтийско-финского и коми происхождения (см. труды А. К. Матвеева, О. А. Теуш, С. А. Мызникова).

Изначально русские, приходя с севера и северо-запада, селились и ставили городки в основном в тех местах, где уже жили коренные народы. Не позднее чем к XV в. относится основание и укрепление таких городков, как Анфалов (близ современного с. Бондюг), Чердынь, Покча, Искор, Урос и многих других [Полякова 2009: 23]. Таким образом, территория Прикамья, изначально заселяемая русскими, включает в себя Камско-Колвинское поречье с нижним течением р. Вишера.

В XVI–XVII вв. переселение крестьян из Поморья принимает стихийный характер, «...причем правительство в целом способствовало заселению Прикамья» [Полякова 2006: 23].

Для перемещения из Поморья на Урал пользовались Печорским волоком, поэтому происходило широкое освоение севера Прикамья (включая верховья Колвы и Вишеры). Вместе с русскими из Поморья в Пермь Великую приходили коми-зырянские семьи [Оборин 1990: 133], несущие в личном лексическом обиходе следы адстратного взаимодействия с саамами и, очевидно, с ненцами.

Кроме того, что в своих говорах все эти люди несли значительный пласт заимствованной и субстратной лексики финно-угорского происхождения, в Верхнем Прикамье они встречали коренное население — коми-пермяков. Между ними происходили естественные языковые контакты, не опосредованные письменностью. Так как до Прикамья, ввиду сложности пути, добирались в основном мужчины, то зачастую они выбирали жен из коми-пермячек, отчего их дети усваивали фонетические, лексические и другие особенности языка матери или даже вырастали билингвами. «От русских коми-пермяки восприняли более высокий уровень хозяйства и быта: усовершенствовали жилище, улучшили одежду, подняли культуру земледелия, усвоили обряды» [Кривошекова-Гантман 1981: 46–47], поэтому в коми-пермяцкий язык вошли многие русские слова, связанные с хозяйством и бытом (*западня, невеста, порог, сапог, шапка* и др.). К XIX в. коми-пермяки, проживавшие в северо-восточной и южной частях территории распространения родановской культуры, полностью обрусели [Оборин 1972: 131], однако как напоминание о былом остались названия рек (*Колва, Лысьва, Сылва* и др.), населенных пунктов (*Пыскор, Вильгорт, Ныроб* и др.), фамилии (*Дозморов, Ужегов, Ошев* и др.) [Полякова 2006: 195–196]. Кроме того, соседство на территории Перми Великой русских поселенцев с коми-пермяками обусловило широкое проникновение заимствований и из их языка (ср. рус. диал. *быглян* ‘игрушка, небольшой деревянный диск, который катали по полу’ < коми-п. *быглян* ‘шар, нечто круглое’>, рус. диал. *дзелка* ‘маленькая овечка’ < коми-п. *дзеля* ‘ягненок’ и др.), отдельные фонетические особенности, например, произношение среднего [l] (*луна, зерькало*), мену [h] на [k] (*клеб, комяк*), зачастую — вариативное произ-

ношение некоторых звуков в заимствованных словах (*бахилы* – *батилы* – *бакилы*) и др.

Таким образом, старожильческие русские говоры в Верхнем Прикамье получили наибольшее распространение на землях исторических Перми Великой и Соли Камской — в верховье р. Камы с бассейнами ее значительных притоков Колвы и Вишеры. Что касается самих говоров, то генетически они связаны с севернорусскими говорами Новгородских, Вологодских и Архангельских земель, чем обусловлено наличие в русских говорах Прикамья значительного лексического пласта прибалтийско-финского, коми-зырянского и саамского происхождения. К более поздним заимствованиям, происходившим на местной почве, относятся коми-пермяцкие, мансийские и — встречаемые гораздо реже — удмуртские.

3. Финно-угорское наследие в лексике русских говоров Камско-Колвинского поречья. Тематические группы, которыми в большинстве случаев представлена русская диалектная лексика финно-угорского происхождения, следующие: «Ландшафт», «Метеорология», «Растительный мир», «Животный мир», «Рыболовство и охота», «Одежда и обувь». Русским переселенцам при встрече с новыми для них географическими реалиями и климатическими условиями приходилось перенимать у автохтонов наименования объектов окружающего мира, а также терминологию, связанную с лесными промыслами (охота, рыболовство).

Рассмотрим лексику финно-угорского происхождения в русских говорах Камско-Колвинского поречья на материале тематической группы «Ландшафт». К сожалению, в рамках статьи невозможен полный и всесторонний обзор заявленной тематической группы, поэтому многие лексемы, имеющие интердиалектный характер (например, *во́рга* ‘русло; болотистая ложбина’, *кули́га* ‘небольшое поле’, *курья́* ‘залив на месте старого русла реки, старица’, *ла́ста* ‘заливаемый во время половодья луг на берегу озера или в пойме реки’, *со́гра* ‘низменный, сырой участок леса’ и др.), здесь не приводятся. Связано это и с тем, что в русских говорах подобные лексемы, контактируя с исконно славянскими словами, искажают свой фо-

нетического облика и обретают многочисленные оттенки значений, поэтому источник многих неисконных интерлексем определить крайне затруднительно, даже опираясь на ранние письменные фиксации (см., например, [Шилов 2008]).

Ниже в статьях, близких к словарным, даны наиболее частые фонетические и словообразовательные варианты анализируемых лексем. Они приводятся без указания всех существующих оттенков значений, метафорических и метонимических переносов (что заняло бы чересчур много места), но обычно сопровождаются образцами диалектной речи. Большинство географических терминов проиллюстрировано также топонимией. Затем в статье следует сопоставление лексемы с генетически связанными севернорусскими словами и краткий этимологический комментарий.

Арай ‘сырое, болотистое место; зыбун’ (повс.) [СРНГ 1: 266–267, СГТП: 22, МДЭА], *ара́вина* ‘то же’ (Нюзим Ч.), луг *Арай* на р. *Арай* (Сусай Ч.) [МДЭА]. Ср. *арай*, *ара́ина* «потное, мочежинное или поемное место, на котором растут одни грубые резучие травы и где посему бывает ранний покос» (Перм., Урал.) [Даль 1: 20], (Коми) [СНГТ: 52–53]. Традиционно сравнивают с п.-фин.: фин. *aro* ‘заросшая травой низина, болотистое место; степь’, кар. *aro* ‘мелководная, поросшая хвощами заводь в реке’, эст. *aru*, *aro* ‘плодородный сухой луг’ < зап.-фин. **aroj* ‘мелководный залив, заросший хвощами’ [Kalima 1919: 78–79; Фасмер 1: 82; SKES: 24; KKS 1: 71; ПФГЛК: 22; РЭС 1: 254] < фин.-уг. **arz* ‘сырое, болотистое место; поросшая травой низина’ [UEW: 17; SSA 1: 83]. Данное сравнение не объясняет узкого ареала заимствования из коми в русских говорах, однако коми-з. *арай* ‘сырое кочковатое место, ложбина, занимаемая в половодье водой’ [КПК: 25] само считается заимствованием из рус. [SWs: 4; SWb: 41; КЭСК: 33]. Привлекаемое в качестве источника башк. устар. *арай* ‘сырой, поемный луг’ [СТРЯ: 34] вполне может быть источником коми слов (как вариант — заимствованием из об.-угор. диал.), но напрямую с рус. вряд ли связано.

Кёрос ‘поляна в лесу на месте вырубки’ (Ч.) [Кривошекова-Гантман 1981: 49], пос. *Керос* (Г.) [Кривошекова-Гантман 1983:

100]. Ср. *Кёрюшка* ‘сенокосное угодье’ Беломор. [РГБ: 147]. < коми [Kalita 1927: 19; Фасмер 1: 315; Кривошекова-Гантман 1981: 49–50], ср. коми-з., коми-п. *керас* ‘вырубка; зарубка’ [ССКЗД: 152; КРК: 264; КПРС: 170]. Очевидна контаминация с *керас*, *керос* ‘возвышенность, поросшая лесом’ (Арх.) [СРНГ 13: 183], (Печор.) [Ивашко 1958: 87], *керес* ‘возвышенное место; каменистый берег’ (Коми, Арх.) [СРНГ 13: 186], *ви́лыс керес* «употребительное между русскими в Запечорском крае Мез. у. зырянское слово, означающее: пахотное поле на возвышенной местности» [СОАН: 18], источником которых является коми-з. *керёс* ‘возвышенность, гора, иногда покрытая лесом’ [SWb: 378; ССКЗД: 153; КРК: 265].

Лабда́ ‘крутой берег; обрыв’ (Черепанова, Дий Ч.) [КСРГСП]. *Лабза* 1. ‘крутой отвесный берег’: *Лабза* — это такой берег вымывает, и там под берегом вода течёт — лабзой называли (Лызово Ч.) [МДЭА]; 2. ‘зыбун; трясина’ (Перм.) [ООВС: 99; Фасмер 2: 443]. *Лабунья* ‘трясина’: *Лабунья* — трясина, поросла мхом (Тулпан, Ч.) [КСРГСП]. *Лавда* ‘топкое место, трясина’ (Сив.) [СПГ 1: 460], ‘болотистая почва’ (Перм.) [Фасмер 2: 444]. *Лобза́* ‘топкое, болотистое место на берегу реки’ [АС 2: 112]. Ср. *ла́бжа* ‘низина’ (Сев.-Урал.), *ла́бза* ‘топкое место, зыбун; трясина, болото’ (Урал., Сиб.), *лабу́нья* ‘берег зарастающего озера’ (Печор.) [СРНГ 16: 215, 218], *лавда* «плавающая трясина или плавучий остров» (Перм.) [Даль 2: 231]. < ср. коми-з. *лабда* ‘корни вывернутых деревьев в воде’, коми диал. ‘низинный высокий ельник’ [КРК: 338], ‘труднопроходимое сырое место’ [Матвеев 1959: 28–29], *лабжа* ‘низкое место, низина’ [ССКЗД: 191]. Авторы КЭСК, утверждая, что -д-/-ж- в коми словах — словообразовательные суффиксы, и привлекая родственные удмуртские факты, предлагают общепермскую реконструкцию **lab-* ‘низкое сырое место в лесу’ [КЭСК: 156]. Рус. *лабда́* и (вторичное) *ла́бза* в значении ‘крутой отвесный берег’ могут быть реликтом нен. *лабадвяв* ‘крутой берег’ [Матвеев 1962: 133].

Няша ‘сырое, топкое место; грязь’: *Няша* — это грязь такая значит, осенью (Покча Ч.) [КСРГСП], д. *Няшино* у г. Перми [Кривошекова-Гантман 1981: 50]. Ср. *няша* «вязкая, или-

стая полоса морского берега, открытая только в малую воду, во время отлива», ‘тина; болото, трясина’ (Арх.), «ил, грязь с тиною, жидкое, топкое дно озера; вязкая, жидкая топь» (Перм., Сиб.) [Даль 2: 564; СОАН: 104], ‘низкие пожни на островах, заливаемые весной в половодье; луг, покрытый травой и мелким кустарником’ (Волог.) [СОВН: 299], ‘вязкое, топкое место, обнажающееся во время отлива; грязь; ил’ (Беломор., Онеж., Олон., Печор.) [ООВС: 131; СООН: 67; Ивашко 1958: 89; СРГК 4: 62; РГБ: 256]. < коми, ср. коми-з. *ńaša, ńatša* ‘пена, осадок, гуща, ил; грязь’ [Kalima 1919: 175; Kalima 1927: 33–34], коми диал. *няша* ‘ил’ [КРК: 447], ‘илистые отложения на лугах’ [ССКЗД: 255], коми-п. *нять, няша* ‘грязь; тина, ил’ [КПРС: 285]. Рус. диал. *няша* объяснялось из коми *ńatša* ‘поросшее мхом место’ [SWb: 672], ‘мягкая низкая трава на сырых лугах’ [КЭСК: 202]. А. К. Матвеев вслед за Т. Итконеном допускает, что *няша* могло быть заимствовано из протосаамского субстрата, ср. саам. (в Норв.) *njæšše*, терское *niešše*, патйюки *ńiěšš^Е* ‘грязь, мусор’ [Матвеев 1959: 31–32], что объясняется отсутствием саамско-прибалтийско-финских лексических параллелей и, более того, коми-пермских. Широкое распространение на русской почве (Арх., Беломор., Волог., Олон., Перм., Урал., Сиб.) [СРНГ 21: 336] может объясняться древним заимствованием. Вместе с соответствующим словом *няча* ‘ил, тина; ряска; цветущая вода’, также представленным в русских говорах Прикамья и заимствованным из п.-фин. языков, ср. фин. *nätsä*, кар. *nätsä*, вепс. *ńädžä* и др., ‘мокрица’ [СВЯ: 371; SKES: 416; KKS 3: 581], коми лексемы образуют единый обширный ареал, в котором происходили интенсивные контаминационные процессы с близким по звучанию и значению словом *няша* [Матвеев 1996: 253–254].

Парма́ ‘глухой лес на возвышенности; возвышенность, покрытая густым лесом’ (повс.) [СГТП: 262–263]. Лексема продуктивна в топонимобразовании края, ср. пос. *Парма* (Кр.), пос. *Пармайыл* (Коч.) букв. ‘вершина пармы’, возв. *Ямжачная Парма* (Ч.) и др. [Кривошекова-Гантман 1981: 50; 1983: 132]. Ср. *парма* «лесистый кряж опостен (параллельный) с

Уралом» (Сев.-Урал.) [Даль 3: 19], «лес, растущий на влажном грунте на большом протяжении. Пармы богаты кедрами, листовенницей» (Волог.) [СОВН: 348], *парма́* ‘дремучий лес’ (Беломор.) [РГБ: 289], (Арх., Печор., Коми, Волог.), ‘лесистый кряж’ (Волог., Печор., Сев.-Урал., Заурал.) [СРНГ 25: 229]. < коми, ср. коми-з., коми-п. *парма* ‘густой, девственный лес; возвышенное место, поросшее еловым лесом; лесистый кряж’ [Kalima 1927: 35; SWs: 190; SWb: 723; Фасмер 3: 208; Матвеев 1959: 32; Матвеев 1964: 301; ССКЗД: 275; СНГТ: 429; КРК: 480].

Ря́ма ‘моховое болото с порослью’ (Ч.) [КСРГСП]. *Рям* ‘непроходимое место в лесу’: *Рям — это роца по край лесу; я стану выходить из наволоков — тут рям, нельзя глаза пропехать, такой молодой лесок. Куда-то зашли, шибко густой рям, дак вовсе выйти нельзя* (Толстик Сол.) [СПГ 2: 311; СГТП: 346]. Ср. *рям* ‘болотистое или низкое место; болото, поросшее мелкими деревьями, кустарником’ (Новг., Урал., Сиб.), ‘непроходимое место в лесу’ (Урал., Сиб.) [Даль 4: 185; СРНГ 35: 350]. < п.-фин., ср. фин. *räme*, кар. *räme, rieme* ‘болото, поросшее чахлым лесом; бурелом’ [Kalima 1919: 210; Фасмер 3: 537; Матвеев 1959: 17; SKES: 911; ПФГЛК: 83; KKS 5: 84, 231; ЭСРДС: 468; Мызников 2003: 282–284].

Сузём ‘лес, глухой лес’: *И через курью на Селищну рѣчку на гору прямо в сузем то ему и межа* (1629 г. Ус.) [Шишонко 1882: 296]. *Сузёмок* ‘глухое, таежное место, отдаленное от жилья’ (Сол.) [СГСП: 616]. Топонимы: бывш. д. и бывш. выс. *Сузёмок* (Ч.) [СГТП: 367–368]. Ср. *сузём, сузёмок, сузёмы, сузём* ‘густой непроходимый лес; лесная чаща вдали от селений’, ‘дальний сенокос в лесу’ (Волог.) [СОВН: 488], *сузёмок* ‘отдаленный лес; дальний сенокос’ (Беломор.) [РГБ: 423], *сузём, сузёмка, сузёмок, сузёмье* ‘большой дремучий лес вдали от жилья; густой непроходимый лес, лесная глушь, чащоба’ (Новг., Онеж., Карел., Арх., Олон., Печор., Урал., Сиб.) [Даль 4: 357; СОАН: 167; СООН: 115; СРНГ 42: 186–190], с XV в. [Шилов 2008: 23]. < п.-фин., ср. фин. *suymä* ‘лесная глушь; сплошной удаленный лес’ [Kalima 1919: 221–222; Фасмер 3: 797; ЭСРДС: 509; Теуш 2003б], кар. *süsta* ‘отдален-

ный лес' [Мызников 2004: 366]. Несомненно, перед нами результат давней контаминации заимствованного слова с исконно рус. *сузём* 'верхний плодородный слой почвы; чернозем' (Новг., Олон., Ленингр., Сиб.) [СРНГ 42: 186].

Тундра 1. 'топкое болото': *Тундра — это тоже болото* (Рябинино Ч.) [СГТП: 377–379]; 2. 'неплодородная торфяная почва': *А тундра — это из моху-то, который на болотах, это торф выходит* (Редикор Ч.). **Тундрить** 'гореть без пламени, тлеть (об участках почвы, растительности)' [КАС]. Примечательно название оз. **Тундра** у Кривицкой старицы на берегу Камы [СГТП: 379]. Данные различных словарей показывают, что **тундра**, **трунда**, **тунда**, **трундра** обозначают в русских говорах (Арх., Волог.) прежде всего различные виды болот [ООВС: 233; Даль 4: 437; 442; СООН: 122; СОАН: 175]. < п.-фин., ср. фин. *tunturi* 'высокая безлесная гора', кар. *tunturi* 'безлесная сопка', *t'sunt'suri* 'вершина горы' < саам. кольское *tundra*, *tuoddar* 'гора', (в Норв.) *duoddâr* 'широкая гора без леса' [Kalima 1919: 227–228; Фасмер 4: 120; SKES: 1402; UEW: 41; ЭСРДС: 567–568; KKS 6: 240, 298; SSA 3: 326–327]. Семантический переход 'гора, плоскогорье' > 'северные степи' > 'болото' > 'торфяная почва' связан с распространением лексемы с северо-запада на юго-восток Европейской части России и далее за Урал [Овечкина 1988: 94–96].

Урдым, **урдымок** 'неширокая лесная дорога для вывозки леса': *Когда лес работали, делали урдым — сначала на лыжах, потом прочищали от леса. Лес возили по урдыму* (Нырб Ч.) [СГТП: 385–386], (Ч.) [КСРГСП]. < коми, ср. коми-з. *ордым* 'просека; тропа, тропинка (лесная)' [SWb: 709; ССКЗД: 260; КРК: 455]. В поисках приемлемой этимологии коми слова, авторы КЭСК выдвигают гипотезу, что первоначально так могли называть жерди, оставляемые в пути охотником [КЭСК: 207], к тому же представляется возможным древнее родство коми-з. *ордым* с п.-фин., ср. фин., кар. *ura* 'колея; тропа, дорога', вепс. *uri* 'нора; борозда' и др., для которых предлагается реконструкция **ura* 'дорога, путь, тропа' [UEW: 804–805]. Ср. также вепс. *urdam* 'промоина' [ПФГЛК: 98].

Шутём ‘оставленное поле, заросшее травой и кустами’ (1626 г. Ч.) [СПП 6: 130]. Повсеместно представлено в современных русских говорах Камско-Колвинского поречья в значении ‘зброшенное поле’ [СПГ 2: 564; СГТП: 405–407; КСРГСП; МДЭА], а также в топонимии региона [СГТП: 407]. Ср. **шутём** «покинутая из-под пашни земля, залежь, залог, заросли, заброс; плохая, пустопорожня пустошь, дикое поле; нива, обращенная под покос» (Перм., Вятск.) [Даль 4: 649]. Долгое время считалось, что данное слово заимствовано из коми языка, однако отсутствие параллелей в других фин.-уг. (и, в частности, в родственном удм.) языках поставило под сомнение данную этимологию: коми-з. *šut'om* ‘заросшее сорняком поле’ [Kalima 1927: 50–51], коми-з. диал. *шутьём* ‘покинутая из-под пашни земля, залежь, заросли, заброс; лесная рощица’ [ССКЗД: 438] < рус. [SWs: 268; Фасмер 4: 492]. Обратный путь заимствования предлагает Е. Н. Полякова [СГТП: 406], привлекая для этого коми-з. *шутны* ‘заквасить, поставить на брожение’ от общепермской основы **šut-* [КЭСК: 324–325]. Длительную дискуссию может завершить неизвестная ранее письменная фиксация или расширение ареала по данным диалектных словарей, многие из которых пока не достигли буквы **ш**.

4. Заключение. Современные миграционные процессы, обусловленные требованием расселения малоперспективных деревень, ведут к тому, что, с одной стороны, верх-колвинцы (носители наиболее архаичных русских говоров Верхнего Прикамья) переселяются в низовья Колвы, давая тем самым ценный материал для исследования; с другой стороны, в новом для себя окружении они быстро ассимилируются с местным населением, переходя на новые условия быта (отказ от лесных промыслов в пользу сельского хозяйства) и на «более современную» речь в повседневном общении. Верх-колвинцы (в нашем случае — уроженцы дд. Сусай, Талово, Ньюзим, Тиминская, Тулпан, Черепанова, Дий) по причине отдаленности, изолированности от больших населенных пунктов сохранили в своей речи весьма архаичные фонетические особенности, отличающие их от остальных диалектоносителей, всю жизнь проводивших в низовьях Колвы: еканье (*нетерых, навезала*), пе-

реход [a] в [e] под ударением между мягкими согласными (*вкуснѣтина, опѣть*), чоканье (*грибнѣча, кунѣча*), произношение [r'] перед задненебными согласными (*глухарька, четвѣрьг*) и др. [МДЭА].

В результате года работы значительный материал для исследования был собран путем полевых исследований в населенных пунктах Камско-Колвинского поречья и методом сплошной выборки из картотек пермских диалектных словарей. На данной стадии оцифровки и анализа собранного материала можно сделать некоторые промежуточные выводы.

1. Среди неисконной лексики в русских говорах Камско-Колвинского поречья преобладают лексемы пермского (коми-пермяцкого и коми-зырянского, реже удмуртского) происхождения. Бытование же лексем прибалтийско-финского (преимущественно карельско-вепского) и саамского происхождения обусловлено генетической связью русских говоров Верхнего Прикамья с севернорусскими говорами, и по сей день обнаруживающими следы тесного взаимодействия с разными финно-угорскими народами.

2. По причине того, что русским, при переселении в северные и северо-восточные местности, приходилось встречаться с новыми природными реалиями и перенимать у коренного населения опыт лесных промыслов, тематические группы, по которым шло основное освоение иноязычной лексики, следующие: «Ландшафт», «Метеорология», «Растительный мир», «Животный мир», «Промысловая деятельность (охота, рыболовство)», «Одежда и обувь». Гораздо меньше лексики финно-угорского происхождения представлено тематическими группами «Трудовая деятельность», «Человек», «Демонология».

3. Несмотря на то, что некоторые из собранных лексем финно-угорского происхождения представлены в различных диалектных словарях и проанализированы в этимологической литературе, в русских говорах Верхнего Прикамья обнаруживается значительное число лексем предположительно финно-угорского происхождения, которые еще предстоит подвергнуть сравнительно-сопоставительному и историко-этимологическому анализу.

СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Г. — Гайнский; Ил. — Ильинский; Коч. — Кочевский; Кр. — Красновишерский; Сив. — Сивинский; Сол. — Соликамский; Ус. — Усольский; Ч. — Чердынский.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- АС — *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)*. Под ред. Ф. Л. Скитовой. Вып. 1–5–. Пермь, 1984–2003–.
- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. Москва, 1955.
- ДООВС — *Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»*. Санкт-Петербург, 1858.
- КАС — *Картотека Словаря говора д. Акчим (Акчимского словаря)*, хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского университета.
- КПРС — *Коми-пермяцко-русский словарь*. Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. Москва, 1985.
- КРК — Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. *Коми-роч кывчукёр*. Сыктывкар, 2000.
- КСРГСП — *Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края*, хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского университета.
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва, 1970.
- МДЭА — *Материалы диалектологических экспедиций автора*.
- ООВС — *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук*. Санкт-Петербург, 1852.
- ПФГЛК — Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. *Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии*. Петрозаводск, 1991.
- РГБ — Мызников С. А. *Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря*. Санкт-Петербург, 2010.
- РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–3–. Москва, 2007–2009–.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. *Словарь венского языка*. Ленинград, 1972.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Ред. А. К. Матвеев. Т. 1–4–. Екатеринбург, 2001–2009–.

- СГСП — Беляева О. П. *Словарь говоров Соликамского района Пермской области*. Пермь, 1973.
- СГТП — Полякова Е. Н. *Словарь географических терминов в русской речи Пермского края*. Пермь, 2007.
- СНГТ — Мурзаев Э. М. *Словарь народных географических терминов*. Москва, 1984.
- СОАН — Подвысоцкий А. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург, 1885.
- СОВН — *Словарь областного вологодского наречия*. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. Санкт-Петербург, 2006.
- СООН — Куликовский Г. И. *Словарь областного олонцекого наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург, 1898.
- СПГ — *Словарь пермских говоров*. Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- СПП — *Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века*. Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1994–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин и др. Вып. 1–43–. Москва, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965–2010–.
- ССКЗД — *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
- СТРЯ — Шипова Е. Н. *Словарь тюркизмов в русском языке*. Алма-Ата, 1976.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва, 1964–1973.
- ЭСРДС — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Москва, Новосибирск, 2000.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. Päätoim. R. Koronen. O. 1–6. Helsinki, 1968–2005.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Toim. Y. H. Toivonen et al. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä*. Etymologinen sanakirja. Päätoim. U.-M. Kulonen. Vol. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- SWb — Fokos-Fuchs D. R. *Syrjänisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Budapest, 1959.
- SWs — Wichmann Y. *Syrjänischer Wortschatz*. Bearb. von T. E. Uotila. Helsinki, 1942.

UEW — Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Budapest, 1986–1991.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриев А. А. 1889 — *Пермская старина*. Вып. I. Пермь.
- Ивашко Л. А. 1958 — Заимствованные слова в печорских говорах. *Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук*. Вып. 42. № 243. Ленинград. С. 84–103.
- Кривошекова-Гантман А. С. 1981 — Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья. *Этимологические исследования*. Свердловск. С. 46–62.
- Кривошекова-Гантман А. С. 1983 — *Географические названия Верхнего Прикамья (С кратким топонимическим словарем)*. Пермь.
- Матвеев А. К. 1959 — Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. (*Уч. зап. Урал. ун-та. Языкознание*. Вып. 32). Свердловск.
- Матвеев А. К. 1962 — Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири. *Вопросы финно-угорского языкознания*. Москва–Ленинград. С. 127–142.
- Матвеев А. К. 1964 — Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала. *Acta Linguistica Hungaricae*. T. 14, f. 3–4. Budapest. P. 285–315.
- Матвеев А. К. 1996 — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах русского Севера. *Этимологические исследования*. Екатеринбург. С. 211–254.
- Мызников С. А. 2003 — *Русские говоры Обонежья: ареально-этимологический анализ лексики прибалтийско-финского происхождения*. Санкт-Петербург.
- Мызников С. А. 2004 — *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ*. Санкт-Петербург.
- Оборин В. А. 1990 — *Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века*. Иркутск.
- Овечкина М. А. 1988 — Семантическое освоение заимствованных топонимических терминов. *Этимологические исследования*. Свердловск. С. 88–104.
- Полякова Е. Н. 2006 — *Региональная лексикология и ономастика*. Пермь.

- Полякова Е. Н. 2009 — *Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья*. Пермь.
- Теуш О. А. 2003а — Взаимодействие языков европейского севера России в сфере географической лексики. *Локальные традиции в народной культуре Русского Севера*. Петрозаводск. С. 342–345.
- Теуш О. А. 2003б — К этимологии рус. диал. сузём. *Ономастика и диалектная лексика*. Вып. 4. Екатеринбург. С. 9–14.
- Хайду П. 1985 — *Уральские языки и народы*. Москва.
- Шилов А. Л. 2008 — *Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка*. Москва.
- Шишонко В. Н. 1881 — *Пермская летопись. Первый период*. Пермь.
- Шишонко В. Н. 1882 — *Пермская летопись. Второй период*. Пермь.
- Kalima J. 1919 — *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki.
- Kalima J. 1927 — *Syrjänische Lehnwort im Russischen. Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. XVIII. Hft. 1–3. Helsinki. S. 1–56.

SOOME-UGRI PÄRAND KAAMA JA KOLVA JÕEALA VENE MURRETES

Roman Gaidamaško

Uuringu eesmärk on soome-ugri päritolu leksika leidmine Kaama ja Kolva jõeala vene murretes, algsõna ja selle vene keelde jõudmise väljaselgitamine. Töö käigus uuriti ka Ülem-Kaama jõeala murrete kujunemist, koguti materjali murdejuhtidelt, murdekartoteekidest, viidi läbi mainitud sõnavara võrdlev-kõrvutav ja etümoloogiline analüüs.

Sissejuhatavas osas põhjendatakse uurimuse aktuaalsust, uurimisala valikut, antakse Ülem-Kaama jõeala vene murrete soome-ugri pärandi uurimise lühiülevaade. Järgneb nende murrete kujunemislugu, mis võimaldab hinnata kohalike keelte vastastikuse mõju mastaape ning annab ettekujutuse Uurali vene kolonisatsiooni algusest ja murrete kujunemisest suurel Kaama ja Kolva jõedal. Artikli põhiosas analüüsitakse soome-ugri päritolu sõnavara Kaama ja Kolva jõeala vene murretes, toetudes murdesõnaraamatutele, murdekaroteekidele ning kogutud murdematerjalile. Võrdlev-kõrvutav ja etümoloogiline analüüs puudutab temaatilist rühma “Maastik”. Migratsiooniprotsesside tulemusena toimunud keelemuutuste alusel hinnatakse kokkuvõttes Kaama ja Kolva jõeala vene murrete tänapäeva olukorda.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ГОВОРА СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛЬШЕ

С. ГЖИБОВСКИЙ

Говор старообрядцев, проживающих на северо-востоке Польши в районе городов Сувалки – Сейны – Августов, после II мировой войны стал полностью островным, так как утратил связь не только с общерусским языком, с которым он поддерживал контакт в течение XIX в., когда этот регион входил в состав Российской империи, но также с говорами своих единомерцев в Литве и Беларуси, с которыми он составлял некую профессиональную общность в пределах II Речи Посполитой. Более того, часть старообрядцев, заселяющих северную часть этого региона, занятую в 1939 г. немецкими войсками, в 1941 г. по соглашению между Германией и СССР была переселена на территорию Литвы, ставшей к этому времени советской республикой, и после войны в подавляющем большинстве не вернулась на свои подворья. Крупный до войны мазурский регион старообрядцев теперь в результате повальной эмиграции в Германию уже почти не существует¹. Вследствие этого говор старообрядцев в настоящее время сохраняется и развивается в основном в районе Августова, и прежде всего в единствен-

¹ Исторические сведения о судьбах старообрядчества на территории Польши почерпнуты из работ [Iwaniec 1977; Grek-Pabisowa 1999: 35–59; Поташенко 2006] и собственных разысканий автора.

ных в Польше местах компактного проживания староверов — в деревнях Габове-Гронды и Бур. Этот говор и является основным объектом наших исследований, представляемых ниже.

В результате многих цивилизационных изменений в образе жизни старообрядцев, прежде всего выхода их из изоляции и значительного сокращения численности (по некоторым данным приблизительно до 800–1000), начиная с 1970-х гг. их говор стал подвергаться сильному воздействию польского языка, причем это воздействие со временем становилось все более заметным в связи со сменой поколений и значительно усилилось к концу XX в. [Гжибовский, Глушковский 2008: 206]. Происходит процесс, который можно определить как гибридизация говора, то есть такое смешение исходного, псковского по происхождению, говора с польским языком, при котором один из них предоставляет формально-грамматические рамки (или иначе — базовый каркас) для функционирования элементов обоих языков — как исходных, так и иноязычных, заимствованных [Гжибовский 2011]. Базовый каркас определяет и этническую принадлежность возникающего языка-гибрида. В нашем случае такой каркас предоставлен исходным русским говором старообрядцев, а более конкретно — его морфологической системой вместе со смежными явлениями, прежде всего морфонологией, а также первичным словарем. В этих структурах системы говора влияние польского языка или полностью отсутствует (морфология) или почти незаметно (первичный словарь).

Польское влияние проявляется прежде всего в лексике, особенно во вторичном словаре и в словаре, касающемся окружающей действительности, то есть администрации, образования, правовых отношений, но также, вопреки ожиданиям, и в той части словаря, который касается домашнего обихода, например, постройки дома. Там отмечаются как прямые заимствования из польского языка, так и кальки. Фразеологическая система тоже испытывает сильное польское влияние, прежде всего в виде калькирования польских идиом. Польский язык влияет также и на синтаксис говора, в котором выступает целый ряд калькированных польских синтаксических конструк-

ций¹. Например, в говоре произошла полная смена русской посессивной конструкции *быть у кого* на конструкцию *кто имеет*, аналог которой доминирует в польском языке. Речь многих старообрядцев этих деревень, особенно молодого поколения, подчас выглядит как пословный перевод с польского и во многих случаях оказывается непонятной для тех, кто не знает этого языка.

Влияние польского языка и элементы гибридности проявляются также и в фонетике. Степень воздействия на этом уровне языковой системы, однако, довольно различна в зависимости от подсистемы. Наиболее заметно влияние польской фонетики проявляется в консонантизме, в котором, по данным И. Грек-Пабисовой [Grek-Pabisowa 1968: 56–63], исследовавшей говор в 50–60-е гг. XX в., когда можно было еще говорить о состоянии, близком к исходному, среди переднеязычных согласных существовала корреляция по мягкости, представленная в виде соотносительного ряда:

- (1) t d s z ł n r
t' d' s' z' l' n' r'

Эта корреляция включала также губные согласные, которые противопоставлялись лишь перед гласными. За ее пределами находились альвеолярные и [с], реализуемые как твердые, а также заднеязычные согласные, между твердыми и мягкими вариантами которых наблюдалась дополнительная дистрибуция.

Следует также отметить, что согласные, составляющие корреляцию по мягкости, подвергались нейтрализации перед [e] в исконно русской лексике. У представителей старшего поколения нейтрализация переносилась также на некоторые заимствования из польского, напр.:

- (2) [v'endl'i'iny] — ‘мясные изделия’, польск. *wędliny*;
[dyr'ekt'orka] — ‘женщина-директор’, *dyrektorka*;
[p'er'uka] — ‘парик’, *peruka*.

¹ О польском влиянии на лексику и синтаксис говора см. [Paśko 2008], а также [Grek-Pabisowa 1983].

В настоящее время корреляция в том виде, в котором она представлена в (1), уже почти не существует. На смену ей пришел ряд, в котором мягкие зубные заменены среднеязычными [ć], [ź], [ś], [ż], созвучными польским палатальным согласным. Между русской мягкостью и польской палатальностью есть целый ряд переходных стадий, которые могут выступать как варианты этого звукового класса. Эти варианты и прослеживаются в говоре, выступая иногда у одного и того же информанта, но прежде всего характеризуя возрастные различия. Произношение мягких [tʲ], [dʲ], [sʲ], [zʲ], иногда у смычных с некоторой шепелявостью и / или аффрикатизацией, отличной от польской, можно непоследовательно отметить у самых пожилых жителей, в основном родившихся и получавших языковую социализацию до войны, когда первичным и основным кодом был именно их говор. У младшего поколения выступает уже только палатальная реализация этих сегментов.

Точное определение артикуляции мягкого носового согласного [ń] в говоре требует инструментальных исследований, но по косвенным данным, например, по произношению аналогичного сонанта в польской речи старообрядцев, можно судить, что он реализуется как звук среднеязычного, палатального, а не переднеязычного ряда, так как в их польской речи нет отклонения от польской орфофонической нормы реализации этого согласного именно как палатального.

Мягкий латеральный [lʲ] в речи среднего и молодого поколения заменен альвеолярным [l], не имеющим выразительной характеристики с точки зрения твердости-мягкости, то есть таким же, как в польском. Мягкий вариант проявляется изредка лишь у представителей старшего и среднего поколений. И одновременно с этим твердый латеральный сонант заменен повсеместно глайдом [w], созвучным с польским, лишь у некоторых самых пожилых можно отметить сохранение его зубной реализации. При этом следует заметить, что И. Грек-Пабисова отметила глайдовую реализацию этого сонанта еще в 1950–60-е гг. в дер. Бур [Grek-Pabis 1968: 59]. Таким обра-

зом, вариантность в реализации этого сонанта известна уже давно и в свое время имела локальную отнесенность.

Модифицированное палатальное произношение мягкого класса зубных согласных, ориентированное на польскую норму, и глайдизация латерального твердого сонанта были отмечены автором статьи уже в начале 1970-х гг. в речи, а вернее — в песнях самых юных староверов этих деревень, где звучало:

- (3) [śivYodńa] – *сегодня*, [śvidYańija] – *свидания*, [śiżYit] – *сидит*,
[ćib'Ya] – *тебя*, [dYumawa] – *думала*, [lub'Yiwa] – *любила*,

и тогда это составляло резкий контраст с произношением пожилых старообрядцев, в речи которых доминировали реализации, немногим или вообще не отличающиеся от русской литературной нормы.

Таким образом, представленная выше корреляция переднеязычного ряда сейчас реализуется в виде противопоставлений, аналогичных польским:

- (4) t d s z n — зубные,
ć ź ś źń — палатальные,
w — глайд,
l — альвеолярный нейтральный согласный.

И лишь у вибрантов до сих пор сохраняется также в речи самых молодых неизвестное польскому языку различие по твердости–мягкости, напр.:

- (5) *веру* – *верю*.

Эти оппозиции (быть может, за исключением [w] – [l]) можно также рассматривать как специфическую реализацию корреляции по мягкости и утверждать, что эта корреляция в говоре сохраняется, тем более что в речи старшего и среднего поколений можно отметить также последовательное противопоставление цепочек типа:

- (6) C'V – C'jV: *мясо* – *семья*, *копя* – *свинья*, *пять* – *пьяный*, *тяжко* – *третья*¹,

¹ Фонема /t'/ в этих словах реализуется естественно как палатальный согласный [ć], и это представляет некую специфику говора

то есть разграничение синхронной мягкости в лексемах, предусматривающих сочетание «мягкий согласный + гласный», и выделение палатальной артикуляции в сегмент [j] там, где это предусмотрено фонематическим составом. Такое разграничение в польской артикуляционной базе, на которую по всем данным ориентируется фонетика говора старообрядцев, уже не существует. Утверждение о различии цепочек такого типа было одним из аргументов З. Штибера в пользу тезиса о сохранении корреляции по твердости-мягкости в польском консонантизме [Stieber 1966: 107–108], в то время как сторонники ухода этой корреляции из польского языка в XX в. приводили доказательства в пользу утраты этого различия, что давало возможность интерпретировать фонетическую мягкость согласных как позиционную, выступающую перед гласным [i], имеющим уже самостоятельный фонематический статус, или перед [j], постулируемым в позиции перед другими гласными (см., напр.: [Sawicka 1995: 144–149]).

Если придерживаться такой аргументации, то различие цепочек C'V – C'jV может свидетельствовать в пользу консонантной принадлежности корреляции по мягкости в говоре, несмотря на ее значительную модификацию.

В речи молодого поколения старообрядцев этих деревень намечается, однако, отход от такой реализации мягкости и появляются единичные примеры асинхронной палатальности губных согласных, напр.:

(7) [p'j'ać] – *пять*, [b'j'ewuj] – *белый*,

что наряду с трансформациями корреляции по мягкости в классе зубных позволяет прогнозировать для говора процесс, аналогичный тому, которому подвергся польский язык в XX веке, — устранение корреляции по мягкости за счет выделения /j/ как сегмента, ответственного за позиционную палатализацию согласных. Одновременно с этим в реализации мягких губных согласных перед гласными (кроме [i]) можно отметить появ-

по сравнению с польским языком, которому цепочка [ćja] неизвестна.

ление вариантной реализации — с глайдом [j] и без него. Можно также прогнозировать вариантную реализацию с устранением глайда исходных цепочек в словах типа *семья*.

Наряду с этим в говоре отмечен пока что единичный пример произношения (полу)мягкого [t'] перед [i] в заимствованном из польского прилагательном:

(8) [plastik'ovyj] – ‘пластмассовый’ (*plastikowy*),

свидетельствующего о намечающейся фонологизации контраста [i] – [y], до сих пор по всем предположениям носящего аллофонический характер, и об укреплении ухода категории твердости-мягкости из консонантизма этого говора. Иначе появляется не бинарное, а тернарное противопоставление по этому признаку ([t] – [t'] – [ć/t']), что противоречит сущности коррелятивных отношений и является одним из доказательств утраты этой корреляции в польском языке [Grzybowski 1999: 137].

В соответствии с процессом трансформации корреляции по мягкости в говоре подавляется нейтрализация твердых и мягких согласных перед [e] в заимствованных из польского словах, напр.:

(9) [paɾ'aɲet] – *подоконник* (*parapet*),
[ɲyɾ'ektor] – *директор* (*dyrektor*),
[t'ɛxnikum] – *техникум* (*technikum*) и др.

Но это также является источником фонетической вариантности, появляющейся, например, в дериватах с префиксом *без-*:

(10) [bezw'at] – ‘инерция’ (*bezwład*), а также [bezd'omnyj] – ‘бездомный’ (*bezdomny*), но [b'ɛzrab'ocije] – ‘безработица’ (*bezrobocie*).

Процессу устранения этой корреляции сопутствует также проникновение в фонематическую систему говора аффрикат [ʒ] и [ʒ̣] в словах, заимствованных из польского языка:

(11) [ʒ] – *дзбан*, *атправадзiць*, [ʒ̣] – *джем*.

Они, естественно, не включаются в корреляцию по мягкости, и тем самым увеличивают количество сегментов, не подвластных ей, способствуя процессу ее устранения.

В вокализме влияние польского языка является более сложным и не таким однозначным. Оно отчасти затрагивает и связанный с вокализмом просодический уровень — акцентуацию говора. На орфофоническом уровне влияние на вокализм говора кажется бесспорным — старообрядцы всех поколений реализуют ударные, а также иногда безударные гласные исходного говора по польским эталонам.

Иначе обстоит дело с морфонологическим аспектом безударности. Говору свойственны разноместность и подвижность ударения как его незыблемая черта, также свидетельствующая о том, что возникающий говор-гибрид относится к русским диалектам. Эта черта является прочным элементом его базового формально-грамматического каркаса. В безударном вокализме в результате сохраняются отношения, свойственные западной зоне средневеликорусских диалектов, а именно «аканье», «яканье» и т. п. результаты чередования ударных и безударных гласных (см. [Sosnowski 1977]). В исконно русской лексике говора наблюдается известная русским говорам вариантность между яканьем и иканьем / еканьем. В заимствованиях же из польского варьирование имеет другую характеристику. Многие заимствования также подвергаются процессам аканья и яканья, напр.:

- (12) *гату́вка* – ‘наличные деньги’ (*gotówka*),
агульня́к – ‘средняя школа’ (*ogólniak*),
ляду́вка – ‘холодильник’ (*lodówka*),
бязу́нка – ‘понос’ (*biegunka*),
наряка́ть – ‘жаловаться’ (*narzekać*).

Однако в некоторых заимствованиях можно отметить тенденцию к подавлению редукции и произношению безударного [o], напр.:

- (13) [pɔtstav'ovujɔ] – ‘основную (школу)’ (*podstawowa*),
[koleż'ank'i] – ‘подруги’ (*koleżanki*),
[op'ek'uńčuj] – ‘заботливый’ (*opiekuńczy*),
[zavod'ovuj] – ‘профессиональный’ (*zawodowy*) и др.

Но эти же и подобные им заимствования являются также источником варьирования фонетического облика слов, так как наряду с подавлением аканья они могут выступать и с заменой безударного [o] на [a] (см. ниже примеры 20–23).

У самых молодых старообрядцев намечается изменение ритма ударных и безударных слогов на польский манер, а именно, вместо русского ритма по формуле А. Потебни 1 2 3 1 можно заметить ритмизацию, близкую к польской, то есть 2 2 3 2. Вместе с тем произношение безударных гласных второй ступени редукции начинает получать ориентацию на ударные — наблюдается замена централизованного безударного гласного [ɤ], доминирующего, но не повсеместного в речи старшего поколения, ослабленным гласным [a] в предударных и — что самое интересное — гласным [y] в заударных слогах, исключая конечные открытые, напр.:

- (14) [maw'odyva] – *молодого*,
 [g'owyt] – *голод*,
 [st'aryśc] – *старость*,
 [l'etym] – *летом*,
 [j'xyw] – *ехал*,

а изредка также и в предударных слогах, напр.:

- (15) [tynce^v'aw] – *танцевал*.

Редуцированный гласный [y] в таких позициях выступает изредка и в речи самых пожилых жителей деревень Габове-Гронды и Бур как вариант реализации этого гласного, но в речи молодежи он звучит отнюдь не как результат количественной редукции, а как полноценный гласный.

Этот процесс можно рассматривать как проникновение польских орфофонических навыков в реализацию русского безударного вокализма, в котором чередования ударных и безударных гласных уже перестают быть результатами фонетического процесса редукции и носят морфонологический характер, выступая как немотивированные чередования.

Важно также отметить, что большинство произнесений [y] приходится на безударные флексии, напр.:

- (16) [m'awujɔ] – *мáлая*,
 [d'umuju] – *дúмаю*,
 [kʲv'alerym] – *кавалéром*,
 [na j'agʲdyx] – *на я́годах*.

Появление [у] в окончаниях им. пад. ед. ч. женского рода прилагательных приводит к появлению заново сочетаний заднеязычных согласных с этим гласным, то есть [ку], [гу], [ху], напр.:

- (17) [g'or'kuja] – *гóрская*, [d'owguja] – *дóлгая*.

Кроме подвижности и разноместности ударения в говоре сохраняется и его связь с морфемным наполнением слова (ср. также [Paško 2010: 184]). Так, приставка *вы-* у глаголов совершенного вида является ударной даже в заимствованиях, напр.:

- (18) *вы́бухла* – ‘разразилась (о войне)’ (*wybuchła*),
вы́рушить – ‘отправиться’ (*wyruszyć*),
вы́лучить – ‘выключить’ (*wyłaczyć*) и др.

Заимствования с суффиксальным *-ак-* ведут себя в соответствии с акцентуацией русских дериватов с этим формантом, напр.:

- (19) *вешáк* (‘вешалка’, *wieszak*) – *вешакá*.

Целый ряд заимствований не соблюдает польского пенультиматизма и присваивает некоторым формам ударение в соответствии со своими собственными правилами акцентуации, которые еще предстоит выяснить. Вот примеры:

- (20) *авáд* – ‘насекомое’ (*owad*),
агóн – ‘хвост’ (*ogon*),
безвлáд – ‘инерция’ (*bezwład*),
бадáть – ‘исследовать’ (*badać*),
ашу́ст – ‘обманщик’ (*oszust*).

При этом, однако, можно отметить, что в целом ряде таких заимствований появляются акцентуационные дублеты [Paško 2010: 186–187], то есть «новая», свойственная говору, и

польская акцентуация. Самым ярким примером этого является слово, восходящее к польскому *rower* ‘велосипед’, где мы находим следующие акцентные варианты, причудливо сочетающиеся с варьированием качества согласного [v]:

(21) *равэр, равэр, рóвэр, рóвер, раверá* (Им. мн.), *равэра́м* (Тв. мн.)¹.

Аналогичные примеры акцентуационного варьирования характерны также для многих заимствованных глаголов, напр.:

(22) *атру́ть / óтруть* – ‘отравить’ (*otruć*),
будава́ть / будóвать – ‘строить’ (*budować*),
абскраба́ть / абскрóбать – ‘почистить (от кожиры)’ (*obskrobać*).

и для целого ряда других форм:

(23) *дахóд / дóхуд* – ‘прибыль’ (*dochód*),
дялча́ка / дяло́чка – ‘участочек’ (*dzialeczka*),
фатэ́ль / фóтэль – ‘кресло’ (*fotel*),
агульня́к / агу́льняк (см. выше пример 10)².

Таким образом, важным источником фонетического варьирования в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше в дер. Габове-Гронды и Бур, является его модификация под воздействием польского языка. Наиболее интенсивно это проявляется в консонантизме, где влияние польского языка охватывает своим действием все проявления независимо от происхождения. Вокализм и акцентуационная система говора подвержены польскому влиянию в меньшей степени, но некоторые проявления варьирования тоже связаны с польским влиянием, так как появляются прежде всего в заимствованиях из этого языка.

¹ Запись с буквой э передает твердое произношение согласного.

² Автор благодарен Д. Пасько-Конэчняк за возможность использования в настоящем исследовании собранного ею материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Гжибовский С. 2011 — Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше. *Studia Rossica Posnaniensia* (в печати).
- Гжибовский Ст., Глушковский М. 2008 — Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове-Гронды и Бур (Польша). *Русские старообрядцы: язык, культура, история*. Москва. С. 200–214.
- Поташенко Г. 2006 — *Староверие в Литве. Вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы и материалы*. Vilnius.
- Grek-Pabisowa I. 1968 — *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim*. Wrocław.
- Grek-Pabisowa I. 1999 — *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka i obyczajów*. Warszawa.
- Grek-Pabisowa I. 1983 — *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*. Wrocław.
- Grzybowski S. 1999 — Status fonематyczny palatalności в языках словяńских. *Sawicka I., Grzybowski S. Studia z palatalności w językach słowiańskich*. I. Toruń. С. 103–193.
- Iwaniec E. 1977 — *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Warszawa.
- Paško D. 2008 — *Funkcjonowanie rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru w warunkach dwujęzyczności polsko-rosyjskiej*. Toruń (неопубликованная кандидатская диссертация).
- Paško D. 2010 — Adaptacja akcentuacyjna zapożyczeń z języka polskiego do rosyjskiej gwary staroobrzędowców. *Staroobrzędowcy za granicą*. Pod red. M. Głuszkowskiego i S. Grzybowskiego, Toruń. С. 181–188.
- Sawicka I. 1995 — Fonologia. *Dukiewicz L., Sawicka I. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Fonetyka i fonologia*. Pod red. H. Wróbla. Kraków. С. 105–194.
- Sosnowski J. 1977 — Samogłoski przedakcentowe po spółgłoskach miękkich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców wsi Gabowe Grądy i Bór. *Slavia Orientalis*. XXVI. № 1. С. 81–86.
- Stieber Z. 1966 — *Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego*. Warszawa.

POOLA VANAUSULISTE VENE MURRAKU
FONEETILISED ISEÄRASUSED

Stefan Grzybowski

Poola vanausuliste vene murrakut on viimased aastakümned tugevasti mõjutanud poola keel, võib täheldada hübriidiseerumise tunnuseid. See protsess puudutab eelkõige leksikat ja süntaksi ning peaaegu ei avaldu morfoloogias, mis on seetõttu tekkiva etnolekti formaal-grammatiliseks karkassiks.

Muutused foneetilisel tasandil puudutavad eelkõige konsonantismi, eriti ühe vene etnolektide peamise foneetilise kategooria eripära osas — palataalsuse / mittepalataalsuse korrelatsiooni, mis poola keele foneetika mõjul on muutumas tekkekoha ja/või -viisi vastandamiseks, ilmnedes murraku keeleühikutes (sõnades) sõltumata päritolust.

Vokalismis ja sellega seotud aktsentuatsioonis ilmneb poola keele mõju aa-tamise ja jaa-tamise allasurumises ning kaashäälikute neutraliseerumises hääliku /e/ ees ja anksentuatsiooni suhete katkemises poola keelest laenatud leksikas. Põlisleksikas võib poola keele mõju vaadelda rõhute ja rõhuliste täishäälikute hääldusetalonide ühtlustumise tendentsi näol.

Modifikatsioonid, mis tekivad poola keele mõjul, on ühtlasi olulised foneetilise varieerumise allikaks.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА ПОЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ КАК ПРИЗНАК ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

М. ГЛУШКОВСКИЙ

На эволюцию языка и языковой ситуации польских староверов влияли изменения социополитической ситуации этой общины. Мигрировавшие на территорию Речи Посполитой с конца второй половины XVII века старообрядцы составляли религиозное, этническое, культурное и языковое меньшинство. Они находились на территории другого этноса, но не сразу стали двуязычными. На основании доступной информации можно предположить, что до начала XX века многие старообрядцы, особенно женщины, были одноязычными [Гжибовский, Глушковский 2008: 205]. Из-за ограниченных контактов с внешним миром они не нуждались в знании польского языка, так как находились в пределах Российской империи и не теряли связи со старообрядческими общинами на территории Беларуси и стран Балтии.

К интенсивному развитию двуязычия польских староверов привела геополитическая и социальная ситуация после 1945 г. Во-первых, они потеряли связь со своими единоверцами этого региона, которые находились на территории СССР. Во-вторых, в это время возросла необходимость владения польским языком — старообрядцы учились в польских школах, усилилась роль СМИ, многие члены общины стали работать или подрабатывать в городе. Кроме того, после Второй мировой войны значительно сократилась численность старообрядцев

в Польше, вследствие чего вопрос гетерогенных браков стал более актуальным. Учеба в польских школах, работа на польских предприятиях и в учреждениях порождали неформальные, дружеские контакты с польским населением. Всё это привело к тому, что не только самые молодые члены староверской общины, но и их родители овладели польским языком на хорошем уровне. Их компетенция в области польского языка не отличается от компетенции их польских соседей.

К. Полянский определяет варианты как языковые элементы, идентичные с функциональной точки зрения, но разные формально [Polański 2003: 630]. В структурализме варианты считаются осуществлением одной и той же единицы — инварианта. В качестве примеров таких вариантов К. Полянский называет аллофоны и алломорфы [там же 2003: 262]. На этом основании можно определить явление вариативности в более широком плане и отнести его также к лексическому и синтаксическому уровням. Кроме фонетических и морфологических вариантов могут существовать дублированные лексемы (например, диалектный и стандартный вариант названия какого-либо предмета или два варианта глагольного управления в какой-то конструкции). В стандартизованных языках появление данного варианта, особенно аллофонов и алломорфов, строго обусловлено их позицией, или морфонологическими правилами. Такая позиционная вариативность в значительной степени регулярна. Данная статья посвящена прежде всего описанию случаев нерегулярной вариативности, которая свойственна нестандартизованным языкам.

Старообрядцы пользуются или общим, стандартным польским языком, или его региональным, северо-восточным вариантом (как и жители соседних деревень). В таком соотношении языка и диалекта выступают и регулярные, и нерегулярные варианты, но по нашим наблюдениям нет особых различий в языковом поведении старообрядцев и их польских соседей.

С точки зрения вариативности языка ситуация говора польских старообрядцев намного интереснее. Распространение знания польского языка привело к его употреблению также и внутри общины. Одновременно русский говор стал подвер-

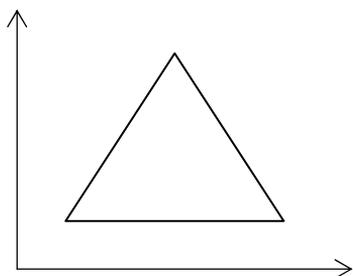
гаться все более сильному влиянию общего государственного языка. Это влияние является одним из трех главных факторов, способствующих развитию вариативности диалекта польских староверов. Второй фактор связан с восточнославянскими и польскими диалектами, влиянию которых говор польских староверов подвергался во время миграции (прежде всего на белорусских землях). Третий (хронологически первый) фактор — это природная вариативность диалектов. На такие тенденции обращала внимание Л. Баранникова, которая полагала, что варьирование говоров связано прежде всего с отсутствием письменной формы, которая могла бы закрепить «стандарт» или норму данного диалекта [Баранникова 1969: 331–333]. Вариативность может выступать в области лексики, если существует больше одного названия одного предмета, и на других уровнях языковой системы. Например, Л. Баранникова отметила три варианта произношения одной аффрикаты в говорах Поволжья: [čʹ], [cʹ] и [cʹʹ] [там же: 333].

Л. Баранникова утверждает, что диалектные системы отличаются от общенародных открытостью и проницаемостью на всех уровнях. Таким образом, диалект не только подвергается внутреннему варьированию, но также легко заимствует элементы из стандартного языка — общенародного или чужого (в ситуации языкового контакта). Появление новых элементов и способы их адаптации являются важным источником вариативности.

О том, что в диалектах вариативность проявляется намного чаще и сильнее, чем в общенародном языке, свидетельствуют результаты многих исследований. Среди них следует обратить внимание на теорию, созданную польскими социолингвистами З. Бокшанским, А. Петровским и М. Зюлковским на основании положений М. Халлидея и Б. Головина. Они утверждают, что вариативность языка и степень его стандартизации можно изобразить с помощью пирамиды, на вершине которой находится стандартный литературный язык, а чем ниже, тем больше встречается территориальных вариантов, которые иногда сильно отличаются друг от друга.

Диаграмма. Зависимость вариативности от территориального членения языка. Модель [Bokszański, Piotrowski, Ziółkowski 1977] на основании теорий М. Халлидея.

Стандартизация,
общенародный вариант

Территориальная разновидность,
вариативность — диалекты

Вышеупомянутый теоретический подход дополняется другой теорией — классификацией языков с учетом критерия стандартизации. Х. М. Тортоса полагал, что существуют разные уровни языковой нормы. Наименее стандартизованными являются языки, у которых существует только устный вариант. На очередных, более высоких уровнях находятся языки с письменным фольклорным, затем литературным и научным вариантами, а на высшей ступени этой иерархии — языки, которые используются для составления резюме и аннотаций научных текстов на других языках [Tortosa 1986: 9]. Итак, польский язык, обладающий всеми типами письменных вариантов, но не используемый за рубежом для перевода и аннотаций научных текстов, находится на предпоследнем уровне стандартизации. Речь же польских старообрядцев находится на самой низкой ступени, или, по нашим последним наблюдениям, где-то на промежуточном уровне между двумя низшими, так как удалось найти некоторые диалектные фольклорные тексты в письменном виде — тексты песен ансамбля «Рябина» из старообрядческой д. Габове-Гронды около Августова. Однако это только один пример, и притом нет уверенности в том,

что эти тексты были созданы самими старообрядцами¹. Есть также тексты на русском языке, например, воспоминания и стихотворения, старообрядческое происхождение которых не вызывает сомнения, но они были написаны на общерусском языке, не на говоре, поэтому их существование не влияет на становление диалектных форм и норм.

По мнению Е. Нефедовой, вариативность — это чаще всего индивидуальное явление [Нефедова 2002: 254–255]. Так как язык группы это не простая сумма идиолектов ее членов, но явление другого уровня, многие индивидуальные варианты исчезают в групповом общении. Однако, если община не фиксирует норм своего языка, этот процесс может быть медленным, а некоторые варианты могут распространиться в данной группе. Такова ситуация во многих диалектах.

Первым главным фактором, способствующим варьированию диалекта исследуемой нами группы, является природная вариативность диалектной речи. В говоре польских староверов сохранилось много исконных русских диалектных черт из региона Великих Лук, Пскова и Новгорода. Например, безударный гласный *u* переходит в *v* (*f*) в префиксах и предлогах, а также в частице *užé* (*vže*): *ftap'íc*, *vdar'ít'*, *v névó*, *vm'éjet*. На это явление обратила внимание И. Грек-Пабис, подчеркивая, что *u* переходит в *v* (*f*) нерегулярно [Grek-Pabisowa 1968: 51–52]. Наряду с упомянутыми формами встречаются слова, в которых гласный *u* сохранился независимо от своей позиции, например: *um'éju*, *užé plany jésca*. Вариативность перехода *u* в *v* (*f*) выступает на групповом уровне, в отдельных идиолектах наблюдается или один из вариантов, или значимое преобладание одной из форм.

¹ Большинство исполняемых «Рябиной» сочинений — это традиционные русские песни, популярные в разных регионах. Только некоторые песни были сочинены уже на польской территории, но как в случае общерусских, так и новых текстов, трудно определить, кто первым их записал. Кроме самих старообрядцев во многих случаях это были сотрудники дома культуры и художественные руководители ансамбля.

В исследуемом диалекте выступают йотированные указательные местоимения, например, *jéta, jétat*, но одновременно наблюдаются и нейотированные варианты: *étamu, éta* [Głuszkowski 2010: 161]. Варьирование форм местоимений выступает как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

По наблюдениям И. Грек-Пабис, сочетания *-šč-*, *-sč-* и *-zč-* в 1950–60-е годы произносились как два звука. Выступали два варианта: *š + č* и *š' + č'* [Grek-Pabisowa 1968: 61]. Сейчас мягкий вариант практически исчез и основной нормой является *š + č*, напр. *plóščaž, kaščuny*.

В говоре старообрядцев выступают два варианта согласного ч: *č'* (*oc'eń, t'eč'eńje*) и *č* (*šejčas, čevó, čystyj*), при этом непалатальный вариант более частотный. Колебания выступают не только на групповом уровне, но и на индивидуальном. Варианты можно встретить даже в рамках одного слова у одного информанта: *č'elavék, čelav'ék'e* [Głuszkowski 2010: 161].

Причиной многих колебаний бывает влияние общерусского языка. Некоторые из вышеупомянутых вариантов свойственны нормам русского литературного языка. Нейотированные варианты указательных местоимений или палатальный согласный *č'* могут появляться в речи наших информантов под влиянием общерусского языка. Многие старообрядцы, особенно в среднем и старшем поколении, слушают русскоязычные радио- и телепередачи, а некоторые читают газеты и книги на русском языке. Кроме того, старообрядцы, ходившие в школу во время Польской Народной Республики (1945–1989)¹, обязательно учились русскому языку.

Следующий пример вариативности старообрядческого говора связан с консонантной системой диалекта. Еще в первых декадах второй половины XX века рядом с непалатальными переднеязычно-зубными согласными *t, d, s, z* выступали палатализованные *t', d', s', z'*, а также их палатальные варианты *ć, ź, ś, ź*, возникшие под влиянием польского языка. Палатальные переднеязычно-зубные согласные наблюдались преж-

¹ В некоторых основных школах и во многих средних школах русский язык преподавался также и позже.

де всего в речи младшего поколения староверов [Grek-Pabisowa 1968: 57–58]. В начале XXI века по-прежнему можно отметить в речи исследуемой группы два типа мягкостной оппозиции: исконно диалектный и «польский», но частотность палатальных вариантов значительно увеличилась по сравнению с серединой прошлого столетия. Сейчас *t'*, *d'*, *s'*, *z'* наблюдаются лишь в немногих идиолектах представителей старшего поколения, но даже в их речи рядом с палатализованными согласными выступают палатальные. Изменились не только количественные отношения обоих вариантов, но также их зависимость от позиции в слове. В 50-е и 70-е годы XX века палатальные *ć* и *ź* произносились прежде всего после мягкого *ś* (мягкостная корреляция) [там же]. Согласно последним записям говора польских старообрядцев, даже в старшем поколении, в речи информантов, владеющих русским диалектом на высоком уровне, палатальные согласные выступают также в интервокальной позиции, в конце и начале слова, напр.: *być*, *ćela*, *mąjeće*, *śēju*, *źimój*, *źeml'a* [Głuszkowski 2010: 161–162]. Эволюция языка исследуемой нами группы носителей привела только к изменению характера фонетической вариативности, но сам факт отсутствия орфофонической нормы не изменился. Следует отметить, что этот тип языкового варьирования выступает и на групповом, и на индивидуальном уровнях.

В случае изменяющейся палатализации переднеязычно-зубных согласных главной причиной возникновения вариантов было влияние польской фонетики. Однако, если в говоре польских староверов были бы прочные нормы, изменения не были бы настолько значимыми.

Другой важный фактор, способствующий варьированию исследуемого нами говора — ситуация языкового контакта. Язык польских старообрядцев находится в ситуации островного говора. Как полагает А. Дуличенко, «оторванные от исходного этноязыкового корня, <...> острова постоянно ощущают языковой дефицит, особенно что касается его использования в области культуры, образования, науки. С одной стороны, их представители должны овладеть языком окружающего этноса (что в действительности и наблюдается), с другой — для

них важно сохранить язык своих предков» [Дуличенко 1998: 26]. Овладевшие польским языком старообрядцы в ситуациях языкового дефицита или переходят на язык окружения, то есть переключают код, или прибегают к чужой лексике — заимствуют и калькируют отдельные лексемы, а также копируют фразеологические конструкции. Причиной заимствований является чаще всего отсутствие собственной лексики в конкретной коммуникативной ситуации, например, во время разговора о современных средствах транспорта старообрядцы используют польские названия. Таким образом, процесс заимствования в своем истоке является индивидуальным. Случаи, в которых одна и та же польская лексема заимствуется разными членами группы и адаптируется в разных вариантах — относительно частотны. Согласно положениям У. Вайнрайха, в процессе группового общения многие проявления интерференции нейтрализуются [Weinreich 1963: 83]. Некоторые заимствованные единицы закрепляются в языке, в то время как другие исчезают. Однако до тех пор, пока унификация форм не завершится, в языке билингвальной группы параллельно функционирует несколько вариантов данного заимствования.

Один из типов ассимиляции иноязычной лексики связан с фонетической адаптацией. В говоре староверов сувальско-августовского региона в заимствованном слове польские фонемы заменяются русскими (диалектными), что часто связано также с изменением места ударения. Д. Пасько приводит ряд примеров акцентологических вариантов заимствований из польского языка в говоре польских староверов [Paško 2010: 186–187]:

ravér / rav'ér || *róver / rón'er* 'велосипед'

fatél || *fótel* 'кресло'

páp'es || *pap'és* 'римский папа'

atruć || *ótruć* 'отравить'

paspráwżác || *paspravżác* 'проверить'

Наблюдения за языком польских староверов показывают, что одновременно могут существовать несколько вариантов одной лексемы (чаще всего два или три).

Таблица. Некоторые примеры дублированных лексем в говоре старообрядцев сувальского и августовского регионов.

Польская вставка — неассимилированное заимствование	Ассимилированное заимствование (транскрипция)	Диалектный или общерусский вариант (транскрипция)	Общерусский вариант
<i>grać w piłkę</i>	igrat' v p'ilku	igrat' v m'ač'	<i>играть в мяч</i>
<i>po rosyjsku</i>	pa_rusku	pa_russk'i	<i>по-русски</i>
<i>zapukać</i>	zapukać	pastučat'	<i>постучать</i>
<i>wakacje</i>	wakacji	kańikuły	<i>каникулы</i>
<i>ognisko</i>	agniska	kast'ór	<i>костёр</i>
<i>godzina</i>	gaz'ina	čas	<i>час</i>
<i>trójka</i>	trujka ¹	trójka	<i>тройка</i>
<i>Czerwony Kapturek</i>	Červónyj Kapturyk	Krasnaja Šapočka	<i>Красная Шапочка</i>
<i>za darmo</i>	za dárma	-	<i>даром, бесплатно</i>
<i>żeby</i>	-	štoby	<i>чтобы</i>
<i>wojskowy</i>	vajskóvuj	-	<i>военный</i>
<i>nabożeństwo</i>	-	służba	<i>служба</i>
<i>tak zwany</i>	tak zvánjy	-	<i>так называемый</i>
<i>ubranie</i>	-	ad'óžda, ad'óža, ad'ejańje	<i>одежда</i>
<i>rodzina</i>	-	s'em'ja	<i>семья</i>
<i>rzadko</i>	žadka	r'edka	<i>редко</i>
<i>betoniarka</i>	betońarka ²	-	<i>бетоно-мешалка</i>
<i>piasek</i>	-	p'esok	<i>песок</i>
<i>nauczycielka</i>	naučyt'elka	-	<i>учительница</i>

Большое количество заимствований из польского языка не вызывает сопротивления носителей старообрядческого диалекта,

¹ В именительном падеже слово не отличается от польского источника, но считается адаптированным из-за диалектной парадигмы склонения.

² См. предыдущее примечание.

так как они привыкли к лексике иноязычного происхождения. Представители исследуемой нами группы часто не в состоянии отличить адаптированные польские слова от собственно русской лексики. В ситуации, когда данный информант не знает русского диалектного или общерусского варианта, он утверждает, что диалектным («своим») является именно ассимилированное слово. Адаптированные заимствования употребляются в процессе калькирования наравне с диалектной лексикой. Например, в конструкции *atdawać w d'erżávu* с помощью как собственной, так и заимствованной лексики (*d'erżáva*) копируется польский фразеологизм *oddawać w dzierżawę* 'сдавать в аренду'. Польское *na tym wszystko polega* 'в этом все дело' функционирует в говоре польских староверов как *na et'im vs'o pategájet* — ассимилированное заимствование *pategat'* (польск. *polegać*) употребляется с целью воссоздать копируемую модель.

Интересный пример вариативности языка польских староверов составляет способ выражения отношений притяжательности. В восточнославянских языках одним (иногда основным) показателем категории притяжательности является конструкция *y + род. надеж + им. надеж*, напр. *y меня (есть) дом*. Однако на западной части восточнославянской территории, под влиянием польского языка, параллельно с конструкцией *y + род. надеж + им. надеж* употребляются личные глагольные формы, напр. в белорусском литературном языке равноправны два варианта: *y + род. надеж + им. надеж* и глаголы *мець / мету* [Siegień 2001: 124]. Представители исследуемой нами группы выражают отношения притяжательности с помощью двух глаголов *m'et'* и *im'et'*¹, напр. *ja maju s'estru', on ničevó ne im'ejet*.

Конструкция с глаголами *m'et'* и *im'et'* могла в говоре старообрядцев возникнуть еще до момента их появления на поль-

¹ Глаголы *m'et'* и *im'et'* в говоре польских старообрядцев используются также в функции связи в сложных глагольных сказуемых, калькирующих польские синтаксические конструкции [Głuszkowski 2010: 163].

ских землях. Возможно, что польский язык стал лишь катализатором, способствующим ее развитию и распространению. Говор польских старообрядцев уже в своей исконной форме, то есть до их эмиграции из окрестностей Великих Лук, Пскова и Новгорода, подвергался влиянию белорусских говоров и польского языка (как опосредованно, так и непосредственно), что способствовало усилению его вариативности. Итак, можно полагать, что миграции и разнообразные языковые контакты во время пребывания в разных регионах Беларуси и Польши составляют последний из перечисленных основных факторов, влияющих на увеличение количества вариантов в говоре староверов сувальско-августовского региона.

Поскольку приведенные примеры являются достаточным подтверждением вариативности языка польских старообрядцев, следует обратить внимание на последствия этого факта для дальнейшей эволюции исследуемого нами говора. Из трех перечисленных факторов, способствующих языковому варьированию, два непосредственно связаны с ситуацией языкового контакта: вариативность заимствований и «исторический» языковой контакт. По мнению У. Вайнрайха, возникновению интерференции в контактирующих языках могут противодействовать разные неструктурные факторы, например, языковая лояльность, или низкая терпимость к отклонениям от норм в данном коде [Weinreich 1963: 63–65]. Утрата факторов, противостоящих интерференции, приводит к смене языка, то есть к языковому сдвигу (*language shift*) [там же: 97–98; 106–108]. По мнению Вайнрайха, окончательный сдвиг обусловлен неструктурными, то есть внеязыковыми, социо- и психолингвистическими факторами, прежде всего, проникновением языка L_2 в сферы, до сих пор обслуживаемые L_1 .

В общине польских староверов распределение языков в рамках диглоссии быстро меняется. Еще два-три десятилетия тому назад русский говор был основным кодом, употребляемым в большинстве коммуникативных ситуаций в разных сферах жизни деревенской части общины¹. В начале XXI века

¹ В городах старообрядцы проживают в польскоязычном окруже-

роль польского языка значительно возросла. Умирают самые пожилые члены общины, владевшие русским диалектом на высоком уровне, а среднее и младшее поколение все чаще прибегает к языку доминирующего окружения, особенно в присутствии не-старообрядцев. Таким образом, в сферах, традиционно обслуживаемых диалектом, значение польского языка растет [Głuszkowski 2009: 122–123]. Употребление более одного языка в данной сфере жизни способствует возникновению новых дублированных лексем.

О том, что язык и культура польских старообрядцев сувальского и августовского региона в начале XXI века находятся на грани окончательной фазы контакта, свидетельствуют многие факты. Контактологи и социолингвисты выделяют ряд симптомов, предсказывающих языковой сдвиг, то есть переход от языка L_1 к языку L_2 . Исследующий языковую ситуацию старообрядцев в Пенсильвании Дж. Холдeman назвал основные признаки отмирания языка [Holdeman 2002: 14–15]. Проводимые до сих пор исследования эволюции диалекта польских старообрядцев сувальского и августовского региона показывают, что практически все из перечисленных Холдemanом симптомов уже проявились. Сомнений не вызывают: а) адаптация структур языка L_2 в языке L_1 ; б) редукция структур языка L_1 ; в) утрата языковых норм (вариативность); г) функциональные ограничения, связанные с утратой традиционных сфер использования; д) редукция регистров и стилей.

Некоторые из признаков языкового сдвига, а также исчезновения одного из языков, на практике трудны для определения, например, е) чрезмерное количество заимствований, — так как определение «чрезмерное» относится к субъективным критериям. Пока не проводились подробные количественные анализы заимствований в говоре польских старообрядцев, но есть записи большого числа высказываний, почти полностью состоящих из лексики польского происхождения (новейших

нии. Их соседи и коллеги — это преимущественно не-старообрядцы, поэтому сфера употребления говора ограничивается домашней сферой жизни.

заимствований). Итак, если мы заменим слово «чрезмерное» словом «большое», можно предположить, что и этот симптом относится к языку польским старообрядцев.

Не совсем прозрачным является и следующий признак смены языка: ж) низкая самооценка у носителей языка L_1 , вследствие того, что они говорят на другом языке, в отличие от остальной части населения. Этот параметр, конечно, измеряем, но актуальные наблюдения и анализы показывают, что ответ на вопрос о самооценке польских староверов как носителей языка меньшинства связан с личными чертами конкретного индивида.

Другие признаки языкового сдвига пока не выражены полностью: з) смена языка религии с L_1 на L_2 ; и) переход на язык L_2 в сфере домашнего и соседского общения; й) отсутствие передачи языка между поколениями. Степень осуществления последних симптомов можно определить как промежуточную. В исследуемой нами группе с каждым годом увеличивается количество смешанных семей, в которых язык предков не передается детям, а вне старообрядческих местностей (д. Габове-Гронды и Бур) это наблюдение подтверждается и в случае однородных семей. Только язык религии остается постоянно тем же — церковнославянским.

Не каждой языковой смене сопутствует вариативность, и не каждая вариативность ведет к исчезновению языка L_1 . В случае с диалектом польских старообрядцев вариативность является только одним из признаков совершающегося языкового сдвига. Существуют разные стратегии ревитализации языка меньшинства. Исследователи национальных и культурных меньшинств в мире обращают внимание на большое значение образования. Возможность вести обучение на своем языке или, по крайней мере, учить свой язык в общедоступной школе является важным фактором, позволяющим предотвратить многие последствия языкового и культурного сдвига [Skuttnab-Kangas 1977: 192–193; Dołowy 2008a: 410–412]. Однако польские старообрядцы учатся в польскоязычных школах и никто не обучает детей и молодежь местному русскому диа-

лекту¹. С одной стороны, отсутствие собственных образовательных учреждений связано с небольшой численностью общины (ок. 1 тыс. человек). С другой — существенную проблему представляет вариативность языка польских старообрядцев. Даже если местные власти нашли бы средства на обучение их детей языку меньшинства, надо было бы решить, на каком «языке меньшинства» вести занятия: на общерусском или на староверском говоре.

В сельских местностях, в которых традиционный диалект постоянно употребляется как один из двух основных кодов общения (наряду с польским языком), лишь немногие члены общины отождествляются с носителями литературного русского языка, поэтому трудно его считать элементом местной идентичности. Обучение диалекту же практически невозможно по формальным причинам: отсутствие учебников, программы и языковой нормы. Несмотря на то, что уроки религии в д. Габове-Гронды проводятся на старообрядческом говоре, трудно представить, чтобы сам говор стал школьным предметом. Как показывают результаты социолингвистических и социологических исследований, отсутствие прочных норм и вариативность диалекта польских староверов не является единственным фактором, препятствующим ревитализации этой общины. Все явления и процессы, которые могут способствовать или препятствовать языковому и культурному сдвигу в группе меньшинства, связаны друг с другом. Проведенный в настоящей статье анализ доказывает, что усиливающаяся вариативность говора старообрядцев, проживающих в Польше, должна учитываться как один из признаков совершающегося языкового сдвига.

¹ В староверской деревне Габове-Гронды до 2003 г. была польская основная школа, в которой дети учились русскому языку уже со второго класса (в других школах — с пятого). Это была форма минимального специального образования. Однако так как литературный русский язык во многом отличается от староверского говора, трудно воспринимать эти действия как элемент программы ревитализации общины.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. 1969 — К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта. *Вопросы социальной лингвистики*. Москва. С. 314–343.
- Гжибовский С., Глушковский М. 2008 — Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур. *Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. Сборник статей к Международному съезду славистов*. Москва. С. 200–214.
- Дуличенко А. 1998 — Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания. *Языки малые и большие... In tethoria acad. Nikita I. Tolstoi. Slavica Tartuensia IV*. Тарту. С. 26–36.
- Нефедова Е. А. 2002 — Идиолект как источник диалектного варьирования. *Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII)*. Москва. С. 251–262.
- Сегень Б. 2001 — *Прыназоўнік у сістэме адной усходнеславянскай гаворкі Беластоцчыны*. Беласток.
- Bokszański Z., Piotrowski A., Ziółkowski M. 1977 — *Socjologia języka*. Warszawa.
- Dołowy N. 2008 — Kultury państwowe wobec kultur mniejszościowych. Pojęcie negatywnej tożsamości na przykładzie wybranych kultur mniejszościowych (bretońskiej, łужицкой, kaszubskiej). *Przemilczenia w relacjach międzykulturowych*. Warszawa. S. 407–422.
- Głuszkowski M. 2009 — Dyglosja w społeczności старообрядców regionu suwalsko-augustowskiego. *Socjolingwistyka*. XXII–XXIII. S. 115–131.
- Głuszkowski M. 2010 — Zachowane cechy dialektalne oraz wpływy polskie w rosyjskiej gwarze przedstawiciela starszego pokolenia старообрядców regionu augustowskiego. *Acta Baltico-Slavica*. 34. S. 157–168.
- Grek-Pabisowa I. 1968 — *Rosyjska gwara старообрядców w województwach olsztyńskim i białostockim*. Wrocław.
- Holdeman J. 2002 — *Language Maintenance and Language Shift among the Russian Old Believers of Erie, Pennsylvania* (Неопубликованная кандидатская диссертация). Columbus.
- Paško D. 2010 — Adaptacja akcentuacyjna zapożyczeń z języka polskiego do rosyjskiej gwary старообрядców w ośrodku augustowskim. *Staroobrzędowcy za granicą*. Toruń. S. 181–188.
- Polański K. 2003 — *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław–Warszawa–Kraków.

- Skuttnab-Kangas T. 1977 — Language in the process of cultural assimilation and structural incorporation of linguistic minorities. *Dialectology and Sociolinguistics. Essays in Honour of Karl-Hampus Dahlstedt*. Umea. S. 191–203.
- Tortosa J. M. 1986 — *Polityka językowa a język mniejszości. Od wieży Babel do daru języków*. Warszawa.
- Weinreich U. 1963 — *Languages in contact. Findings and problems*. The Hague.

POOLA VANAUSULISTE KEELE VARIATIIVSUS
KEELEMUUTUSE TUNNUSENA

Michał Gluszkowski

Vanausulised olid moodustanud konfessionaalse, etnilise, kultuuri ja keelelise vähemuse Poola territooriumil juba 17. sajandi teisel poolel. Nende nii sotsiaalses kui keelesituatsioonis toimusid muudatused poola mõjul. Poola vanausuliste murrakus on täheldatud mitmeid interferentsi nähtusi, eelkõige leksikas ja foneetikas. Arvukad faktid tõestavad seda, et Suwalki – Augustow regiooni 21. sajandi alguse vanausuliste keel on jõudmas keelemuutusenii. On täheldatud rida sümptomeid, mis prognoosivad keelemuutust, nt poola keele struktuuride kohandamine, keelenormide variatiivsus, keele traditsiooniliste kasutusfääride kadumisest tingitud funktsionaalne piiratus, stiilide ja registreeritud redutseerumine, laenude liiga suur hulk. Suwalki – Augustow regiooni Poola vanausuliste murdekeele evolutsiooni uuringud tõestavad, et variatiivsus mängib olulist rolli keelemuutuse tõhustajana. Variatiivsus iseloomustab nimelt laene. Poola lekseemid esinevad muutmatul või kohandatud kujul. Mõnikord võib ühel lekseemil olla mitu varianti: poolakeelne, vene kirjakeelne, vene murdekeelne, poolakeelne täielikult või poolakeelne osaliselt adapteeritud sõna. Variatiivsust soodustab suulise murdekeele ühisnormi puudumine, samuti kõnelejate keelekompetentsuse langus, mistõttu vajatakse laensõnu. Poola vanausuliste keelesituatsiooni võrdlus teiste vähemuskeeltega keelemuutuse toimumise situatsioonis näitab, et variatiivsus ei kaasne iga keelemuutusega ning ei vii ka alati keele hääbumisenii. Poola vanausuliste keele variatiivsus on vaid üheks keelemuutuse saabumise tunnuseks.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ: СМЕНА НОРМ?

В. Б. ГУЛИДА

На фоне массовых лексических заимствований в русский язык из английского заимствования в области коммуникативных практик¹ не выглядят столь масштабно, но от этого они не становятся менее интересными для изучения и значимыми для развития языка. Дело в том, что лингвистическое оформление межличностных отношений не безразлично к содержанию самих отношений, а заимствования могут влиять на сложившиеся лингвокультурные системы в этой области.

Мы имеем в виду такие сравнительно новые явления публичного дискурса, как:

Владимир Путин, Алексей Кудрин — журналистский прием приведения имен статусных публичных лиц без отчества;

Меня зовут Мария. Мне 18 лет — популярное у молодежи самопредставление полным именем на радио или ТВ;

Здравствуйте, это звонит Светлана. Передайте, пожалуйста,... — таким же образом называет себя и деловая женщина 45–50 лет, звоня молодой сотруднице;

Елизавета, ты отослала им наш прайс-лист — Конечно, Константин — разговор молодых сотрудников выдает в них принадлежность к бизнес-сообществу, где устанавливается норма общения полным именем на «ты»;

¹ Коммуникативные практики — принятые способы языкового оформления самостоятельных речевых событий.

Екатерина, Вы записаны на стрижку в наш салон на вторник ... — извещает молодую или немолодую клиентку очередное сервисное заведение;

«У нас ремонт. Извините за доставленное неудобство» — вежливое адресное объявление, каких раньше не было;

Здравствуйте! Чем я могу вам помочь? ... Спасибо за покупку. — Формулы «новой» вежливости не только в бутиках, но и в сетевых магазинах;

Лиза! Миша! — обращение к родителям по имени¹ и т. д.

Некоторые из этих речевых актов ощущаются как «иностран-ные», другие — нет, хотя все они появились как заимствования. То, что уже стало привычным для молодежи, вызывает сильную (и негативную) реакцию старшего поколения. Лингвисты говорят о «значительной перестройке системы личных имен» [Кронгауз 2008: 112] и задаются вопросом о глубине изменений русскоязычной вежливости [Ратмайр 2009].

Предметом настоящего исследования являются заимствования в способах обращений, принятых в совместных компаниях с иностранным руководством, базирующихся в Санкт-Петербурге, и их влияние на традиционную систему этикета.

Обращение полным именем как элемент корпоративной культуры

Речь идет об обязательстве для сотрудников компании (по условиям контракта или в виде рекомендаций) называть друг друга в рабочее время полным именем на «ты» (далее в тексте Ип/Т, см. также список сокращений), невзирая на разницу в возрасте и должности. Мы рассмотрим процесс освоения данной рекомендации на двух фирмах, несколько различающихся по возрастному и социальному составу и представляющих собой два этапа процесса — начальный и продвинутый — и два исхода: компромиссный, со смещением традиционных возрастных и должностных границ по сравнению с традиционным использованием формул обращений, но с сохранением

¹ Единственная непубличная практика.

разнообразия репертуара имен и связанного с этим неформального характера межличностных отношений на работе, и более радикальный, с ощутимыми изменениями в характере межличностных отношений, помимо изменений лингвистического характера. В качестве точки отсчета для оценки изменений мы воспользуемся данными по коллективам традиционного типа.

Манера обращения друг к другу — часть корпоративного стиля. С введением рыночной экономики необходимость иметь определенный стиль чувствовали все: в 90-х годах, бывало, организовывались фирмы с обязательным обращением по имени-отчеству (далее — ИО) для сотрудников всех возрастов, но были и такие, где царил неформальный стиль и все были на «ты». По замечанию опытного менеджера по персоналу, дело *«доходило до Катек, и ...»*. Естественно, что западные фирмы, уделяющие большое внимание выстраиванию корпоративных отношений, вводили свои формы коммуникации¹. Пример *Елизавета, ты отослала им наш прайс-лист? — Конечно, Константин* калькирует в этой ситуации английскую форму.

Идеологию, стоящую за обязательством использовать указанные формы обращения, можно описать как демократизирующую: на месте иерархического русского варианта с противопоставлением ИО и просто имени, сигнализирующего неравенство членов коллектива, должно быть средство для создания единой команды равноправных участников, легких в контактировании, и в итоге, экономически более эффективных.

Место инновации в системе обращений

Во-первых отметим, что инновация игнорирует возраст, столь значимый для русскоязычных, и нарушает правила статусной вежливости. Во-вторых, учитывая, что такая форма обращения есть в русскоязычном репертуаре, проанализируем, как соот-

¹ Невербальными стратегиями являются совместные выходы на пленэр, отмечание дат, праздников и т. п.

носится ее рекомендуемый смысл с тем, что бытует в русскоязычной системе.

Как структурируется социолингвистическая система? Она базируется на двух основных шкалах социальных отношений — статуса и дистанции, которые «градуируются» языковыми формами соответственно социальным позициям, исторически выработанным данной культурой. Индексация социально признанных позиций составляет статическую, и более стабильную часть системы, а индексация перехода отношений в диаде коммуникантов от более формальных к более близким [Brown, Ford 1964: 241], или отражения эмоциональных колебаний в отношениях, а также их «стратегического» контроля [Гулида 2006] — ее динамическую часть.

Привычные градации поля межличностных отношений воспринимаются как нормальное, вежливое речевое поведение; нарушение привычного (Т вместо V, где ожидается V, или отказ в обращении ИО к пожилому человеку) как невежливое или странное. Нарушение становится видимым, когда формы сталкиваются в одной позиции употребления, и оно не осознается, если контексты употребления разведены. Так, обращение полным именем в семьях, где нейтральной является краткая форма или ласковая — *Катя, Костя, Танюша* — ассоциируется с родительским недовольством, или призывом сменить настроение с расслабленного на серьезное: *Татьяна, когда ты, наконец, уберешь эту сумку из прихожей? Константин, у тебя экзамен через три дня.* Кроме того, этот вариант может характеризовать просторечную (суб)норму; и еще одним фактором ее использования может быть индивидуальный стиль: в строгих домах *Евгений! Катерина!* — принятая форма. Эти периферийные контексты не пересекаются с использованием полного имени в рабочей ситуации, но коннотация этого варианта в прямом обращении или самопредставлении резко негативная для носителя традиционной нормы. М. Кронгауз [Кронгауз 2008: 113] пишет, что использование полного имени все-речь между взрослыми людьми еще лет пятнадцать назад было невозможно. Оно воспринималось бы как претенциозное, чопорное, и даже жеманное. Так же сильно реагирует главный

редактор радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктов на самопредставление молоденькой слушательницы: *Здравствуйте. Меня зовут Мария. Я хотела бы ... Венедиктов: Мария? Может, мне Вас Марией Ивановной называть?! ...* Следует неловкая пауза, потому что слушательница не понимает, что она «не так сказала». Произошло столкновение норм — молодежной и традиционной.

Материал и методы исследования

На первой фирме (Ф1), совместной IT фирме, работает коллектив из 25 человек, треть из которых в возрасте 45–50 лет (старшие), три студента-дипломника, остальные — в возрасте от 25 до 35 лет (молодые). Все с высшим образованием. В группе старших, помимо программистов, повара и преподаватель английского языка. На Ф1 проводилось включенное наблюдение и анкетирование.

В анкету были заложены следующие замеры: симметричное и несимметричное общение в двух возрастных группах (молодых, старших) и между группами. Под симметричным имеется в виду равный статус (должностное положение) участников общения, под несимметричным — неравенство должностных статусов (начальник – подчиненный), в сумме — 18 позиций. Учитывались также три ситуативные характеристики: нейтральная ситуация, напряженная ситуация и расслабленная ситуация, в сумме 54 варианта обращений на каждого респондента. Анкета содержала инструкцию с объяснением задания, блок сведений о себе, вопросник, а также графу для комментария о прежнем месте работы.

Приводим одну полную часть анкеты с последующими заголовками частей.

ОБРАЩЕНИЯ В ДЕЛОВОЙ СРЕДЕ И В СЕМЬЕ

АНКЕТА

1. «Молодая» часть коллектива — между собой

1.1. Равные по должности — между собой

В обычной рабочей ситуации

- «Ты»
- «Вы»
- Ваше имя (Как к Вам обращаются)

В ситуации «опять напороли...» / В минуту недовольства

- «Ты»
- «Вы»
- Ваше имя

«Пошли покурим. / Пошли попьём чайку»

- «Ты»
- «Вы»
- Ваше имя

1.2. Старший по должности — младшему по должности (3 ситуации)

1.3. Младший по должности — старшему по должности (3 ситуации)

2. «Молодая» часть коллектива — старшим по возрасту (указанные графы)

3. «Старшие» (по возрасту) — «молодым» (указанные графы)

4. «Старшая» часть коллектива — между собой (указанные графы)

II. И ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ О ВАС

Как Вас звали дома, в семье? Комментарии по месту предыдущей работы.

На совместной фирме юридического и финансового сопровождения Ф2, 20 человек, в основном, молодые (25–35/40 лет), была проведена так называемая «фокус-группа», интервью гибкого типа с группой мотивированных участников, которые, отталкиваясь от вбрасываемых интервьюером тем, должны включиться в их совместное обсуждение. Уровень обсуждения в таком формате глубже, чем в индивидуальном интервью. Материал записывался на магнитную ленту.

Примеры мини-тем для обсуждения в фокус-группе:

Сравнение с прежним опытом:

— Есть ли у вас опыт работы в советском коллективе сходного типа? На Вашей прежней работе к Вам обращались по имени-отчеству?

— Как Вы себя ощущаете, когда Вас называют Елена Павловна? Елена? Леночка?

- Как Вы предпочитаете, чтобы Вас называли на работе?
По имени-отчеству? По имени?

Русская культурная специфика и заимствование:

- Кажется ли Вам иностранным обращение Елена, Павел?
А раньше, казалось?
- Как Вы вообще относитесь к языковым заимствованиям?
- Вы согласны, что у нас в России либо «Вы» и субординация, либо «ты» и свой в доску? Куда попадает тип отношений, сложившийся на вашей фирме?
- Вы не чувствуете родительский окрик, когда слышите Елена, Константин?

Статус формы:

- Ощущаете ли Вы снижение статусности, когда бывшего президента называют Владимиром Путиным, а нынешнего Дмитрием Медведевым?

Эффективность инновации:

- Можно ли сказать, что Вы стали быстрее договариваться, легче высказывать свое мнение начальству?

Помимо двух экспериментальных групп, привлекались данные опроса и анкетирования в коллективах более традиционного типа, чем две указанные фирмы, а именно:

- Компьютерная фирма с отечественным руководством
- Регистратура частной медицинской компании
- НПО (научно-производственное предприятие) — большой коллектив, состоящий из двух социально разных секторов, наиболее традиционный из описываемых.

Ф1. Результаты

На вопросы анкеты (см. выше) были получены ответы, позволяющие выделить типичные (по частотности в данном корпусе и по вариантам языковых форм):

Обращение ИО: *Тамара Ивановна* — за 50 лет, любая должность (программист, уборщица); либо высокая должность; также к преподавательнице английского языка;

Полным и кратким именем: *Татьяна / Таня, Костя / Константин* — типичнее Т, но может быть V, от 20 до 45–50 лет, при небольшой разнице в должности. К владельцам фирмы, иностранцам лет 40–45, обращались по Икр/Т;

Диминутивами: *Тата / Костик* в ситуации «Пойдем попьем чаю»;

Полным именем или без имени: *Татьяна / Константин / ты, Вы* в ситуации «Что Т/V там в программе напортачил/и?»

Изменения в системе обращений на Ф1 можно оценить, обратившись к материалу более традиционных коллективов в качестве точки отсчета. При сравнении Ф1 с данными НПО [Михайлова 2006] выясняется, что возрастная граница ИО/V отодвигается к возрасту за 50 лет, то есть передвинута с разницы в возрасте не более 10 лет в традиционном коллективе до разницы в 30 лет. Таким образом, что если в традиционном коллективе 20-летний обращается к 32–37-летнему *Анатолий Иванович*, то на Ф1 это будет Анатолий /Т.

Соответственно, увеличилось время использования Ип/Т, V — до полутора поколений. Женщины среднего возраста охотно адаптируются к этой форме, поскольку она, очевидно, звучит «моложе».

Изменились и нормы лингвистического маркирования должностного статуса. В Ф1 уже «отменено» маркирование небольшого должностного неравенства, все еще являющееся нормой для медкомпании, отечественной компьютерной фирмы и особенно НПО, где достаточно молодые при неравенстве в должностях переключаются на V (и начальник, и подчиненный), в то время, как в равных должностях они на Т. Например: *Саша, Т* среди молодых и равных по должности, но *Александра Валерьевна /V* при должностном отличии в этом же возрастном срезе, причем как снизу вверх, так и сверху вниз. Таким же образом обстоит дело с людьми постарше. При разнице в возрасте более 20 лет младший говорит старшему ИО/V, а старший младшему Т или V, невзирая на должность. Даже если, в принципе, считать анкетные данные более показательными в отношении представлений респондентов о пра-

вильной речи, чем фиксация реального процесса, то единообразие ответов в анкетах традиционных коллективов показательно в отношении единства нормативных установок. Этого единства не наблюдается в ответах респондентов Ф1, где оно замещается картиной вариативности, и это признак ослабления системы.

При столкновении возрастного статуса с должностным и в традиционном варианте, и на Ф1 неизменно «побеждает» возраст: молодой начальник говорит подчиненному старше себя V, в то время, как последний свободен в выборе T или V (и то, и другое не ассоциируются с невежливостью, то есть нарушением нормы). Отметим, что при таком же конфликте параметров в американской культуре однозначно побеждает должностной статус [Brown, Ford 1964: 237].

Динамика межличностных эмоциональных отношений, которая обусловлена напряженностью / расслабленностью рабочей ситуации, обеспечивается на Ф1 известными средствами выражения «семейного» репертуара ласковости / недовольства: вопрос «*Что вы тут напортачили?*» сопровождается обращением *Татьяна, Александр, Константин или Саша V, или только местоимением T или V* без имени; а приглашение «*Пойдем чайку попьем! ...*» обращениями *Таня / Тата, Саня, Костик. Или Саша T*. Респондент по имени Инна пишет, что выговаривают ей вариантом «*Что ты там написала, Инна?*», а приглашают: «*Ин, пойдём чайку попьём*».

По поводу использования собственно формы Ип/Т на Ф1 суммируем: эта форма обращения не доминирует в общении; она является одной из набора вариантов на Ф1 и используется и как нейтральное обращение между коллегами, и как «возрастной» вариант при обращении новичков к еще не старым «старичкам», и для выражения недовольства. Высокая вариативность формы обращений способствует созданию неформальности обстановки, недистантного общения, в целом, неформального, солидарного стиля общения.

Итак, с точки зрения социолингвистической систематики можно констатировать изменения возрастной нормы (сдвиг ИО, особенно для женщин), стирание небольших должност-

ных различий и сохранение больших в статусной норме; и сохранение объема использования аффективных форм, что находится в рамках традиционной русскоязычной культуры. Систему обращений можно охарактеризовать как компромиссную.

На Ф2 обращений типа *Таня и Костя* не слышно. Простому наблюдению доступна привычность иного, по сравнению с Ф1, стиля общения работников: обращение друг к другу исключительно полным именем, эмоциональная доминанта — серьезный негромкий тон голоса, осязаемое стремление говорящих к использованию достаточно формального языкового стиля, в целом — идеология контролируемого поведения.

В этом коллективе имело смысл провести анализ на уровне субъективных смыслов форм обращения. Для экспликации субъективной оценки формы Ип/Т и других вариантов обращений было проведено интервью (методикой «фокус-группы») с руководителями отдельных проектов — достаточно молодых, но с опытом работы в других фирмах и интересующихся проблемами коммуникации в группе.

В ходе дискуссии в фокус-группе были высказаны мнения и оценки по темам, предложенным для обсуждения (см. выше). Характерные ответы, то есть отражающие сложившиеся в коллективе суждения и аргументы, представлены в виде цитат из записи интервью. Нумерация реплик отражает смену говорящего и смену темы. В квадратных скобках — недостающие элементы контекста.

1. *Года 4–5 назад, когда меня называли по имени-отчеству ... нет, мне так было некомфортно! ... когда намного старше меня ... хотя я по должности была выше, чем ... другая женщина. Когда человек значительно старше меня, мне некомфортно ... чтобы [меня] ... по имени-отчеству. ...ощущаешь себя умудренной опытом ... отягощает*
2. *Имя-отчество у меня связывается с возрастом человека. Я не могу человека преклонного возраста назвать по имени, так воспитали. Или очень высокий чин, которому я хочу выразить уважение, я тоже обращаюсь по имени-отчеству.*

3. *У нас принято полное имя, а далее, по соглашению сторон возможно ... Саша, Катя ...*
4. *Мне комфортно и то, и другое [ИО, И/Т]. У меня, скорее, ассоциации с конкретными людьми: если к человеку у меня нет огромного уважения, то мне некомфортно от него слышать по имени. Клиенты называют по имени-отчеству или Роман ... смотря какой закалки человек.*
5. *ЖЭК, налоговая, ГИБДД, милиция — по имени-отчеству, и никаких разговоров.*
6. *Вообще, в городе — имя-отчество обязательно, а на работе другое.
Самоощущение на работе и вне ее — совершенно разное, «отпускают галстук».
Полное имя абсолютно нейтрально.*
7. *[с коллегами из других фирм] Это помогает создать доверительные отношения. ... построить отношения [лучше, чем ИО]*
8. *Мне здесь нравится ... по полному имени, независимо от возраста или должности
Мне нравится по полному имени ... оно обязывает к чему-либо (только что делать без кто виноват).*
9. *Деловое, то есть обращение по полному имени настраивает на деловой лад.
... и не надо уменьшительно-ласкательных имен; зайчик, котик ... фу*
10. *Это единый язык стал, единая тенденция в бизнесе.*
11. *Не свой в доску, построже, скорее «Вы», но и не формальная субординация.*
12. *[о коннотации имени] ... Сужу по интонации. Почти не обсуждали, нет проблемы.*
13. *В моей компании меня зовут Польшка, хотя я все время спорю с ними насчет этого.*
14. *В личных компаниях меня знают как Алену. Здесь [когда звонят] не знают, о ком речь.*
15. *Я мужа так [по имени-отчеству] называю, ребенка...
...Платон / Платошка. Платон, убери игрушки! Сын, скажи пожалуйста ...*

16. *Когда мне было 20 лет, я попал в западную компанию, и полное имя для меня было очень нерусским. Потом я работал в русской, где все были на «ты», а теперь здесь полное имя мне кажется очень естественным.*
17. [Вл. Путин – Вл. Вл. Путин]: *Мне не режет слух; я даже сначала не поняла, о чем вы спрашиваете ... Если по ТВ слышу, то не замечаю, как говорят.*

Если суммировать распределение вариантов имени по доменам, то получается:

Екатерина Сергеевна /V — ЖЭК, налоговая, ГИБДД, милиция
Екатерина /T — работа, своя команда, хотя с клиентами вполне возможно и Екатерина Сергеевна. Также к коллегам из других компаний.

Катюня, Катюшка /T — моя личная компания

Платон, сын! Платошка... — к сыну

Екатерина /V — банк, салон красоты, запись к врачу, оформление билета.

Результаты

Итак, констатируем сужение рамок функционирования ИО: в госинститутах; для маркирования значительного возраста (та же тенденция, что и на Ф1), иногда как ресурса социальной границы (ср. ответ 4), о чем раньше речи не было. Для внутреннего использования в коллективе ИО совершенно не подходит, ср. его отрицательную оценку в ответах 1, 6.

Положительную оценку получает обращение полным именем. Аргументация развернутая: как преимущества в выстраивании межличностных отношений на работе, как облегчающего совместную работу, позволяющего обсуждать проблемы безотносительно личностей, как средству избегания слишком близких отношений, и связанных с ними манипулятивных практик (ср. ответы 7, 8, 9). Фактически, эта форма — экспонент особого стиля, субкультуры отношений на Ф2, закрепленных в виде практик и установок.

Сфера использования краткого имени и диминутивов ограничивается семьей, дружеской компанией, связана с неформальным стилем общения.

Форма Ип/V связывается с ролью субъекта рынка услуг и товаров, клиента, потребителя.

Добавим признаки продвинутости процесса освоения заимствования: вопрос об иноязычном источнике формул неактуален: они ощущаются как свои и уже вписаны в более объемный формат социальных отношений, «бизнес-стиль». Ср. ответы 16, 17. Вопрос об иностранном происхождении вежливых формул в бутиках вообще не был «услышан»: формулы общения продавцов с покупателями в магазинах оценили как *вымученные, навязанные*; сказали, что *продавцы не улыбаются*; но лингвистические формы не комментировали. Такая оценка инноваций свидетельствует об их освоенности и закономерным образом повлечет сдвиг в системе.

Ускорению процесса должна способствовать легкость перехода на иной стиль обращения у молодых: Так, не в одной анкете респонденты пишут в комментарии: *«Мне все равно, как меня называют»*; *«Я могу адаптироваться к любому обращению»*; *«В предыдущем коллективе генеральный директор и прочее высшее руководство предпочитало обращаться на Вы к сотрудникам вне зависимости от возраста ... я к своему руководителю, чуть старше меня, обращалась на Вы ... соответственно, он ко мне тоже на Вы. Между тем с другими сотрудниками ... на ты»*. Помимо решающей роли поколенческого фактора в языковых изменениях, известной из социолингвистики, наши респонденты демонстрируют еще установку на полную адаптацию к любому изменению.

О чем свидетельствуют оценки социолингвистической реальности, сформулированные сотрудниками Ф2? Во-первых, о более разнообразном публичном существовании человека: темы «социо-рыночных позиций» клиента, заказчика, потребителя со своими правами, обязанностями и определенными практиками не было у нас до перестройки; о большем разделении публичного и частного существования индивида (ср. ответ 14); возможно, о потребности в самоуважении, которое

сигнализируется распространением полного имени в широком (помимо бизнеса) употреблении (см. ответ 15); и в целом, о более организованной и при этом разноаспектной личности.

С социолингвистической точки зрения, совпадение или разделение контактных сфер индивида, а также плотности общения с определенным (или распределенным) кругом лиц создает разные социолингвистические типы общностей, с плотными / неплотными и многомерными / одномерными социально-коммуникативными сетями [Milroy 2003: 120–121]. Советские коллективы (см. ниже) были, скорее, плотными и многомерными сетями (так же, как и семья) и создавали более однотипный социальный стиль существования (советского) человека.

Переоценка вариантов

Как соотносится форма обращения Ип/Т с традиционным обращением Икр/Т, и шире, Т-стилем?

Традиционно, общение в Т-стиле предполагает дружеский, личностный тип отношений, с соответствующими обязательствами и правами, готовностью помочь, свободным высказыванием своего мнения, ощущением себя среди «своих». По сравнению с этим стиль Ф2, достаточно дистантный (ср. ответ 11), ограничивающий эмоциональную палитру отношений, ближе к традиционному V типу, хотя и не столь формален. Содержание отношений, обозначаемых формой Ип/Т, явно расходится с характеристиками традиционного Т-стиля, а полное разведение сферы работы и частной жизни выглядит непривычно. Когда за одной языковой формой, например, обращением на «ты», стоят смысловые расхождения, обусловленные разницей культур (ср. описание Т-обращения в финском учреждении глазами русскоязычного посетителя [Пусси-нен 2009: 177]), это штатная ситуация, но когда этот же эффект наблюдается в моноязычной культуре, это означает, что мы имеем дело с культурной инновацией.

Инновации и системные изменения

Итак, на месте двух традиционных стилей отношений, солидарно-личностного (Т-стиля) и статусно-функционального (V-стиля), мы имеем три: ИО/V — статусно-формальный стиль (в отношениях человека с властью), Ип/Т — дистантный, полужформальный стиль в рабочей обстановке, и неформальный стиль с Икр/Т, диминутивами и эмоциональными производными, для отношений в частной сфере. Право выделить в отдельный стиль «я на работе» в Ф2 позволяет переоценка обращения полным именем как нейтрального. К этому заключению подталкивают многократно приводимая респондентами характеристика обращения Ип/Т как «комфортного» — оценочного эквивалента для понятия «нейтральный» в современном языковом узусе.

Обсуждаемые здесь локальные изменения происходят одновременно с широким распространением обращения полным именем (Т/V) в других ситуациях: в позиции самопрезентации, обращения молодых друг к другу на публике (в кафе, в университетских стенах), в роли клиента сервисных учреждений (парикмахерских, салонах красоты и т. п.). Популярность этой формы у молодежи понятна, поскольку она реализует их потребность в обозначении своего статуса, отделения Я-публичного от Я-частного. Краткие, «детские» имена теперь для этого не годятся. Представляется, что так проявляется в нашем материале глобальная тенденция к усилению присутствия молодежи на социальной арене.

Форма Ип/Т пока еще локальна, то есть принята в определенном слое, в рамках определенной деятельности (напр., в IT компании, в бизнес-сообществе в целом, в молодежном срезе общества). Между тем впечатления от таких изменений часто интерпретируются как знак изменения системы в целом. Вряд ли это так: социолингвистическая система русского языка, включающая множество не изменившихся пока ситуативных норм, в значительной мере сохраняет прежнее состояние. Можно только согласиться с результатами обследования функционирования социоперменной *tu/vous* в России и рус-

скоязычной диаспоре в Эстонии [Кокшарова, Фогельберг 2009: 59] в том, что лингвистические обязательства маркирования разницы в возрасте и формальности ситуации (кроме небольших коллективов с типом деятельности, подобным Ф1 и Ф2), мало изменились. Т-обращение как норма общения в формальной обстановке, возможная в госучреждениях и на вузовских кафедрах Эстонии, труднопредставима на территории РФ. В менее регламентируемых социальных ситуациях локальные сдвиги выглядят как сосуществование норм: так, на просьбу ведущего представиться звонящие на радиостанцию слушатели (все примерно 40–50-летнего возраста) говорят *Елена, Маша, Юрий Сергеевич*, то есть выдают полный набор норм, консервативных и прогрессивных. Видимо, изменение системы должно наступить на этапе, когда сосуществование (или конфликт) норм уступит место согласию в обществе по отношению к одной. Пока еще никто из журналистов, пишущих в новостных блоках о Владимире Путине и Дмитрии Медведеве, не обратился к высшим государственным лицам таким образом, во 2-м лице где-нибудь на пресс-конференции; а школьники еще помнят, что учительниц и неблизких взрослых надо называть по имени-отчеству и на «Вы». Пока не заполнены эти позиции, предполагать, что отчество скоро уйдет «как виньетка, ненужное дополнение», несколько преждевременно¹. На вопрос, заданный в названии, можно ответить так: да, идет процесс смены локальных норм, он расширяется, причем не только в связи с заимствованиями.

СОКРАЩЕНИЯ

Т — обращение на «ты»

V — обращение на «Вы»

Ип/Т, V — обращение полным именем на «ты», либо «Вы»

Икр/Т, V — обращение кратким вариантом имени на «ты», либо «Вы»

ИО — обращение по имени-отчеству

¹ Передача *Говорим по-русски* на радиостанции «Эхо Москвы» с ведущей М. Королевой, ноябрь 2010.

ЛИТЕРАТУРА

- Гулида В. 2006 — Смена неформального варианта общения на формальный как прием дистанцирования от собеседника. *Коммуникация-2006. Коммуникация и конструирование социальных реальностей*. Санкт-Петербург. С. 269–273.
- Ратмайр Р. 2009 — «Новая русская вежливость» — мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? *Вопросы языкознания* 1. Москва. С. 63–82.
- Кокшарова И., Фогельберг К. 2009 — Прагматические значения обращений ты / Вы у эстонцев, русских в России и русскоязычной диаспоры Эстонии. *Humaniora: lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Тарту. С. 45–65.
- Кронгауз М. 2008 — *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва.
- Михайлова М. 2006 — *Закономерности выбора обращения (T/V переменная) в рабочей ситуации*. СПбГУ, магистерская работа.
- Пуссинен О. В. 2009 — Изменения в сфере этикетно-фатического общения русскоязычной диаспоры Финляндии. *Humaniora: lingua russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Тарту. С. 169–187.
- Формановская Н. И. 2004 — Социокультурное пространство русского личного имени и современные средства массовой информации. *II Международный конгресс русистов-исследователей «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. Москва, МГУ, 18–21 марта 2004 г. С. 30–31.
<http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/?id=91&type=doc>
- Brown R. W., Ford M. 1964 — Address in American English. *Language in culture and society. A Reader in Linguistics and Anthropology* Harper and Row Publishers. P. 234–245.
- Brown P., Levinson St. 1987 — *Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
- Coulmas F. 2005 — *Sociolinguistics. The study of speakers' choices*. Part 1, ch. 6.
- Milroy L., Gordon M. 2003 — *Sociolinguistics. Method and interpretation*. Blackwell Publishing: 120–21.

LAENUD VENEKEELSES PÕÖRDUMISSÜSTEEMIS:
NORMIMUUTUS?*Viktoria Gulida*

Kirjeldatakse *sina*-pöördumisprotsessi omandamise sotsiolingvistilist uuringut kahes Peterburi ühisfirmas. Protsess eeldas kõigi töötajate üleminekut omavahelisele sinatamisele olenemata eest ja ametikohast ning oli rakendatud firmade välisjuhatuse nõudel. Artiklis võrreldakse traditsioonilise “nõukogudeaegse” pöördumisega seotud ja uute vormide sotsioparameetreid.

Arvutifirmas I, kus on erinevas eas ja erineva mitteformaalse töökoogemusega töötajaid, innovatsioon juurutus pöördumissüsteemi eritähendusega, ega saanud neutraalseks pöördumise põhivormiks. Pöördumist nime ja isanimega hakati kasutama põhiliselt 50-aastaste või oluliselt kõrgema sotsiaalse staatusega isikute puhul. Firma I suhtlusstiili iseloomustatakse kui mitteformaalset. Laenu omandamise vormi võib nimetada kompromissvormiks.

Juriidilisi ja finantsteenuseid pakkuvat Firmat II võib pidada pigem “monoeraliste” töötajatega asutuseks. Firmal on perestroika algusaastatest pärinev töökoogemus erafirmadega ning suhtluse lingvosotsiaalsed muutused on selles kaugemale arenenud. Osalejavaatlus ja sihtrühma intervjuu näitavad tööalaste isikutevaheliste suhete erideoloogia olemasolu: *sina* ja täisnimega pöördumist tajutakse distantseeruva, suhete mitte niivõrd isiklikku, vaid funktsionaalset aspekti rõhutavana ning äriühingu korporatiivsele normile vastavana. Tööalases suhtluses kasutatavate nimevariantide valik on minimaalne, nime ja isanime järgi pöördutakse vaid kliendi poole. Laenu omandamise vorm vastab juhatuse poolt kavandatule.

ПРОЗВИЩА СТАРООБРЯДЦЕВ ПОЛЬШИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ГРУППЕ

М. ЗЮЛКОВСКА

Прозвища старообрядцев представляют собой интересную лингвистическую проблему. Специфическая историческая и социологическая ситуация группы, возникшая в результате ее эмиграции в Польшу, отразилась в области языка и культуры ее представителей и привела к возникновению явлений двуязычия и двойной культуры. Прозвища представляются адекватным показателем этих явлений.

Староверы появились на территории современной Польши (в окрестностях городов Сувалки и Августов) в конце XVIII столетия. И. Грек-Пабис на основании своих лингвистических исследований установила, что староверы прибыли на польскую территорию из псковской земли и окрестностей Новгорода. Они принесли с собой свою религию, культуру и язык — псковский говор [Grek-Pabisowa 1999: 38–41], а также антропонимическую систему. Во время крещения старообрядцы дают ребенку имя из *Святцев* — церковного календаря с полным перечнем всех христианских праздников и святых по дням их поминовения. По мнению Е. Иванца, девушке староверы дают имя покровительницы того дня, в который она родилась. Если на день рождения девушки в *Святцах* не приходится женское имя, родители выбирают имя патронессы предыдущего или следующего дня. Мальчик получает имя патрона восьмого дня после рождения¹, поскольку именно на

¹ Я не нашла подтверждения этих слов в других источниках. Не пишет об этом Ева Коседовска, которая в конце XX века иссле-

восьмой день Христос получил имя. В начале XIX столетия старообрядцы соблюдали вышеуказанное правило даже по отношению к близнецам [Iwaniec 1992: 23–4]. Вследствие этого в деревне, и даже в одной семье, было много носителей одного и того же имени. Чтобы идентифицировать друг друга, старообрядцы употребляли неофициальные антропонимы разного типа: патронимы, андронимы, гипокористики и прозвища.

Прозвища как неофициальные имена являются наиболее древней антропонимической категорией [Ванюшечкин 1971: 85]. По мнению Т. Ф. Вединой, «народ русский всегда был зубоскалист и приметлив, убережься от прозвища, если ты чем-то выделяешься среди людей, было совсем не просто» [Ведина 2007: 7]. Это касалось и старообрядцев. До второй мировой войны прозвища были распространены среди староверов, проживающих на территории современной Польши. Знали их и употребляли, в отличие от фамилий, все жители деревни. Свидетельствуют об этом, например, слова одной жительницы Августова (родом из Габовых Грондов): «*Dáże V'era, katoraja żyła w z'er'evn'e, n'e znála, kak ix zavút. Pr'ijéxał któta z gm'iny i iskał Ščerbakóva Jána. Aná ščytáje po sons'écu fs'ex i gavar'it — V nas takóva n'é ma. Pr'ijéxała máma, gavar'it — Máma, šukájut Ščerbakóva Jána, a v nas takóva n'et. — Kak n'et?! Ščerbakov to Van'ka Xudál'*».

В настоящее время прозвища популярны только в деревнях Габове Гронды и Бур, поскольку только здесь старообрядцы проживают в компактной гомогенной среде¹. Большинство

довала антропонимическую систему староверов из деревни Габове Гронды и Бур [Коседовска 2000]. По мнению старообрядцев, с которыми я разговаривала, как девочка, так и мальчик получают имена патронов тех дней, в которые они родились.

¹ Ныне в Польше проживает около 1000 старообрядцев [Jaroszewicz-Pieresławsew 1995]. В компактной гомогенной среде они живут только в деревнях Габове Гронды и Бур, расположенных в 11 км от города Августов. Старообрядческие семьи живут также в городах Августов и Сувалки и их окрестностях. В прошлом большой старообрядческий центр находился на Мазурах, однако во второй половине XX века большинство староверов по эконо-

приведенных ниже примеров прозвищ относится к жителям, нынешним или бывшим, этих местностей. Часть прозвищ современны, некоторые возникли несколько десятков лет тому назад, однако они перешли с первичных носителей на следующие поколения, на всех потомков или, чаще всего, на одного сына и его семью. Самые старые прозвища употребляют все жители Габовых Грондов и Бура, а также их знакомые и родственники, единоверцы и иноверцы, представители других местностей. Остальные прозвища знают члены самой близкой семьи или ровесники.

Можно предположить, что прозвища, которые были даны несколько десятков лет тому назад, употребляются до сих пор, поскольку раньше их употребляли все жители деревни. Старообрядцы ежедневно общались с одними и теми же людьми, хорошо знали друг друга, знали их привычки, характер и внешний вид. Благодаря этому они могли давать адекватные прозвища, понятные для других знакомых носителя. В настоящее время представители молодого поколения функционируют во многих группах, общаются с разными людьми. Они более мобильны, учатся и работают в городах, меняют школы и места работы, а вместе с тем и знакомых. Меняя школу и работу, старовер обычно теряет старое прозвище, на новое место приходит как носитель официальных антропонимов — имени и фамилии. Новые коллеги, чаще всего католики, придумывают другие прозвища на основе польских апеллятивов, при помощи польских словообразовательных средств.

Часто прозвища очень подвижны, они быстро исчезают, сменяются другими, непохожими на старые. Поэтому зачастую трудно узнать причину возникновения конкретного прозвища, нередко даже его владелец не помнит, почему его так прозвали. В настоящей статье будут представлены только прозвища, мотивировку которых знали и указали информанты,

мическим и общественным причинам эмигрировало в Германию. В настоящее время немногие старообрядцы проживают в Войнове и Галкове. Отдельные старообрядческие и смешанные семьи живут по всей стране.

а также прозвища, образованные от официальных антропонимов носителей.

Основной функцией прозвища является выделение конкретного человека или группы людей в коллективе. Прозвище либо указывает на особенности внешности и характера лица, либо каким-то образом связано с именем и фамилией, либо зависит от особых обстоятельств, в которых оно возникло. Используя схему семантической классификации неофициальных антропонимов Л. Томчак [Tomczak 1999: 206], у старообрядцев можно выделить прозвища, образованные от апеллятивов, прозвища-цитаты и прозвища, образованные от имен собственных¹.

1. Прозвища, образованные от апеллятивов

Среди прозвищ, образованных от апеллятивов, можно выделить несколько групп.

1. Прозвища, образованные от апеллятивов, обозначающих внешние черты носителя.

Рост. Н и з к и й: *Kúsyj* «потому что он малый» (польск.² *kusy*, гвр.³ *kusój*, рус.⁴ *куцый*); *S'c'erán Mátyj* «потому что он малый» (рус. *малый*, гвр. *mátyj*, польск. *mały*); *Kažélek* (польск. *karzelek*, рус. *карлик*); *Myška* «потому что он малый» (рус. *мышка*, гвр. *myškъ*, польск. *myszka*). **В ы с о к и й:** *M'ikaláj Bal'sój / Dl'innyj / Vysókyj* «потому что он высокий» (рус. *большой*, гвр. *bal'sój*, польск. *duży*; рус. *длинный*, гвр. *dl'innyj*, польск. *długi*; рус. *высокий*, гвр. *vysok'ij*, польск. *wysoki*); *Dl'in'ponogyj / Dl'innog'ij* «у него длинные ноги» (рус. *длинноногий*,

¹ Семантический анализ прозвищ старообрядцев из Польши представлен также в моей статье *Analiza semantyczna przezwisk staroobrzędowców z okolic Augustowa i Suwałk*. «Acta Baltico-Slavica». 35. 2011 (статья находится в печати).

² Сокращение «польск.» обозначает польский апеллятив.

³ Сокращение «гвр.» обозначает слово из говора старообрядцев, зафиксированное И. Грек-Пабис и И. Марыняковой в словаре говора староверов, изданном в 1980 году [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980].

⁴ Сокращение «рус.» обозначает русский апеллятив.

польск. *dlugonogi*); *Ćapla* — «у него длинные ноги» (польск. *czapla*, гвр. *ćapl'ъ* / *ćáplъ*, рус. *цапля*).

Цвет волос. Рыжие волосы: *Krásnyj* (рус. *красный*, гвр. *krásnyj*, польск. *czerwony*); *Ryżyj* и. н.¹ *M'irón* «у него была рыжая борода» (рус. *рыжий*, гвр. *ryżyj*, польск. *rudy*); *Ryżyj* и. н. *Siem'on* «у него были рыжие волосы»; *Ryżuja Man'a* / *Rudyja Mán'a* / *Krásnyja* «у нее были рыжие волосы» (рус. *рыжая*, польск. *ruda*). Светлые волосы: *B'élyj* (рус. *белый*, гвр. *b'élyj*, польск. *biały*).

Фигура. Толстый: *Grúba Dýn'ia* (польск. *gruba dynia* — популярное в Польше оскорбительное наименование толстого человека, рус. *толстая тыква*); *Bočka* (рус. *бочка*, гвр. *bóčkъ*, польск. *beczka*); *Boč* (C)² «потому что он толстый, как бочка»; *Barabán* «у него большое брюхо» (рус. *барабан*, гвр. *bъrabán*, польск. *bęben*); *Bavól* «он большой как буйвол» (польск. *bawół*, рус. *буйвол*); *Prós'ak* / *Pras'ónok* / *S'v'ínka* «потому что он пухлый» (польск. *prosiak*, рус. *поросёнок*, гвр. *pъras'ónpъk* / *pra-s'ónpъk*; рус. *свинка*, гвр. *s'v'in'já* / *s'v'in'a*, польск. *świnka*); *Granát'ik* — о двух братьях «потому что они круглые, полные» (рус. *гранат*, польск. *granat*); *Klúska* / *Žár'inuj* и. н. *Parf'ir'ij* (польск. *kluska*, гвр. *kl'úski*, рус. *клецка*; рус. *жарить*, гвр. *žár'it'*, польск. *smazyć*); *Klúxa* и. н. *Valóž'a* «потому что он был полный» (польск. *klucha* — увеличительная форма польск. слова *kluska*); *Puza* (C) (польск. *puza*, рус. *галушки из тертого картофеля*; *пухлые щеки*; популярное польское наименование толстощекого человека; польск. *pyzaty*, рус. *толстощёкий*). Худой: *Suxój* (рус. *сухой*, гвр. *suxój*, польск. *suchy*); *Xudal'* «потому что он худой» (рус. *худой*, гвр. *xudój*, польск. *chudy*); *Sk'ielet* / *Šk'ieléc'ik* (рус. *скелет*, польск. *szkielet*; польск. *Szkielecik*, рус. *скелетик*).

Особое телосложение. *Globus* «у него круглая голова» (рус. *глобус*, польск. *globus*); *Bal'salóbaja* «она малая, а

¹ Сокращение «и. н.» обозначает имя носителя.

² Большинство прозвищ относится к старообрядцам из августовского региона, поэтому при прозвищах старообрядцев из сувальского региона пишется (C).

у неё большая голова» (рус. *большой*, гвр. *bal'sěj* + польск. *leb*, гвр. *lor*, рус. *башка*; рус. *большеголовая*); *Łurátuj* и. н. *Ván'ka* «у него толстые губы» (гвр. *łurátuj*, рус. *толстогубый*, польск. *z grubymi wargami*); *Łurátuj* и. н. *Siem'ijón*; *Dupčyk* «он малый, а плечистый, как дубок» (рус. *дубок*, гвр. *dup*, польск. *dąbek*); *X'in'čyk* / *K'itajec* «он выглядит как китаец» (польск. *Chińczyk*, рус. *китаец*).

Физические недостатки. *Xramój* и. н. *S'c'erán* (рус. *хромой*; польск. *chromy, kulawy*); *Kr'ivój* и. н. *S'c'erán* (рус. *кривой*, польск. *Krzywy*). Согласно словарю говора старообрядцев, проживающих в Польше [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980], в говоре староверов слово *kr'ivój* / *kryvój* значит 'хромой'. Можно предположить, что прозвища *Xramój* и *Kr'ivój* относятся к одному и тому же Степану.

Другие. *R'ábyj* «у него веснушки» (рус. *рябой*, гвр. *r'ábyj*, польск. *piegowaty*); *Zubátuj* (рус. *зубатый*, польск. *zębaty*); *Indyčka* / *Indycki* — сестры «ходили как индюшки» (польск. *Indyczka*, рус. *индюшка*, гвр. *indyčká* / *ind'ušká*; польск. *indyczki*, рус. *индюшки*).

2. Прозвища, образованные от appellativов, обозначающих психологические черты носителя:

z'ikój (рус. *дикий*, гвр. *d'ikój* / *d'ik'ij* / *z'ik'ij* / *z'ikój*, польск. *dziki*); *Milyj* (рус. *милый*, гвр. *m'ilyj*, польск. *miły*); *X'itryj* (рус. *хитрый*, польск. *chytro, sprytny*); *Ilgun* «потому что он лжет, врет» (рус. *лгун*, гвр. *ilgun* / *ilgun*, польск. *klamca*); *Burek* и. н. *F'éz'a* «потому что он много говорит, много лает» (*Burek* — эту кличку поляки часто дают собаке); *Zaváda* «он первый к драке» (польск. *zawada*, рус. *помеха*); *z'uxa* «он делает пакости, всегда ссорится» (гвр. *z'uxá*, рус. *поросенок*, польск. *Prosię*); *Glót* «потому что он все хотел иметь, забирал другим, всегда был голодный» (рус. *голод*, гвр. *gól't*, польск. *glód*); *Karšun* (С) «он унижает других людей» (рус. *коршун*, гвр. *karšun*, польск. *kania*); *Dyktator* / *Z'm'ej* «всегда хочет быть руководителем» (рус. *диктатор*, польск. *dyktator*; рус. *змея*, гвр.

z'm'ej, польск. *smok*; *źmija*); *Lajt* / *Lájc'ik* «не волнуется, не переживает» (англ.¹ *light*, рус. *беззаботный*, польск. *beztroski*).

3. Прозвища, образованные от апеллятивов, называющих профессию, привычки, стиль жизни носителя.

Bl'in «он ел много блинов» (рус. *блин*, гвр. *bl'in*); *Bólen' / Balén'* «ловил рыбу жерех» (польск. *boleń*, рус. *жерех*); *Brú-das* (польск. *brudas*, рус. *неряха*); *Ćúbek* — «он всегда ездит на машине и на моторе как псих» (польск. разгвр. *czubek*, рус. *псих*); *Dekóder* «он чинит разные вещи» (рус. *декодер*, польск. *dekoder*); *Genéral* (Сф)² — носитель работал таможенником (рус. *генерал*, польск. *generał*); *Kaduška* «он любит пиво» (рус. *кадушка*, гвр. *kaduškъ*, польск. *beczka*); *Katl'éc'ina* (С) «он любит котлеты» (гвр. *katl'ét'inъ*, рус. *котлета*, польск. *kotlet*); *Kavál'* «был кузнецом» (рус. *кузнец*, *коваль*, гвр. *kavál'*, польск. *kowal*); *Kazá* «она не могла себе позволить держать корову и держала козу» (рус. *коза*, гвр. *kazá*, польск. *koza*); *Kú-bus'* «он часто покупает напиток *Кубусь*» (*Kubuś* — напиток, а также уменьшительная форма польского имени *Jakub*, рус. *Яков*); *Łuríxa* «он снимал кожу со зверей» (рус. *лунить*, гвр. *łur'it'*, польск. *łuskać*, *obieraćć*); *P'ečn'ik* «он клал печки» (рус. *печник*, польск. *zdun*); *P'erdún* и. н. *Pl'úxa* «он выпускал газы из кишечника, шёл и не стеснялся» (рус. грубое *пердун*); *Pérl'ik* «он кричит, не говорит нормально» (польск. *perlik*, рус. *самец цесарки*); *P'ern'iček* «он ест пряники» (польск. *pierniczek*, рус. *пряничек*); *Puk* «когда он возвращался с работы, всегда нёс что-то под мышкой, пук досок или пук чего-то другого» (рус. *пук*, гвр. *puk*, польск. *pęk*); *Ván'ka Praxażáj* «он много путешествует» (от рус. *проходить*, польск. *przechodzić*); *Savá* «такая нехорошая кличка, потому что она была как сова» (рус. *сова*, гвр. *savá*, польск. *sowa*); *Ščyp'órek* «он любил зеленый лук» (польск. *szczypiorek*, гвр. *ščyp'órъ* / *ščyp'ór*, рус. *зеленый лучок*); *Ubóg'ij Łazyr / Łazyr Ubogij* «он жил в бане» (рус. *убо-*

¹ Сокращение «англ.» обозначает английский апеллятив.

² Буква «ф» пишется при прозвищах, являющихся фамилиолектами, употребляют их только близкие родственники.

гий, гвр. *ubóhuj*, польск. *ubogi*); *Ván'ka Zájic* «он быстро бега-ет» (рус. *заяц*, гвр. *zájic*, польск. *zajac*).

4. Прозвища, образованные от апеллятивов, касающихся событий и привычек из прошлого.

Bac'ján / Boc'ján (С) «в детстве у него были красные ботинки» (польск. *bocian*, гвр. *bac'ján*, рус. *ауцм*); *Volk* (С) «он нёс на плечах овцу, как волк» (рус. *волк*, гвр. *volk*, польск. *wilk*); *K'in'z'úk / K'in'z'úk'i* «когда он родился, его отец сказал *on ta-kój mál'en'k'ij, zdaróvuuj, takój kak k'in'z'učók*» (рус. *киндюк*, гвр. *k'in'd'úk*, польск. *kińdziuk* — вид литовских¹ колбасных изделий); *L'eb'ec'sł'ár* «когда он убил лебедя, сказал *l'éb'ec'sł'ar*» (рус. *лебедь*, гвр. *l'éb'it'*, польск. *łabędź*; рус. *шлепнуть*, польск. *chlupnąć*); *Majór* «друзья однажды сказали *bú'z'eš ot s'evódn'a Majór*» (рус. *майор*, польск. *major*); *Myšaz'ór* (Сф) — «когда он был маленький, у него была одна мышь и две кошки, он оторвал мыши ногу, чтобы их накормить» (рус. *мышь*, гвр. *myš*, польск. *mysz*; рус. *драть*, польск. *drzeć, rozrywać*); *P'ija-va / P'ijáfka* — когда носитель был ребенком, сидел на полу и всех хватал за ноги (рус. *пиявка*, гвр. *p'iváľk' / p'ijáfk'*, польск. *pijawka*); *Xrul'* «он в школьном спектакле играл короля Ирода, некоторые дети не умели произнести *krul*, говорили *xrul'*» (польск. *król*, рус. *король*); *Šćúka* «когда он поймал шуку, всем об этом рассказывал» (рус. *шукá*, гвр. *šćúk'*, польск. *szczupak*); *Japónka* — у носительницы были босоножки, называемые в Польше *japonki*; *Báksa* «когда он приехал из Америки, говорил, что все его вещи находятся в *baksax*, не в чемоданах или сумках» (англ. *bags*, рус. *сумки*, польск. *torby*); *Fuks* — «когда он заходил к девушкам, ему всегда удавалось сбежать, как лису»; «ему все удаётся» (нем.² *Fuchs*, рус. *лис*, польск. *lis*; польск. *fuks* ‘везение, неожиданная удача’).

¹ Старообрядцы живут в северо-восточной Польше, недалеко границы с Литвой; как в Августове, так и в Сувалках находятся магазины с литовскими продуктами. Старообрядцы из Польши под-держивают отношения с единоверцами из Литвы и Латвии.

² Сокращение «нем.» обозначает немецкий апеллятив.

5. Прозвища, образованные от апеллятивов, обозначающих место проживания:

Zar'ęcnyj — носитель жил за рекой (рус. *заречный*, польск. *zarzeczny*).

II. Прозвища-цитаты

1. Прозвища — цитаты самых любимых выражений носителя прозвища.

Kamrąta / *Kamarątka* «он к собеседнику всегда обращался *ej, ty, kamrąt*» (нем. *Kamerad*, польск. *kamrat*, рус. *товарищ*).

2. Прозвища — воспроизведения слов, произнесенных носителем прозвища с ошибкой.

ż'ąż'a P'ica / *ż'ąż'a P'ijca* «он не умел произнести *ż'ąż'a P'ec'a*, говорил *ż'ąż'a P'ica*».

3. Перенос адресативных форм.

*ż'uba*¹ «когда был маленький, все обращались к нему *ż'ubus*» (*ż'ubus* является популярным польским ласкательным обращением); *Mąłyj* «он был самый молодой в семье» (рус. *малый*, гвр. *mąłyj*, польск. *mały*); *Car'jók* — «мать обращалась к нему *car'jók*» (рус. *царёк*).

III. Прозвища, образованные от имен собственных

1. Прозвища, образованные от имени носителя.

А. Прозвища, образованные на основе ассоциации имени носителя с апеллятивом.

Kór'en' / *Kor'eśók* и. н. *P'etrúška* (*Петрушка* < *Петруха* < *Pётр**) — «учитель во время урока сказал *P'otr to p'etrúšk'i kor'eśók*». *Петрушка* является гипокористикой от имени *Pётр**; одновременно как в русском, так и в польском языках это апеллятив, обозначающий растение семейства зонтичных, корень и листья которого употребляются как приправа (рус. *петрушка*, польск. *pietruszka*); *Krup'in'a* и. н. *Kupr'jan* (*Куприян* < *Киприан**) — прозвище связано с именем носителя *Куп-*

¹ По мнению Б. О. Унбегауна фамилия *Дзюба* является украинской фамилией, образованной от прозвища *Дзюба* 'обжора' [Унбегаун 1989: 225].

рия и ассоциируется с имеющимся в говоре староверов апеллятивом *krup'én'ъ* (польск. *krupnik*, рус. *суп с крупой*); *Kfas* (Сф) и н. *Vás'ka* (*Васька* < *Вася* < *Василий**) — по мнению информанта, прозвище связано с именем носителя *Васька* и ассоциируется с апеллятивом *kvas* (гвр. *kvas*, рус. *квас*, польск. *kwas*).

Б. Прозвища, образованные от ошибочного произнесения имени носителя другими людьми.

Fán'a и н. *Ván'a* (*Ваня* < *Иван* < *Иоанн**¹) «жена не произносила имени *Ván'a*, она обращалась к мужу *Fán'a*»; *Táta S'áfa* (Сф) и н. *Vás'a* (*Вася* < *Василий**) «когда сын был малый, переставлял слоги и на вопрос *Как зовут твоего папу?* отвечал *Táta S'áfa* вместо *Vás'a*» (ср. польск. *szafa*, гвр. *šáfь*, рус. *шкаф*).

В. Прозвища, образованные при помощи рифмовки с именем носителя.

V'és'ka P'erdes'ka (Сф) и н. *V'és'ka* (*Wieska* < *Wiesława*²) — прозвище, образованное при помощи рифмовки с именем носительницы; использована редупликация элемента *-es'ka*.

2. Прозвища, образованные от фамилии носителя.

Му ж с к и е п р о з в и щ а: *Božym* ф. н.³ *Borzymowski* (фамилия, образованная от польского имени *Borzym* — сокращенной формы славянского имени *Borzumir*, польск. *Borzym* < *Borzumir*); *F'éž'a* (С) ф. н. *Fiodorow* (имя *Федя* < *Фёдор* < *Феодор**); *Jef'im* ф. н. *Jefimow* (имя *Ефим* < *Евфимий**); *Gus'ók* / *Gus'i* ф. н. *Gusiacin* (рус. *гусь*, гвр. *gus'*, польск. *geś*); *P'etún* / *P'etúny* / *P'etuny* ф. н. *Pietunow* (рус. *петун* — народная форма от *пемух*, польск. *kogut*); *Sókul* / *Sokóły* ф. н. *Sokolow* (рус. *сокол*, гвр. *sakól*, польск. *sokól*); *Varab'éj* / *Varabji* ф. н. *Warabi-*

¹ Звездочка * обозначает каноническую форму имени из *святцев*.

² В последние десятилетия старообрядцы во время крещения дают ребенку имя из Святцев, но в паспорте записывают популярное польское имя. Носительница крещена как *Vasiluca**, в отделе записей гражданского состояния она записана *Wiesława*. *Wieska* является гипокористикой от имени *Wiesława*.

³ Сокращение «ф. н.» обозначает фамилию носителя.

ow (рус. воробей, гвр. *v̄rab'ěj*, польск. *wróbel*); *Mal'inka* ф. н. *Malinowski* (рус. малинка, польск. *malinka*); *Kudr'aś* ф. н. *Kudraszow* (рус. кудряш; кудрявый, польск. *kędzierzawy*); *Krupa-ż'or* / *Al'oška Krupa-ż'or* / *Gr'iška Krupa-ż'or* / *Krupa-ż'ory* ф. н. *Krupadziorow* (рус. круподёрка, польск. *krupiarka*); *Śpundy* ф. н. *Szpundow* (рус. шпунт, польск. *wpust*; *grot*); *Łytka P'itka* ф. н. *Łytkin* — прозвище, образованное при помощи рифмовки с основой фамилии носителя (гвр. *łytkъ*, рус. *бедро*, польск. *udo* или польск. *łydka*, рус. *укра ноги*).

Женские прозвища: *Batúska* (С) ф. н. *Batus*; *Próska Kúr'ica* / *Kúr'ica* ф. н. *Pietunow* (так старообрядцы называют жену и дочку Петуна; рус. курица, гвр. *kúr'icъ*, польск. *kura*; рус. *петун* — народная форма от *петух*, польск. *kogut*); *P'er-s'jánka* (С) ф. н. *Persjanow* (рус. перс, польск. *Pers*).

3. Прозвища, образованные от других имен собственных.

А. Прозвища, образованные от других антропонимов.

А.1. Прозвища, образованные от антропонимов членов семьи носителя

— от прозвища отца:

Bákxa / *Bákxy* / *Nás'c'a Baks'ina* / *Báks'in P'ec'ka* п. о. *Bákxa*; *Barabán* / *M'ic'ka Barabánof* / *Vás'ka Barabánof* п. о.¹ *Barabán*; *Volk* / *Volk Al'oška* / *Valčók* / *Valk'i* / *Valčen'áty* п. о. и п. д.² *Volk*; *Glóbus* / *Glóbusovy ž'éc'i* п. о. *Glóbus*; *Žyt* / *Žydy* / *Žydyr'i* / *Žytk'i* п. о. *Žyt*; *Kaduška* / *Kaduški* п. о. *Kaduška*; *Kin'ž'uk* / *P'ec'ka Kin'ž'uk* / *Kin'ž'učók* / *Kin'ž'uki* п. о. *Kin'ž'uk*; *Kaval'óf* / *Kaval'óvy* / *Mar'ina Kaval'ova* / *V'ic'ka Kaval'óf* / *Anur'ij Kaval'óf* п. о. *Kaval'*; *Sám'ec* / *Sam'ica* п. о. *Sam'ica* / *Sam'icka B'áloj Lotki* / *Sam'icka B'ála Lotka*; *Fuks* / *Fúks'ik* (уменьшительная форма слова *Fuks*) п. о. и п. д. *Fuks*; *X'in'čyk* / *K'itaj* / *K'itajec* / *Japón'čyk* / *Koreán'ec* / *Zézuś* / *Zéz'ik* п. о. *X'in'čyk* / *K'itajec* — носитель унаследовал от отца два прозвища *X'in'čyk* и *K'itajec*, однако на основе ассоциации с ними были образованы другие прозвища: *K'itaj* (рус. *Китай*, польск. *Chiny*), *Japón'čyk* (польск. *Japończyk*, русск. *японец*), *Koreán'ec* (польск. *Ко-*

¹ Сокращение «п. о.» обозначает прозвище отца.

² Сокращение «п. д.» обозначает прозвище дедушки.

reaniec — уничижительно о корейце), *Zézuś, Zéz'ik* (польские деминутивы для слова *zez* ‘косоглазие’); *Páveł Xrúl'skyj* п. о. *Xrul'*; *Xudal' / Piećka Xudal' / P'ec'ka Xudal'of / Mar'ina Xudal'óva / Úl'a Xudal'ova* п. о. *Xudal'*.

— от прозвища мужа:

Valčyxa / Volčyca / L'evón'ixa Valčyxa — п. м.¹ *Volk; Gus'ixa* п. м. *Gus'*; *Zájčyxa* — п. м. *Zájic*; *Kartašyxa* п. м. *Kartáš*; *Lar-ž'ixa* п. м. *Lort*; *Xudál'ixa* п. м. *Xudál'*.

— от прозвища жены:

*Kaz'ól*² (С) — прозвище жены *Kazá*.

А.2. Прозвища, образованные от имен исторических и фантастических персонажей:

Ablamóf — прозвище, образованное по принципу контраста; по мнению информанта, носитель получил это прозвище, поскольку «любил везде ездить», в то время как Обломов является литературным персонажем, который отличается пассивностью и ленью; *Jéti / Íti* < *Yeti* — мифическое существо, проживающее в горах, герой книг и фильмов; *Kúlfon* < *Kul-fon* — герой польской телевизионной передачи для детей, у него большие уши и нос; *Paméla* < *Pamela Anderson* — канадская актриса, блондинка, у которой очень женственная фигура, носительница похожа на нее; *Pyzdra* < *Pyzdra* — один из героев польского многосерийного фильма «*Janosik*»; *Róbokop* < *RoboCop* — герой одноименного американского фильма; *Xúmon / Xúmek* < *He-Man* — герой мультфильмов и комиксов, мускулистый длинноволосый блондин, у носителя похожая прическа и телосложение; *Xrýstus* «потому что он похож на Христа, у него борода» (польск. *Chrystus*, рус. *Христос*); *Čak Nór'is / Čákuś* < *Chuck Norris* — американский актер, каратист; *Šár'ik* < *Szarik* — собака из польского многосерийного фильма «Четыре танкиста и собака».

Все вышеприведенные прозвища функционируют в молодежной среде. Представители старшего поколения часто не

¹ Сокращение «п. м.» обозначает прозвище мужа.

² В Польше прозвище *Kozioł* (рус. *Козёл*) не является настолько обидным, насколько оно является таковым в русском языке.

понимают этих антропонимов, поскольку не знают героев поп-культуры.

Б. Прозвища, образованные от географических названий.

Bukšačūxa «потому что отец происходит из деревни Бокше (Boksze)».

IV. Разные мотивировки одного и того же прозвища

Нередко разные информанты предлагают разную мотивировку прозвища одного и того же носителя. Кажется, иногда информанты дают вторичную интерпретацию, они реинтерпретируют некоторые прозвища, если не знают их первичной мотивировки.

*Volk / Valk'i*¹ — по мнению одного информанта у носителя прозвище *Volk*, потому что он родился с хвостом; по мнению второго, причиной образования прозвища был характер первичного носителя и его семьи, поскольку *Valk'i* «всегда продавали водку, но они водки не пили» (рус. *волк*, гвр. *volk*, польск. *wilk*); *Lort* — по мнению одного информанта у носителя такое прозвище, потому что «он жил как лорд»; по мнению второго, «он чувствовал себя как лорд, это здоровый, высокий мужчина»; по мнению третьего информанта, однажды носитель дал друзьям деньги на водку и они сказали *ty xójnyj kak lort* «ты щедрый как лорд» (рус. *лорд*, польск. *lord*); *Žyt / Žyž'i / Žydy' / Žydyr'i / Žytk'i* — по мнению информантов носители прозвища *Žyt / Žydy* «занимались торговлю, как евреи»; «жили вместе и помогали друг другу» (рус. *еврей*, польск. *Żyd*; рус. *еврей*, польск. *Żydzi*); *Los' / Klempa* — как мотивировку образования прозвища *Los'* информанты приводят стиль жизни и внешний вид носителя: «он *Los'*, потому что он высокий»; «потому что он живет на краю деревни»; «потому что он живет в лесу и гуляет по лесу как лось» (польск. *łoś*, гвр. *los'*, рус. *лось*; польск. *klempa* «самка лося»); *Sam'ička B'ála Lótka / Sam'ička*

¹ Здесь речь идет о носителях прозвища *Volk / Valk'i*, проживающих в августовском районе, выше речь шла о носителе прозвища *Volk* из сувальского района. Мотивировки этих прозвищ были разные.

B'áloj Lótki — по мнению одного информанта у носителя прозвище *Sam'ička B'ála Lótka*, потому что «когда он начинал разводить голубей, очень жалел о самке вида *b'ála lótka*, когда она умерла» (польск. *samiczka*, рус. *самочка*; польск. *biała*, рус. *белая*; польск. *lotka* — маховое перо у птицы). По мнению другого информанта, молодого старовера называют *Sam'ica*, «потому что у его отца были три губы». По всей вероятности, носитель прозвища *Sam'ica* является сыном носителя прозвища *Sam'ička B'ála Lótka* (польск. *samica*, рус. *самка*).

V. Сложная мотивировка прозвища

An'íta Kíta — и. н. *Anita* — рифмовка апеллятива, обозначающего прическу носительницы, с ее именем (редупликация элемента *-ita*); *Kon' Mel'ioracyjny / Mel'ioracyjny Kon'* — прозвище включает информацию о прическе носителя (у него чаще всего конский хвост), а также о его профессии (занимается мелиорацией); *P'éc'ka Skr'éc'ka* (Сф) и. н. *P'éc'ka* (*Петька < Петр**) — прозвище, образованное при помощи рифмовки апеллятива, обозначающего кулинарные склонности носителя, с его именем — носитель любит шкварки (гвр. *skr'éč'ka*, рус. *шкварка*, польск. *skwarka*; редупликация элемента *-ec'ka*); *Sétka Vołga* (С) и. н. *Vołóc'ka* (*Володька < Вова < Владимир**) — в прозвище можно заметить связь имени носителя *Вова* с маркой машины *Волга*, на которой он ездил с большой скоростью — польское просторечное слово *setka* обозначает *100 километров в час*. Кроме того, можно предположить, что носитель любил выпивать, поскольку *setka*, кроме скорости, обозначает объем — это *100 граммов водки*; *Fret* и. н. *F'éz'a* (*Федя < Феодор**) — это прозвище ассоциируется с именем носителя *F'éz'a* и с Фредом Флинстоуном — пещерным человеком, героем мультфильма *Флинстоуны* (носитель живет в лесу, в примитивных бытовых условиях, как пещерный человек; другое его прозвище — *Łos'*); *z'áz'a Łós'a* и. н. *Ося* — в говоре *Łós'a* (*Ося < Иосиф**) — обращение *z'áz'a Łós'a* является адресативом, при помощи которого дети и молодежь из старообрядческой деревни обращаются к пожилому единоверцу, которого зовут *Ося* (в говоре *Łós'a* — протетическое *л* вы-

ступает перед ударным гласным в начале слова). Тем не менее это обращение является также прозвищем этого же старовера, молодежь использует игру слов. Обсуждаемое обращение следует тогда перевести как ‘дядя / дедушка *łós'a*’ (то есть ‘дядя или дедушка¹ млекопитающего из семейства оленей’ — рус. *лось*) или ‘дядя / дедушка *Łós'a*’ (то есть ‘дядя или дедушка носителя прозвища *Łos*’, который проживает в деревне Бур’); *Čárna Mán'ka* / *Mán'ka Čárna* и. н. *Maria* (*Мария**) — прозвище *Čárna Mán'ka* отсылает к апеллятиву, обозначающему внешнюю черту носительницы — темные волосы. С другой стороны, оно ассоциируется с польской довоенной песней *Czarna Mańka*. Носительница могла петь эту песенку или была похожа на ее героиню.

* * *

Прозвища старообрядцев представляют собой интерес с точки зрения их языкового происхождения. Некоторые из них происходят от диалектных слов (например: *Lupátýj*, *ž'úxa*, *Katl'é-c'ina*), некоторые от польских (например: *Čápla*, *Kažetek*, *Indýčka*). Многие имеют свои эквиваленты как в русском, так и в польском языках (например: *Pras'ónok* / *Prós'ak*), что является доказательством параллельного существования двух языков и двух культур в обществе старообрядцев. Сопоставимость количества русских и польских прозвищ и проявление языковой двойственности доказывают существование двойной культуры и билингвизма у старообрядцев.

В прозвищах старообрядцев отражается влияние популярной культуры и средств массовой информации на разные сферы жизни, а также вездесущность английского языка. Молодые старообрядцы все чаще образуют прозвища от личных имен актеров (*Paméla*, *Čak Nór'is*) и героев фильмов (*Xýmon*, *Róbokop*, *Kúlfon*), особенно американских.

¹ Польское слово *dziadzia* (*ž'áž'a*) является ласкательным названием дедушки.

ЛИТЕРАТУРА

- Ванюшечкин В. Т. 1971 — Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ. *Ономастика Поволжья. 2. Материалы II Поволжской конференции по ономастике*. Горький. С. 85–89.
- Ведина Т. Ф. 2007 — *Энциклопедия русских фамилий*. Москва.
- Коседовска Е. 2000 — *Антропонимическая система в говоре старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур*. Торунь (неопубликованная магистерская работа).
- Унбегаун Б. О. 1989 — *Русские фамилии*. Москва.
- Grek-Pabisowa I. 1999 — Niektóre wiadomości o starowierach zamieszkałych na terenie Polski. *Staroobrzędowcy*. Warszawa. S. 35–50.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. 1980 — *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Iwaniec E. 1992 — Chrzest u staroobrzędowców. *Przegląd Prawosławny*. 2. S. 23–4.
- Jaroszewicz-Pieresławcew Z. 1995 — *Starowiercy w Polsce i ich księgi*. Olsztyn.
- Tomczak L. 1999 — Antroponimy nieoficjalne mieszkańców Sutkowa. *Rozprawy Słowistyczne*. 15. S. 203–216.

POOLA VANAUSULISTE HÜÜDNIMED RÜHMA INFOALLIKANA

Magdalena Ziolkowska

Kirde Poolas elavate vanausuliste antroponüümide süsteem kujutab endast huvitava lingvistilise ja sotsioloogilise probleemi. Kuni 20. sajandi teise pooleni oli vanausulistel kasutusel mitmeid mitteametlikke antroponüüme: hüpokorismid, patronüümid, andronüümid, matronüümid ja hüüdnimed. Erinevalt perekonnanimedest tundsid hüüdnime ja kasutasid neid kõik küla elanikud. Tänapäeval kasutatakse neid eelkõige Gabowy Grondy ja Bur'is — kahes külas, kus elavad vanausulised.

Vanausuliste hüüdnimed on vene kirjakeele, vene murde, poola, viimase ajal ka ingliskeelse päritoluga. Neis peegeldub kakskeelsuse ja kahe kultuuri olemasolu vanausuliste kogukonnas ning järkjärguline vene keele ja kultuuri väljatõrjumine poola keele ja kultuuri mõjul. Samas annavad nad tunnistust ka massikultuuri mõjust vanausuliste elule ja keelele, kuna noor põlvkond moodustab hüüdnimesid sageli näitlejate ja filmikangelaste nimedest.

ОРФОЭПИЯ И ЕЕ ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА

Л. Л. КАСАТКИН

1. Объем понятия орфоэпии

Понятие орфоэпии менялось и уточнялось в науке. Д. Н. Ушаков определял орфоэпию как правильное произношение. «Основа русской орфоэпии — московский говор. Что произнесено не по-московски, то “неправильно”». Другое возможное отклонение от правильного — «буквенное произношение», «противоречащее законам живого языка». Таким образом, «правильное общерусское произношение — это произношение образованных москвичей, но свободное от искажений в угоду букв русских и обрусевших слов». К правильному произношению Д. Н. Ушаков относил «физиологию звуков речи и русскую фонетику» и «ряд отдельных случаев допустимых вариантов». Конкретизируя эти положения, Д. Н. Ушаков приводит ряд правил произношения — «главнейших черт московской речи, которую общепринято считать образцовой», в том числе произношение безударных гласных, звонких согласных в конце слов и перед глухими согласными и др. [Ушаков 1995].

Уточняя эти положения, ученик Д. Н. Ушакова Р. И. Аванесов определял орфоэпию следующим образом: «Орфоэпия (от греч. *orthos* – прямой, правильный и *eros* – речь) — совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления в соответствии с нормами национального языка, исторически выработавшимися и закрепившимися в литературном языке» [Аванесов 1984: 13]. Р. И. Аванесов относил к орфоэпии произношение и ударение. «Произ-

ношение охватывает прежде всего фонетическую систему языка, т. е. состав различаемых в данном языке фонем, их качество, их изменения в определенных фонетических условиях. <...> В понятие произношения входит, кроме того, звуковое оформление отдельных слов или отдельных групп слов в той мере, в какой оно не определяется фонетической системой языка. Так, например, имеется группа слов, в которых на месте орфографического сочетания *чн* произносится [шн]: конé[шн]о, скú[шн]о, яй[шн]ица, пусть[шн]ый, прáче[шн]ая и др. В ряде случаев существует двойное произношение, с [шн] и [ч'н]: сли-во[шн]ый и сливо[ч'н]ый, молó[шн]ый и молó[ч'н]ный и др. Фонетическая система русского языка в равной мере допускает оба сочетания — как [шн], так и [ч'н] <...>. В понятие произношения входит звуковое оформление отдельных грамматических форм, опять-таки в той мере, в какой оно не определяется фонетической системой языка. Например, вопрос о звуковом оформлении глаголов с возвратной частицей *-сь* (бою[с] или бою[с'], мóю[с] или мóю[с']) <...>. Таким образом, произношение представляет собой понятие более широкое, чем фонетическая система, хотя последняя занимает в нем главное место» [Аванесов 1984: 13–15].

Иначе понимал орфоэпию А. А. Реформатский. Он возражал против понимания под орфоэпией «вообще произношение литературного языка» и выводил орфоэпию за пределы фонетики: «Орфоэпия обозначает раздел, посвященный произносительным нормам. <...> Опираясь на знание фонетики данного языка, т. е. на знание состава фонем и законов распределения их по позициям с получающимися в слабых позициях вариациями и вариантами, орфоэпия дает индивидуальные нормы для разных случаев и выбирает из существующих вариантов произношения то, что более соответствует принятым традициям, тенденциям развития языка и последовательности в системе» [Реформатский 1947: 81]; см. также [Реформатский 1987: 126–127].

Так же писал об орфоэпии М. В. Панов: «Орфоэпия — наука, которая изучает варьирование произносительных норм ли-

тературного языка и вырабатывает произносительные рекомендации (орфоэпические правила)» [Панов 1979: 195]. Рассматриваемые М. В. Пановым примеры относятся именно к «произносительным вариантам в литературном языке» [Панов 1967: 294–333]. Однако разграничение собственно фонетики и орфоэпии у М. В. Панова недостаточно четкое; ср.: «Есть фонетические законы и есть орфоэпические правила. В литературном языке на конце слова шумные звонкие заменяются парными глухими — это закон фонетики, он похож на законы природы тем, что непреложен, безысключителен (однако не для всех языков, а для современного русского литературного). Закон утверждает, что всякий, кто произносит *мо-ро*[з] (например, под влиянием украинского языка), не вполне овладел фонетической системой русского литературного языка. В конце русских слов на месте букв “б–в–д–з–ж–г” нужно произносить звуки [п–ф–т–с–ш–к] — вот правило орфоэпии. Оно говорит о должном» [Панов 1979: 196]. Здесь к орфоэпии отнесено безвариантное произношение в литературном языке.

К орфоэпии следует относить лишь такие произносительные нормы, которые допускают вариантность в литературном языке. Фонетические законы, не знающие исключений, относятся к области фонетики (а не к орфоэпии), в частности и произношение глухих согласных на месте звонких шумных на конце слова: *тра*[v]á – *тра*[f], *во*[z]ы́ – *во*[s] и т. п. **Основная задача описательной фонетики — изучение характера звуков и синхронических законов чередования звуков, реализующих фонемы в разных позициях, орфоэпия же главным образом рассматривает и оценивает произносительные варианты слов и словоформ, выступающих в одних и тех же фонетических позициях** [Касаткин 1982: 121; Касаткин 2008: 179–229; БОС]¹.

¹ О неоправданно более широком понимании орфоэпии, когда к ней относят и образование вариантных грамматических форм, как в [ОС], см.: [Касаткин 2007: 346–350].

2. Орфоэпема — основная единица орфоэпии

Термин «фонетика» употребляется в широком и узком значениях. Фонетика в широком значении включает в себя фонетику в узком значении, фонологию и орфоэпию. Основная единица фонетики в узком значении — звук; основная единица фонологии — фонема, представленная позиционно чередующимися звуками (с точки зрения Московской фонологической школы всем множеством звуков, обусловленных фонетическими позициями). Приведенное выше определение орфоэпии позволяет установить и ее основную единицу.

Основная единица орфоэпии — орфоэпема¹. Ее представляют варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующееся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения².

Если позиционно чередующиеся звуки, представляющие фонему, схематически изобразить как точки, образующие горизонтальную линию, ось абсцисс, то варьирующиеся звуки, представляющие орфоэпему, составят точки, образующие вертикальную линию, ось ординат, пересекающую ось абсцисс в месте обозначения на ней данной фонетической позиции.

Такая вариативность может быть в одной и той же словоформе, например: *жакёт* — ж[а]кёт и ж[і]кёт, *лейтенант* — ле[і]тенánt и ле[-]тенánt, *кружится* и *кружётся*.

Орфоэпему могут образовывать варианты, представленные в одной и той же позиции в разных словах или словоформах. Так, в словах *пудель*, *кабинёт*, *вкúпе*, *мóре*, *постель*, *ко́фе* перед *e* произносится мягкий согласный, а в словах *модель*, *интернёт*, *купé*, *тирэ*, *пастель*, *кафё* — твердый. В этих словах представлена орфоэпема «мягкий / твердый согласный пе-

¹ Этот термин был предложен мною и использован в работе А. А. Бондаренко [Бондаренко 1988]. Орфоэпемы могут выделяться двойными угловыми скобками (кавычками) « ».

² Орфоэпему представляют и варианты интонации, однако в описаниях русской интонации проблема вариативности почти не затронута, и эти варианты еще предстоит установить.

ред *е*», которая в некоторых словах может быть представлена и мягким, и твердым вариантом: *дедукция*, *дека́н*, *конгрéсс*, *крéдо*, *террорист* и др. В сочетании *стл* в слове *счастли́вый* на месте *т* нуль звука, а в слове *растли́ть* смычный согласный всегда произносится; это варианты орфоэпемы «[t]/нуль звука на месте *т* в сочетании *стл*», которая в некоторых словах может быть представлена обоими вариантами: *жа́лостли-вый*, *хва́стли́вый*. В слове *мнóгокилометрóвый* дополнительное ударение обязательно, в слове *мно́гокра́тный* оно всегда отсутствует, оба эти варианта произношения первой основы *мног(о)-* сложных слов представляют соответствующую орфоэпему, которая в некоторых словах может реализовываться обоими вариантами: *мно́гомóтóрный* и допустимо *мнóгомóтóрный*, *мнóгоуважа́емый* и допустимо *мно́гоуважа́емый* и т. п.

В слове может быть и несколько орфоэпем, например:

— *стюардéсса* – [sʹ]стюардéсса и допустимо младшее [s]стюардéсса; ст[ʹu]ардéсса и ст[ʹo]ардéсса; стюар[d]éсса; стюардé[ss]а и стюардé[s]а; стюардéсс[а] и стюардéсс[э];

— *действительность* – [dʹ]ействительность; де[-]ствительность; дей[sʹtʹ]ительность и допустимо младшее дей[st]ительность; действí[tʹilʹ]ность, действí[tʹʹ]ность и действí[tʹ]ность; действительно[sʹ]ть;

— *газоочи́стный* – ɣ[a]зоочи́стный и ɣ[э]зоочи́стный; га-з[эа]чи́стный; газоочи́[stn]ый и газоочи́[sn]ый; газоочи́стн[ɨ]й и газоочи́стн[э]й; может произноситься с дополнительным ударением: га́зоочи́стный; *газоочи́стнóй* – ɣ[a]зоочи́стнóй, в беглой речи возможно ɣ[э]зоочи́стнóй; газ[эа]чи́стнóй, в беглой речи возможно газ[a]чи́стнóй и газ[э]чи́стнóй; *газоочи́[sn]нóй*; обычно произносится с дополнительным ударением: га́зоочи́стнóй.

3. Характер вариантов орфоэпемы

1. Употребительность вариантов может быть равная или не одинаковая, возможна прикрепленность их к разным фонетическим и фразовым позициям, употребляемость

в разных сферах речи, что может отражаться в орфоэпических словарях. Так, в [БОС] принята следующая система помет:

и — соединяет равноправные варианты, например: *рассле- довать* – *ра[ss]лédовать* и *ра[s]лédовать*, *по-собáчьи* – *по-со- бáч[ĭ ĭ]* и *по-собáч[ĭ]*, *и́наче* и *инáче*;

и допустимо — присоединяет менее употребительный вариант, который может уточняться: *старшее*, *устарелое*, *млад- шее*; например: *аккумулятор* – *акк[э]мулятор* и допуст. *акк[у]- мулятор*; *съезд* – *[s]ъезд* и допуст. старшее *[s']ъезд*, *нужны́* и допуст. устарелое *нужны*, *звонíт* и допуст. младшее *звб́нит*;

в беглой речи возможно — более редкие варианты, встре- чающиеся при быстром темпе речи, в том числе в слабой фра- зовой позиции, то есть не под основным ударением фонетиче- ской синтагмы или фразы, например: *триумвирáт* – *тр[ĭu]м- вирáт*, в беглой речи возможно *тр[’uu]мвирáт*; *бессолевой* – *бе[ss]олевой*, в беглой речи возможно *бе[s]олевой*; ср. *бе[ss]о- левой диéта* и *бе[s]олевáя диéта*.

Профессиональные варианты места ударения уточняются: у *юристов*, у *математиков* и др., если можно точно указать специальность. В других случаях пишется — *в профессион. речи*, например: *добы́ча*, у горняков *дб́быча*; *и́скра*, в профес- сион. речи *искрá*.

2. Орфоэпемы различаются по количеству состав- ляющих их вариантов. Двучленные орфоэпемы образо- ваны двумя вариантами, трехчленные — тремя и т. д. Так, варианты ударения почти всегда двучленные, трехчленные — редкие исключения, например: *за́жило* и допуст. младшее *за- жи́ло* и *зажилб́*; *прида́ло* и допуст. устарелое *придало* и до-пуст. младшее *придалб́*.

Произносительные варианты

— чаще всего двучленные, например: *довоенный* – *д[э]воéнный* и допуст. *д[о]воéнный*; *авиационный* – *ав[ĭэ]- цио́нный* и *ав[’ea]цио́нный*; *ефрейтор* – *[ĭ ĭ]фрэйтор* и *[ĭ]фрэй- тор*; *глетчер* – *глé[t’č’]ер* и допуст. *глé[č’]ер*; *подсвечник* – *подсвé[č’n’]ик* и *подсвé[šn’]ик*; *пастбище* – *пáс[d]бище* и *пáс[-]- бище*; *межафриканский* – *ме[ž]африкáнский* и *ме[š]африкáн-*

ский; *белую* – бѣл[u]ю и бѣл[э]ю; *остался* – остáл[s'ə] и остáл[sə];

— трехчленные: *жавелевый* – ж[а]вѣлевый, ж[е]вѣлевый и ж[ѣ]вѣлевый¹; *аэровокзал* – [аі]ровокзál и допуст. [ае]ровокзál и [аі̯]ровокзál; *милиционер* – милиц[ѣа]нѣр, милиц[еа]нѣр и милиц[а]нѣр; *нового* – нó[vəv]о, нó[у:v]о, в беглой речи возможно нó[uv]о; *свиньями* – свѣ[n'j]ями и допуст. свѣ[n'п'н']ями и свѣ[n'п']ями; *костный* – кó[st]ный и кó[ss]ный, в беглой речи возможно кó[s]ный;

— четырехчленные: *европейский* – [аі]вропѣенный и допуст. [ае]вропѣенный, [аіі]вропѣенный и [аіе]вропѣенный; *конституция* – кон[s't'it]у́ция, кон[s't'ı́]ту́ция, кон[s':t]у́ция и кон[s't]у́ция; *единственный* – еді́[nst]венный и допуст. старшее еді́[nst']венный и допуст. устарелое еді́[ns't']венный и еді́[n's't']венный;

— пятичленные: *диакона́т* – д[іә]конáт, д[ʼеа]конáт, д[іе]конáт, д[іі]конáт, в беглой речи возможно д[і]конáт; *оология* – [оо]лóгия, [оә]лóгия, [оа]лóгия и допустимо [аа]лóгия, в беглой речи возможно [а]лóгия; *идиодсинкразия* – ід[іә]синкразі́я и ід[ʼеа]синкразі́я и допустимо ід[іо]синкразі́я, в беглой речи возможно ід[і]синкразі́я и ід[ʼе]синкразі́я;

— возможно и большее число членов, например: *метеоинформация* – мѣт[ʼеаі]нформáция, мѣт[іәі]нформáция и допустимо мѣт[ʼеоі]нформáция, мѣт[іоі]нформáция и мѣт[іеі]нформáция, в беглой речи возможно мѣт[ʼеі]нформáция, мѣт[іі]нформáция и мѣт[ʼоі]нформáция; *палеоевропейский* – пáл[ʼеаі]вропѣ́йский, пáл[іәі]вропѣ́йский и пáл[іәіі]вропѣ́йский и допустимо пáл[ʼеоі]вропѣ́йский и пáл[ʼеоіі]вропѣ́йский, в беглой речи возможно пáл[еі]вропѣ́йский, пáл[іі]вропѣ́йский, пáл[ʼоі]вропѣ́йский.

3. Различны орфоэпемы и по функциональной нагрузке вариантов — количеству слов (словоформ), в кото-

¹ Число произносительных вариантов на самом деле условно, опирается на общепринятую транскрипцию. Так, в приведенном примере могут произноситься и другие звуки в диапазоне от [а] до [ѣ].

рых наблюдается тот или иной вариант орфоэпемы. Так, произношение [rʲ] наряду с [r] в позиции «согласный + /e/ + [rʲ]/[r] + заднеязычный согласный» встречается всего в одном слове *церковь*, а произношение только [r] в этой позиции — во многих словах: *верх, зеркало, четверг* и др.; произношение [š] на месте *щ* встречается только в словах *помощник, всенощная*¹, а [šʲ], [šʲ:] — в большом числе слов; произношение на месте *жж*, *жжж* [žʲžʲ] знают около двух десятков слов, не считая производных, а [žž] — несравненно большее число слов; произношение [v] на месте *г* в окончании *-ого/-его* прилагательных, причастий и местоимений, как и произношение [g] на месте *г* известно в очень большом числе слов.

4. Фонетисты, описывавшие русское произношение, обычно не устанавливали общих правил соответствия между произносительными вариантами и отражением их на письме. Впервые на такую зависимость указал А. А. Реформатский: «Вспомогательным разделом орфоэпии служат так называемые правила чтения, т. е. произносительные указания к чтению букв и их сочетаний в тех случаях, когда письмо и язык не соответствуют друг другу (например, чтение окончаний прилагательных мужского и среднего рода в род. пад. ед. ч. *-ого* как [овл] или [эвл], чтение *ч* в *что, конечно, Никитична* как [ш], чтение *щ* в *помощник* как [ш], чтение *жж* в *брезжит*, *брюзжать* как [жʲ] (“ж долгое мягкое”) и т. п.)» [Реформатский 1947: 81–82]. М. Л. Каленчук писала: «В подавляющем большинстве случаев к орфоэпии относятся те факты, когда одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических позиций» [Каленчук 1993: 25]. Ср. также: «Одни произносят *в[иʲ]сна́*, другие *в[эʲ]сна́* <...>; одни произносят *бу́ло[чʲ]ная*, другие *бу́ло[ш]ная*, одни — *умь́л[сʲ]а*, другие — *умь́л[сʲ]я* <...>.

¹ Для старопетербургского произношения характерно было [š] на месте [šʲ] перед [n] и в других словах: *изящный, насущный, в сущности* и др. Сейчас это произношение в Санкт-Петербурге практически утрачено; см.: [Чернышёв 1970, 2: 341; Вербицкая 1976: 74, 102].

На письме такие варианты обычно не отражаются: *весна*, *булочная*, *умылся*. Однако варьирование фонемного состава корня может обозначаться на письме: *бриллиант* и *брильянт*, *жёлчь* и *желчь*, *калоши* и *галоши*, *кринка* и *крынка*, *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль* [Касаткин 1995]; см. также: [Касаткин 2008: 179–180]. Теперь можно уточнить эти определения.

Варианты орфоэпем в одном и том же слове (словоформе) могут на письме обозначаться и не обозначаться.

По-разному обозначаются на письме варианты орфоэпем в тех случаях, когда представляемые ими разные фонемы (или гиперфонемы) выступают в позициях их различения, а средства русской графики дают такую возможность; например:

— гласные: *желчь* – *жёлчь*, *ноль* – *нуль*, *строга́ть* – *струга́ть*, *тонне́ль* – *тунне́ль*, *дохну́ть* – *дыхну́ть*, *воробушек* – *воробушек*, *ола́душка* – *ола́дышка*;

— согласные: *гало́ши* – *кало́ши*, *камса́* – *хамса́*, *матра́с* – *матра́и*, *микрокефа́л* – *микроцефа́л*, *пиццика́то* – *пиччика́то*, *рефлекси́вный* – *рефлекти́вный*; твердый / мягкий согласный: *изю́бр* – *изюбрь*, *кизи́л* – *кизиль*, *плани́р* – *плани́рь*, *зверу́шка* – *зверюшка*, *кры́нка* – *кри́нка*, *плохо́нький* – *плогенький*, *и́скренно* – *и́скренне*, *междугоро́дный* – *междугоро́дний*, *чужеда́льный* – *чужедальний*;

— гласные и твердый / мягкий согласный: *си́лушка* – *си́лишка*, *пальту́шка* – *пальти́шко*;

— гласный / согласный: *аутога́мия* – *автога́мия*, *бриллиа́нт* – *брилья́нт*, *валериána* – *валерья́на*, *миллио́н* – *мильо́н*, *фортепиáно* – *фортепя́но*, *зевáние* – *зевáнье*, *ката́ние* – *ката́нье*, *купа́ние* – *купа́нье*¹;

¹ Правописание слов на *-ие*, *-ье* недостаточно упорядочено, наблюдаются разночтения в разных словарях. Эти примеры приведены по [Кузнецов 1998; Зализняк 2003]; в [МАС] *зевáние* и *зевáнье*, *ката́ние*, *купа́ние*, но в примере «После купа́нья...»; в [Шведова 2007] *зевáние*, *ката́ние*, *купа́нье*; в [Лопатин 2005] *зевáнье*, *ката́ние*, *купа́ние*; в [Правила 2006: 77] указано наличие «вариантов

— наличие и отсутствие фонемы: *аутэкология* – *аутэкологья*; *боржбми* – *боржбм*; *бобёр* – *бобр*, *вихорь* – *вихрь*; *иволга*, род. мн. *иволог* – *иволг*; *арпédжио* – *арпédжо*, *каприччио* – *каприччо*; *острый*, *остёр* – *остр*; *поднимать* – *подымать*; *тождество* – *тожество*, *отождествить* – *отожествить*; в предлогах *без/безо*, *в/во*, *к/ко*, *с/со*, где распределение вариантов подчиняется определенным фонетическим закономерностям, но в некоторых случаях возможно употребление обоих вариантов с разной их употребительностью, например: *безо всего* – *без всего*, *во множественном числе* – *в множественном числе*, *ко вторнику* – *к вторнику*, *со лба* – *с лба* и т. п.;

— место ударения на основе или окончании в форме именительного падежа единственного числа прилагательных: *обходный* – *обходной*, *околозёмный* и *околоземной*, *плюсовый* – *плюсовой*, *фильтровый* и у специалистов *фильтровой* и т. п.

Гораздо чаще варианты орфоэпемы в одном и том же слове (словоформе) о д и н а к о в о обозначаются на письме.

Таковы случаи, когда мена звуков происходит в сигнификативно слабых позициях фонем¹ и не может быть показана средствами русской графики; например: вариативность [i] и [e] на месте /e/, /o/, /a/ после мягких согласных в 1-м предударном слоге при иканье и эканье: *река́* – *p[i]ká* и *p[e]ká*, *слеза́* – *сл[i]zá* и *сл[e]zá*, *зряда́* – *зр[i]dá* и *зр[e]dá*.

На письме обычно передается фонемный состав слова и поэтому не отражаются изменения произношения, вызванные контекстным влиянием звуков друг на друга, коартикуляцией — ассимиляцией и аккомодацией; например: ассимиляцией соседних гласных: *продолжа́ть* – *пр[э]д[а]лжа́ть*, *пр[э]д[а]лжа́ть* и *пр[а]д[а]лжа́ть*; *забыва́ть* – *з[э]б[ѣ]ва́ть*,

на *-ие* и *-ье*, *-ия* и *-ья*», которые в словах сред. рода в предл. падеже и жен. рода в дат. и предл. падежах имеют «вариантные пары типа *об умении* – *об уменьье*, *в цветении* – *в цветенье*, *о многословии* – *о многословье*, *о Наталии* – *о Наталье*»; см. также: [Чернышёв 1970, 1: 454–455; Булаховский 1952: 140].

¹ О разных типах позиций см. [Касаткин 2008: 110–113].

з[э]б[і]ва́ть и з[і]б[і]ва́ть; му́зыку – муз[і]ку, муз[э^u]ку и муз[у]ку; аккомодацией — оглушением гласного между глухими согласными — и его диерезой с возможной передачей слоговости предшествующему согласному: гра́фики – гра́-[f'ik'u], гра́[f'ik'u] и гра́[f':k'u] и др.

Не передается на письме мена звуков, вызванная качественной редукцией, связанной с количественной редукцией — уменьшением длительности гласного — и близостью реализаций разных фонем или их нейтрализацией: *выдающийся* – в[і]-дающийся и допустимо в[э]дающийся, *рбыски* – рбз[і]ски и рбз[э]ски; *нумеровать* – н[u]меровать и допустимо н[э]меровать. Некоторые орфоэпемы связаны с вариантностью согласных по напряженности / ненапряженности; например: произношением на месте /t'/, /d'/ взрывных [t'], [d'] или аффрикативов [t^{ʰs}], [d^{ʰz}], или аффрикат [c'], [z']: *тётя* [t'ót'a], [t^{ʰs}ót^{ʰs}a] или [c'óc'a], *дядя* [d'ád'a], [d^{ʰz}ád^{ʰz}a] или [z'áz'a]; произношением на месте /j/ звука [j] и вызванных его редукцией [i] или нуля звука: *диета* – ди[і]ета, ди[i]ета и ди[э]ета.

Не отражаются на письме варианты орфоэпем, выступающие в разных конститутивных позициях, в том числе и в слабых фразовых позициях, где они вызваны ускорением темпа речи, или, наоборот, при акцентном выделении слова, а также при отсутствии в русской графике соответствующих средств. Например: *надындекс* – на[dí]ндекс, но при акцентном выделении приставки — *на́[dí]ндекс*, *на́[tí]ндекс*, *на́[dí]ндекс* и *на́[tí]ндекс*, при гортанной смычке после приставки *на[d'í]ндекс* и *на[t'í]ндекс*; *заколдовывать* – *заколдб[у:]вать* и допустимо *заколдб[вэ]вать*, в беглой речи возможно *заколдб[у]-вать*.

Ослабление напряженности артикуляции часто приводит не только к изменениям звуков, но и к их диерезе, выпадению, в том числе и к сокращению длительности согласных. Все такие изменения не отражаются на письме. Не характерны для обычного письма, но могут отражаться на письме в художественных произведениях произносительные варианты компрес-

сивов¹ — широко употребительных слов, в которых происходит диереза отдельных звуков или звуковых блоков не только в беглой речи, но возможна и при обычном темпе речи: *сейчас – щас, пятьдесят – тисят, сколько – скоко, когда – кода, нельзя – низя, человек – чек* и др.

Не передается на письме варьирование фонем в случаях, связанных с особыми правилами орфографии; например: в словах, где пишется *чн* при вариантах произношения [čʹ] и [š] перед *н*: *булочная, молочный, подсвечник* и др.; в конце основы прилагательных на *-кий, -гий, -хий* при вариантах произношения «[kʹ]/[k]», «[gʹ]/[g]», «[xʹ]/[x]»: *громкий, долгий, тихий* и т. п.; в постфиксе возвратных глаголов *-ся* при вариантах произношения «[sʹ]/[s]»: *знался, несся* и т. п.; в безударном окончании 3-го лица мн. числа глаголов 2-го спряжения при вариантах «[э]/[а]/[у]»: *лбвят, тáщат, стрбят* и т. п.

Орфоэпемы, образованные вариантами произношения, представленными в разных словах, всегда одинаково передаются на письме.

В одних случаях они возникают в результате отступления в отдельных словах и морфемах от основного графического значения этих букв; например: *мачта – мá[čʹ]та, нечто – нé[čʹ]то, почта – нó[čʹ]та, почти – нo[čʹ]тí, но почто – нo[š]тó, ничто – нu[š]тó; отличник – отлй[čʹ]ник* и др., но *двоечник – двoе[š]ник* и др.; *мощный – мó[šʹ]ный, хищный – хй[šʹ]ный, помощь – пóмо[šʹ]* и др., но *помощник – помó[š]ник, всеобщая – всёно[š]ная; из дома – u[z]-дóма, из сарая – u[s]-сарáя, но близ дома – бли[zʹ]-дóма, близ сарая – бли[sʹ]-сарáя; огонёк – o[g]онёк, строго – стрó[g]о, бегом – бе[g]óм* и т. п., но в окончании родительного падежа единственного числа мужского-среднего рода прилагательных и местоимений *белого – бéло[v]о, летнего – лётне[v]о, того – то[v]ó, его – e[v]ó* и т. п.

В других случаях средства графики не могут отразить разницу в произношении слов; например [g] на месте *z* в сильной

¹ Термин «компрессивы» предложен Р. Ф. Касаткиной [Касаткина 2007: 101].

позиции в большинстве слов, но и [ʏ] в слове *бухгалтер* – бу[ʏ]áлтер, [ʏ] и [h] в междометиях *ага* – а[ɡ]á – а[ʏ]á и а[h]á, *ого* – о[ʏ]ó и о[h]ó, [ʏ] наряду с [ɡ] в словах *бухгалтерский*, *бухгалтерия*, в междометиях *господи*, *ей-бóгу*.

Иногда не отражается на письме такое различие в произношении слов в связи с правилами орфографии; например: *постель* – пос[tʰé]ль и *пастель* – пас[té]ль, *порей* – по[rʰé]й и *пюре* – тю[ré], *кофе* – ко[fʰe] и *кафе* – ка[fé]; *гиена* – ги[jé]на, *клиент* – кли[jé]нт, *поездка* – по[jé]зка и *ариятта* – ари[é]тта, *пациент* – паци[é]нт, *проекция* – про[é]кция и др.

Орфоэпемы возникают лишь тогда, когда написание слова (словоформы) не позволяет выбрать один из возможных вариантов произношения звука или сочетания звуков, скрывающихся за данным написанием. Одинаковое отражение на письме является необходимым условием для определения произносительных вариантов слова (словоформы) как вариантов орфоэпем и для отнесения их к орфоэпии вообще. Не образуют вариантов орфоэпем слова, в которых особенность произношения отражена на письме, например:

— произношение твердого согласного перед /e/ при написании э после согласной буквы: *мэр*, *сэр* и др. (в подавляющем большинстве случаев такого произношения после согласной буквы пишется *e*, как и при произношении мягкого согласного). Раньше писали *метр*¹ [mʰetr] ‘единица длины’ и *метр*² [metr] ‘учитель, наставник’; эти слова представляли орфоэпему «твердый / мягкий согласный перед *e*»; теперь установлено написание *метр* [mʰetr] и *мэтр* [metr], и слова перестали образовывать такую пару;

— произношение [ʂ] на месте *ш* перед *н* в словах, где оно возникло на месте прежнего чередования [к] с [čʰ] перед суффиксом: *городбишник*, *двурушник*, *раёшник*, *дурáшный* и др., и произношение [čʰ] перед *н* в подобных словах с современным написанием *чн*. Так, [ʂ] в *рушник* и [čʰ] в *ручник* не образуют орфоэпемы, так как это разные слова, в которых и пишется по-разному: *шн* и *чн*;

— произношение мягкого [l'] перед согласным при обозначение мягкости /l'/ мягким знаком: *скользи́*, *кольчу́га*, *боле́льщик* и т. п. и произношение твёрдого [l], где твёрдость /l/ обозначена на письме следующей согласной буквой: *ползи́*, *колча́н*, *толщи́на* и т. п.

Не образуют орфоэпемы такие пары, как *аудие́нция*, *до́сть*, *нае́здник* и *вила́йёт*, *дуа́йён*, *фойе́*, где /j/ обозначена по-разному, хотя и в первой и во второй группе примеров возможно произношение [j], [й] и нуля звука на месте /j/ в одной и той же позиции — после гласного перед ударным [e]. Каждая из этих двух групп слов самостоятельно отражает эту орфоэпему.

В письме, не использующем букву ё, слова *небо*¹ – н[’э]бо ‘видимое над землей воздушное пространство’ и *небо*² – н[’о]бо ‘верхняя стенка полости рта’, *падеж*¹ – паd[’э]ж ‘грамматическая категория’ и *падеж*² – паd[’о]ж ‘повальная смертность скота’, *фен*¹ – [f’en] ‘прибор для сушки волос’ и *фен*² – [f’on] ‘сухой, теплый ветер, дующий с гор,’ *черти* – ч[’э]рти и *чертик* – ч[’о]ртик, *жест* – ж[е]ст и *жестко* – ж[’о]тко (как и все другие слова с написанием «согласная + e в ударном слоге») представляют орфоэпему «[’э]/[’о]», но в письме, использующем ё, слова *небо* и *нёбо*, *падеж* и *падёж*, *фен* и *фён*, *черти* и *чёртик*, *жест* и *жёстко* не образуют орфоэпемы.

5. Орфоэпемы различаются по степени осознанности их вариантов говорящими. В первую очередь обращают на себя внимание акцентные варианты орфоэпем, представленные варьированием места основного ударения в слове (словоформе), и варианты произносительных орфоэпем, выступающие в сигнификативно сильных позициях (варьирование фонемного состава морфем). Эти варианты привлекают в первую очередь и внимание лингвистов; см. [Розенталь, Теленкова 1976: 6–7; Горбачевич 1978: 53–136].

Гораздо менее очевидно для говорящих (в том числе и для лингвистов) наличие или отсутствие в слове дополнительного ударения (см. разную его трактовку и привязанность к разным словам в [ОС] и [БОС]) и вариативность звуков, представ-

ляющих фонемы в сигнификативно слабых позициях, где чаще замечаются редкие варианты, свойственные старшей или младшей норме, а равноправные варианты могут иногда отмечаться лишь весьма искушенными фонетистами.

Орфоэпемы есть не во всех словах; например, в словах (и в их формах) *нарёд*, *обсыпной*, *выгрузить*, *иногда́* нет орфоэпем. Подобные слова не должны включаться в орфоэпические словари.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. 1984 — *Русское литературное произношение*. 6-е изд. Москва.
- Бондаренко А. А. 1988 — *Изучение орфоэпии в начальной школе*. Москва.
- БОС — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин. Большой орфоэпический словарь русского языка. Под ред. Л. Л. Касаткина. В печати.
- Булаховский Л. А. 1952 — *Курс русского литературного языка*. Т. I. 5-е изд. Киев.
- Вербицкая Л. А. 1976 — *Русская орфоэпия*. Ленинград.
- Горбачевич К. С. 1978 — *Вариантность слова и языковая норма*. Ленинград.
- Зализняк А. А. 2003 — *Грамматический словарь русского языка: Словоизменение*. Москва.
- Каленчук М. Л. 1993 — *Орфоэпическая система русского литературного языка*. Дисс. ... доктора филол. наук. Москва.
- Касаткин Л. Л. 1982 — *Фонетика. Современный русский литературный язык*. Под ред. П. А. Леканта. Москва.
- Касаткин Л. Л. 1995 — *Фонетика. Орфоэпия*. Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. *Краткий справочник по современному русскому языку*. Под ред. П. А. Леканта. 2-е изд. Москва.
- Касаткин Л. Л. 2007 — *Заметки по русской орфоэпии. Проблемы фонетики. V*. Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. Москва. С. 344–365.
- Касаткин Л. Л. 2008 — *Современный русский язык: Фонетика*. 2-е изд. Москва.
- Касаткина Р. Ф. 2007 — *Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи. Фонетика сегодня: Материалы док-*

- ладов и сообщений V международной научной конференции 8–10 октября 2007 года. Москва. С. 99–102.
- Кузнецов С. А. 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Автор и руководитель проекта, составитель, гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург.
- Лопатин В. В. 2005 — *Русский орфографический словарь*. Отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд. Москва.
- МАС — *Словарь русского языка*. В 4-х томах. Гл. ред. А. П. Евгеньева. 3-е изд. Москва, 1985–1988.
- ОС — *Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы*. С. М. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. Москва, 1989 и др. издания.
- Панов М. В. 1967 — *Русская фонетика*. Москва.
- Панов М. В. 1979 — *Современный русский язык: Фонетика*. Москва.
- Правила 2006 — *Правила русской орфографии и пунктуации*. Полный академический справочник. Под ред. В. В. Лопатина. Москва.
- Реформатский А. А. 1947 — *Введение в языковедение*. Москва.
- Реформатский А. А. 1987 — *Лингвистика и поэтика*. Москва.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1976 — *Словарь трудностей русского языка*. Москва.
- Ушаков Д. Н. 1995 — *Русская орфоэпия и ее задачи*. Д. Н. Ушаков. *Русский язык*. Москва. С. 155–177.
- Чернышёв В. И. 1970 — *Избранные труды*. В 2-х томах. Москва.
- Шведова Н. Ю. 2007 — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва.

ORTOEEPIA JA SELLE PEAMINE ÜHIK

Leonid Kassatkin

Ortoeepia mõistet teaduses on muudetud ja täpsustatud. Ortoeepia valdkonda kuuluvad vaid sellised hääldusnormid ja rõhukohad sõnades, mis võimaldavad variatiivsust kirjakeeles. Ortoeepia peamine ühik on ortopeem. Seda esindavad ühes ja samas foneetilises positsioonis asuvad häälikud või foneemid ning varieeruv rõhukoht ühes ja samas sõnavormis või liitsõna esimeses tüves. Ortoepeemi võivad moodustada variandid, mis on esindatud ühes ja samas sõnas (sõnavormis) või erinevates sõnades.

Ortoepeemi variante võidakse kasutada võrdselt või siis erineval määral, on võimalik nende seostamine erinevate foneetiliste ja fraasiliste positsioonidega, kasutamine erinevates kõne sfäärides. Ortoepeemid erinevad variantide arvu poolest. Rõhu variandid on peaaegu alati kaheliikmelised, kolmeliikmelised on harvad erandid. Hääldusvariandid on sagedamini kaheliikmelised, kuid liikmete arv võib küündida kuni seitsmekaheksani.

Ortoepeemid erinevad ka variantide funktsionaalsuse poolest, nende sõnade arvu poolest, mis sisaldavad ühte või teist ortoepeemi varianti. Üldse võib ortoepeemi variant esineda ühes, kahes, kolmes või enamates sõnades.

Ortoepeemi variandid võivad olla kirjapildis tähistatud, kuid võivad ka mitte olla. Ortoepeemi variante ühes ja samas sõnas (sõnavormis) märgitakse kirjas sellistel juhtudel, kui nende esindatud erinevad foneemid (või hüperfoneemid) asuvad nende eristamise positsioonides ja graafilised vahendid võimaldavad neid märkida. Palju sagedamini selliste ortoepeemi variantide kirjapilt ei erine. Hääldusvariantide moodustatud ortoepeemid, mis on esindatud erinevates sõnades, märgitakse kirjas alati ühtemoodi.

Ortoepeemid erinevad ka selle poolest, kui hästi mõistavad kõnelejad nende variante. Esmajärjekorras tõmbavad tähelepanu ortoepeemide rõhuvariandid, milles on esitatud sõna (sõnavormi) peamise rõhukoha varieerumine ja hääldusortoepeemide variandid, mis asuvad tugevates positsioonides, eriti need, mida kirjas märgitakse erinevalt. Tunduvalt vähem märkavad kõnelejad lisarõhu olemasolu või puudumist ja selliste häälikute variatiivsust, mis esinevad foneemidena nõrkades positsioonides. Ortoepeeme ei ole kõikides sõnades, paljude sõnade puhul puuduvad kirjakeele häälduse- ja rõhuvariandid.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ТЕКСТАХ НОВОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ КАК ЧАСТЬ ИХ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

К. Д. КИРИЯ

В последние годы политический дискурс на российском телевидении претерпел значительные изменения. Собственно политических программ стало гораздо меньше, они уступили место развлечениям и криминалу. В новостях же, которые остаются основой вещания любого общественно-политического канала, сообщения, связанные с внешней и особенно внутренней российской политикой, оказались в рамках довольно жесткого контроля и стали похожи друг на друга, черты индивидуального стиля телеканалов оказались во многом утрачены. Однако на фоне всех этих факторов интерес к проблемам политической коммуникации в российском медийном дискурсе не уменьшается. Препарирование языка и стиля современных информационно-аналитических программ, на наш взгляд, поможет обозначить не только собственно лингвистические тенденции, но и актуальные проблемы общества в целом. Ведь, как известно, зачастую именно особенности массмедийного политического дискурса высвечивают динамику социальных преобразований. Так, например, есть зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами [Будаев, Чудинов 2008]. Известный аналитик ЦРУ Р. Д. Андерсон, который занимался анализом советско-российских политических метафор в нарративе, утверждал, что наличие либо отсутствие

в текстах тех или иных образных средств может служить своеобразным индикатором демократичности/недемократичности общества.

Наиболее полно и точно преобразования в политическом массмедийном дискурсе отражают информационно-аналитические программы, которые выходят на всех основных каналах страны еженедельно. На Первом канале это «Воскресный вечер» с Петром Толстым, на канале «Россия» — «Вести недели» с Сергеем Брилевым, на ТВЦ — «Постскриптум» с Александром Пушкиным, на НТВ — «Итоговая программа» с Кириллом Поздняковым, на РЕН ТВ — «Неделя с Марианной Максимовской». Анализ языковых особенностей данных программ поможет выявить современные дискурсивные и прагматические тенденции в развитии информационно-аналитического вещания в стране. Для анализа мы выбрали выпуски за 8–9 ноября и 6–7 декабря 2008 года. Они включают в себя обзор как российских, так и зарубежных знаковых политических событий, как то: выборы в США и победа Барака Обамы, первое послание Дмитрия Медведева Федеральному собранию, прямая линия «Разговор с Владимиром Путиным».

Информационно-аналитические программы на телевидении представляют собой жанр, в котором «автор анализирует реальные факты, явления в соответствии со своей творческой задачей» [Телевизионная журналистика 2005: 195]. Если рассматривать эту формулировку с позиций лингвистики, определение «творческой» целесообразно заменить на «коммуникативной». Иными словами, в информационно-аналитических программах авторы предлагают аудитории публицистическую картину мира, выстроенную в соответствии со своими прагматическими установками и задачами. С нашей точки зрения, схема анализа текста информационно-аналитической программы может выглядеть так:

1. Анализ структуры текста информационно-аналитической программы (соотношение и связь структурных элементов, способы текстовой когезии).
2. Анализ актантной (ролевой) структуры текста.
3. Анализ вербальных элементов.

В данной работе мы подробно рассмотрим именно последний пункт, демонстрирующий варьирование не только на лексическом (номинация явлений, характеристики, языковое творчество), но и на синтаксическом уровне.

Н. И. Клушина выделяет такие основные текстообразующие категории публицистического текста: идеологема, номинация, оценочность, интерпретация, тональность [Клушина 2008: 26]. Основными приемами, характеризующими дискурс информационно-публицистических программ на российском телевидении, на наш взгляд, являются следующие.

Л Е К С И К А

1. Обилие слов с расплывчатым денотативным значением, но с ярко выраженными коннотациями

Такие слова, помещенные в определенный контекст, помогают автору реализовать свою речевую стратегию. В сюжетах на политические темы частотность подобных слов довольно велика, и, как правило, они повторяются, «мимикрируя» под стиль того или иного канала и, в зависимости от того, в какой контекст помещены, помогают выполнить ту или иную задачу. Так, например, в репортажах всех каналов о президентском послании встречаются слова *свобода*, *справедливость*, *законность*, *демократия*, *коррупция*. Интересно отметить, что почти все эти слова, за исключением слова *коррупция*, используются (и повторяются) в репортажах всех рассматриваемых нами телеканалов, кроме РЕН ТВ. Авторы материалов на Первом канале, канале «Россия» и ТВЦ, употребляя, например, слова *законность* и *свобода*, цитируют президента, который не раз обращался к этим понятиям в своем послании. Однако тут наблюдается повторение: журналисты, повторяя то, о чем сказал президент, делают на этом особый акцент и помещают данные существительные в положительно коннотированный контекст. Пример из репортажа Первого канала:

Свобода и справедливость, свобода и законность и, наконец, свобода и государственность. В президентском послании одно другого не отрицает, а, скорее, дополняет.

2. Варьирование на уровне номинации

Проблема номинации в российском массмедийном дискурсе в последнее время становится все более актуальной. Принципы означивания предметов и явлений, как правило, тесно связаны с коммуникативной стратегией канала, зависят от нее. И особенно ярко эта зависимость проявляется в контексте сюжетов на политические и общественно-значимые темы. Зачастую способы номинации даже прописываются «официально»: журналистам запрещают называть явления определенным образом. Так, финансовый кризис в первые его месяцы на российских телеканалах было запрещено называть кризисом — фигурировали обозначения *финансовые неурядицы*, *финансовые неприятности*, слово *кризис* же допускалось только в сочетании с определением *мировой*. Варьирование на уровне номинаций было важной частью воздействия на аудиторию и эффективным манипулятивным приемом в советском медийном дискурсе. Схожую роль выполняет номинация и сейчас, варьирование на этом уровне вновь стало одним из основных способов речевого воздействия.

Проанализируем способы номинации в сюжетах о президентском послании, вышедших в эфир 8–9 ноября 2008 года. Интересно, что все каналы называют послание по-разному. Так, «Россия» определяет его как «содержательный пролог ко всему президентскому сроку». Называя послание именно так, авторы, во-первых, придают тексту бóльшую литературность, художественность, намекая на риторические достоинства президентской речи; а во-вторых, квалифицируя послание как пролог, создатели текста дают зрителю понять: будет новая жизнь, перемены, причем перемены позитивные.

В свою очередь, Первый канал называет президентское послание «политическим манифестом лидера страны и подробным планом действий России на многие годы». Манифест, как известно, это заявление особой важности, а подробный план как раз можно считать своеобразным вступлением, прологом. Однако разница все же есть, и она отражает общий стиль каждого из этих каналов. «Подробный план действий» — это более конкретно, чем просто пролог. Автор сообщает нам: рас-

сказ о послании президента будет большим, детальным. А сочетание *на многие годы* указывает на уверенность президента (или журналистов) в том, как будет развиваться ситуация в стране.

В то же время журналисты НТВ называют речь президента просто «тезисами». Это нейтральное по своей окраске слово, обозначающее «кратко сформулированные основные положения доклада». Однако такой способ номинации автор дополняет еще одним, уточняя, что «речь идет о целом пакете новаций». Новацией, кстати, можно назвать использование слова *пакет* именно в таком значении. В словарях оно не зафиксировано, однако в последнее время используется в СМИ довольно часто, очевидно, по аналогии с экономическим термином *пакет акций*. И *тезисы*, и *пакет новаций* — довольно сухие, официальные выражения, их использование придает повествованию деловой стиль, создает некий ореол бизнес-подхода. Все это в целом соответствует имиджу самого президента: юриста, любящего научную терминологию и метафорику. Любопытно, что при этом НТВ использует и еще один способ номинации и называет послание «ноябрьской революцией». Как мы видим, даже в рамках одного небольшого текста, в данном случае подводки (текста, предваряющего репортаж), могут быть использованы разные типы номинации, варьирование происходит прямо внутри текста.

РЕН ТВ выбирает нейтральное: «первое послание третьего президента России». В данном случае акцент делается на том, что это дебют, зрителю не навязывают никакой точки зрения, а предлагают посмотреть, послушать, что скажет президент, и сделать свои выводы.

3. Наличие прямых и косвенных оценок и характеристик явлений и персонажей, эпитеты

В тексте обычных, ежедневных новостей (не информационно-аналитических программ) оценки и характеристики не приняты. Считается, что новости как информационный жанр должны стремиться к максимальной объективности. Именно поэтому оценочность в новостном тексте обычно проявляется импли-

цитно, с помощью различных приемов речевого воздействия (пресуппозиция, опровержение скрытого тезиса, имплицитная логическая связь и т. д.). В то же время в текстах рассматриваемых нами итоговых еженедельных программ оценки и характеристики становятся более явными, поскольку данные программы содержат аналитическую составляющую, в них яснее выражена авторская позиция, позиция канала. Чаще всего оценочность создается с помощью эпитетов, как правило, степень их экспрессивности довольно низка, они близки к нейтральным, но помещены в такой контекст, который помогает автору реализовать свою речевую стратегию. Так, в сюжетах о президентском послании Федеральному собранию и о разговоре премьера с народом чаще всего встречаются прилагательные *первоочередной, ключевой, главный, базовый, важнейший, значительный*. Например, в подводке к репортажу Первого канала слово *первоочередная* (задача) встречается 2 раза и столько же — *главный/-ая/-ые*. Эти определения, на наш взгляд, можно считать именно эпитетами, поскольку они дают характеристику описываемым явлениям, содержат информацию об установках и коммуникативных задачах канала.

Исключение в данном случае, как и во многих других, составляет канал РЕН ТВ. В тексте программы «Неделя с Марианной Максимовской» такие характеристики событий отсутствуют. Однако на их месте появляются другие. Так, автор и ведущая программы Марианна Максимовская называет послание Медведева «историческим событием», ставя его в один ряд с первой в истории США победой темнокожего кандидата на выборах президента. Кроме того, автор поясняет, что послание Медведева уже стали называть «самым революционным из всех посланий подобного рода».

Присутствуют в текстах политических сюжетов и прямые оценки, комментарии автора. Так, например, авторы сюжета о президентском послании на Первом канале утверждают, что «собравшиеся этой речи в Кремле ждали с особым вниманием». Доказательств (в виде вербальных реакций, например) журналисты не приводят, следовательно, этому утверждению зритель должен верить безоговорочно. «Послание оказалось

во многом особенным», характеризуют выступление президента авторы текста. Такая характеристика довольно расплывчатая и малоинформативна, она лишь подчеркивает некую исключительность события, предлагая зрителю изучить его с особым вниманием.

4. Фразеотворчество и языковая игра

Как мы уже отметили, телеканалы подходят к выбору языковых средств по-разному. Касается это и фразеотворчества. В ходе анализа материалов мы отметили, что, например, государственные каналы, Первый и Россия, к языковой игре прибегают не так часто, как НТВ и единственный частный канал РЕН ТВ. Особенно это касается сообщений на политические темы. Государственные каналы, как правило, не допускают здесь иронии и двусмысленностей, в то время как РЕН допускает. Вот примеры двух шпигелей (шпигелем называют один из структурных элементов выпуска новостей, он представляет собой перечисление основных тем новостей, заголовки) телеканалов РЕН ТВ «Россия» — к выпуску, посвященному одиноким темам.

«Россия», «Вести недели»:

Большие перемены. Обама — президент. А будут ли перемены для нас? Авторский взгляд Константина Семина.

Стратегический Козельск. Чем так славятся ракеты «Стилет» по классификации НАТО? И почему президент оставил городок в системе ядерного щита страны?

Послание, или такого никто не ожидал. Как хранили в тайне? Готова ли к переменам «Единая Россия»? Что думает о ротации кадров бессменный Зюганов? Как оценил глава Конституционного суда? И какая она, нынешняя политическая элита? Репортаж из Кремля.

РЕН ТВ:

Поправки без референдума. Зачем Кремль меняет Конституцию? Евгений Матонин спрашивал, какой президент получит новый срок.

Черно-белый дом. Как выбирали Обаму — от Гарлема до Брайтон-Бич. Сергей Митрофанов работал наблюдателем на американских выборах.

Марш нелегальных. Патриоты против гастарбайтеров. Вячеслав Николаев увидел, как рынок труда стал национальным вопросом.

Чисто советский анклав. Приднестровье в проекте «Непризнанные». Артур Валеев изучил таможенные правила виноделов.

Леди в черном. Эвелина Хромченко вынесла модный приговор первой леди Америки.

Как видим, в шпигеле программы «Вести недели» на канале «Россия» языковая игра почти отсутствует. В то же время в шпигеле программы «Неделя с Марианной Максимовской», напротив, используется в каждом пункте. В первом пункте, анонсирующем сообщение о послании президента, обыгрывается словосочетание *получить срок*, обычно применяемое в уголовном контексте. Текст следующего пункта шпигеля начинается с языковой игры: автор обновляет значение словосочетания *белый дом*, расширяя выражение за счет введения дополнительного слова. Здесь содержится намек на цвет кожи нового президента США.

В остальных пунктах также обыгрываются различные прецедентные тексты: *марш нелегальных* (отсылает нас к «Маршу несогласных», который уже стал своеобразным брендом); *правила виноделов* напоминают о книге и фильме; *леди в черном* также содержит киноотсылку; *модный приговор* воспроизводит название одноименной телепередачи. Таким образом, игра с прецедентными текстами становится для журналистов программы РЕН ТВ частью речевой стратегии — это своеобразный микроанализ ситуации, события, намек на авторскую позицию.

Отметим, что РЕН ТВ, остающийся последним частным общественно-политическим каналом и поэтому довольно свободным в выборе тем и способов их освещения, сделал фразеотворчество своеобразным способом самоидентификации. Все сюжеты на телеканале РЕН ТВ сопровождаются названиями,

отображающимися на плазменном экране за спиной телеведущего в студии. Называя тот или иной сюжет каким-либо образом, авторы как бы маркируют репортаж, заранее дают ему косвенную оценку. Например, один из сюжетов о коррупции в выпуске Михаила Осокина в 23.30 сопровождался названием «Дай, друг, на лапу мне...» (выражение *дать на лапу* вплетается в ткань известной цитаты). Такие сращения, как правило, бывают яркими и запоминающимися.

5. «Отсылки» к советскому новоязу, речевые формулы, напоминающие обороты из советской прессы

На негибкость, статичность советского политического дискурса указывает Е. В. Какорина. По ее наблюдениям, советский политический дискурс (особенно в период с середины 60-х до середины 80-х гг.) представлял собой неестественно стабильную систему. Круг тем был заранее задан, оценки социально санкционированы, существовала устоявшаяся система фразеологических средств [Какорина 1996]. Многие из них до сих пор можно встретить в прессе, особенно на телевидении. Больше всего, по нашим наблюдениям, таких «обломков» советского новояза в репортажах Первого канала и ТВЦ, приведем несколько фрагментов:

Политика сегодня это и есть обращение к проблемам, волнующим каждого жителя России — возможность найти работу, отдать ребенка в хорошую школу, получить качественную медицинскую помощь и заработать на достойную старость. — Первый канал о «Разговоре с Владимиром Путиным».

Несмотря на жесткий тон, Медведев в своем послании фактически протягивает руку сотрудничества новой администрации США. — Первый канал о послании президента Федеральному собранию.

Все это дает стране с большим прошлым основания надеяться и на достойное будущее. — Первый канал о «Разговоре с Владимиром Путиным».

3 часа общения и 72 вопроса. Глава правительства охватил практически все проблемы, волнующие людей. — ТВЦ о «Разговоре с Владимиром Путиным».

Выражение *достойная старость*, которое повторяет Первый канал, сейчас многими воспринимается как издевательство: чтобы получить доказательство, достаточно набрать это словосочетание в любой поисковой системе и увидеть высказывания пользователей Интернета. Этот штамп уже довольно давно дискредитировал себя и превратился, скорее, в средство иронии, насмешки, однако в данном случае используется серьезно, более того, чуть позже повторяется в другой вариации: *достойное будущее*. Используя подобную риторику, Первый канал, очевидно, рассчитывает на ту возрастную часть аудитории, для которой советский политический дискурс еще не до конца вытеснен постсоветским.

Отметим, что, как всегда, особняком в данном случае держится канал РЕН ТВ. Здесь советский новояз и штампы используются исключительно как средство иронии. Более того, само выступление президента журналист сравнивает с выступлениями советских лидеров и прямо указывает на это в тексте: «Но на фоне резкой критики системы эти 10 пунктов программы реформ Медведева выглядели такими косметическими, что некоторые эксперты даже увидели в выступлении президента типичный советский стиль. Это когда критикуются отдельные недостатки, но не сама система, которая их порождает».

6. Описания «картинки», что не свойственно обычным новостям

Согласно классификации, предложенной французскими учеными Б. Бесс и Д. Дезормо [Besse, Desormeaux 2005: 73], существует четыре типа взаимодействия текста и видео в информационном сюжете. Первый — взаимоисключение, или взаимоуничтожение: «картинка» опровергает текст. Например, корреспондент говорит о том, что на митинг пришла огромная толпа, а камера показывает двух человек. Второй тип — повтор. Пример: «Митингующие держали в руках плакаты с надписью «Верните наши деньги!» Камера в этот момент показывает именно эти плакаты и именно эти надписи. Третий тип — доминирование текста над картинкой, здесь речь идет о ситуации, в которой видео искусственно подгоняется под текст.

Происходит это чаще всего от тяготения журналиста к красивым фразам и оригинальным (или, наоборот, клишированным) оборотам, которые не подкреплены соответствующими видеокадрами. В книге приводится пример с фразой «Много воды утекло с тех пор», которая иллюстрируется в сюжете кадрами воды. Наконец, четвертый тип взаимодействия — это взаимодействие, или взаимное обогащение. Именно он является наиболее сбалансированным. Если вернуться к примеру с митингом, о пришедшей на него «толпе» можно сказать так: «На митинг сегодня пришли представители всех движений и партий» (и показать при этом толпу).

В информационных и информационно-аналитических программах, в сюжетах на политические темы могут использоваться все перечисленные способы взаимодействия текста и «картинки», причем иногда они сочетаются в рамках одной фразы. Обычно в сюжетах такого рода не свойственное телевизионным новостям описание может появляться как способ объяснить что-то зрителю, создать у него именно тот образ ситуации, который нужен авторам. Пример: «Путин отвечал уверенно, но было видно, что говорить о кризисе ему нелегко». В этом предложении мы видим некую избыточность: ведь о том, насколько уверенно выступает премьер, можно судить по «картинке», однако автор текста в данном случае решает выступить в роли своеобразного толкователя: даже если зритель, например, не заметит уверенности, ему подскажут, как было «на самом деле». Порой текст очень сильно расходится с картинкой, однако при этом автор, как бы игнорируя происходящее на экране, не отступает от своей речевой стратегии, словно стараясь усыпить внимание зрителя. Так происходит, например, в сюжете программы «Вести недели», посвященном президентскому посланию: «Партийная часть зала, судя по ее реакции, предложения поддерживает». На этих словах камера показывает абсолютно лишенные эмоций лица.

Есть и примеры другого типа взаимодействия текста и картинки — дублирование. Это фрагмент текста программы «Неделя с Марианной Максимовской» на РЕН ТВ: «На словах Медведева о коррупции камеры трансляции из Кремля поче-

му-то показывали московского мэра Лужкова». Корреспондент здесь дублирует текстом то, что видно на картинке, однако он намеренно акцентирует на этом внимание, позволяя зрителю вычленить имплицитный посыл: Лужков — коррупционер.

С И Н Т А К С И С

1. Использование вопросительных конструкций с имплицитной семантикой

Как правило, такие конструкции, как уже было отмечено выше, используются в шпигеле и подводках, как в наиболее сильных, ударных элементах новостного гипертекста, от которых во многом зависит то, как сформируется взгляд зрителя на проблему.

Обратим внимание на пункт шпигеля, анонсирующий новость о президентском послании в программе «Вести недели» за 9 ноября на канале «Россия»: «Послание, или такого никто не ожидал. Как хранили в тайне? Готова ли к переменам «Единая Россия»? Что думает о ротации кадров бессменный Зюганов? Как оценил глава Конституционного суда? И какая она, нынешняя политическая элита? Репортаж из Кремля». Как мы видим, анонс целиком (за исключением последней фразы) состоит из вопросительных предложений. Стоит отметить, что такие конструкции являются одним из распространенных приемов речевого воздействия и, как правило, содержат имплицитные оценки, характеристики события, а также коммуникативные установки авторов. Кроме того, как отмечает Н. И. Клушина [Клушина 2008: 157], риторические вопросы заостряют ту или иную проблему, придают ей драматизм.

2. Использование номинативных предложений

Как правило, они появляются в таких элементах новостного гипертекста, как шпигель и подводка. Связано это с тем, что, как мы уже отмечали, оба этих элемента выполняют своего рода рекламную функцию, они должны преподнести сюжет так, чтобы зритель им заинтересовался. Как известно, именно номинативные предложения являются одним из самых распространенных приемов в рекламе. Как отмечает О. А. Ксен-

зенко, «по своей коммуникативной функции номинативное предложение представляет собой констатацию наличия называемого в предложении предмета или явления» [Ксензенко 2008: 135]. Все эти особенности (краткость, емкость, выразительность, акцент на наличии явления), вероятно, и побудили создателей новостных текстов взять на вооружение номинативные конструкции. Так, шпигель может целиком состоять из подобных фраз, напоминающих рекламные слоганы. В подводках же такие конструкции используются реже, как правило, это касается зачина, первой фразы, которая должна быть яркой, хлесткой и запоминающейся. Стоит отметить важность номинативных предложений в персуазивном дискурсе, а именно в рассматриваемых нами информационно-аналитических программах. Такие конструкции называют явление, номинируют его определенным образом, а способ называния, обозначения предмета или явления может иметь речевоздействующий эффект и отражать во многом коммуникативную стратегию канала. В некоторых случаях оценка выражается более явно. Например, в тексте шпигеля программы «Постскрипtum» (ТВЦ, 7 декабря 2008 года): «Контурсы внешней политики Обамы. Начало разочарования. Наш комментарий». Это анонс репортажа (аналитического материала) о первых днях правления нового президента США Барака Обамы. Оценка авторов программы в данном случае довольно явственна: она проявляется в слове «разочарование», которым характеризуется отношение к Обаме. Имплицитная информация вводится тут за счет слова *начало*. Она позволяет развернуть скрытую логическую цепочку: раз есть начало, будет и продолжение.

Кстати, именно с номинативных предложений начинаются все пункты шпигеля программы «Неделя с Марианной Максимовской» за 8 ноября. Первый пункт, который начинается фразой: «Поправки без референдума», тоже очень близок по своей структуре к рекламному слогану («Автокредит без процентов!»). Однако в данном случае конструкция с предлогом *без* имеет скорее отрицательную коннотацию, это своеобразная антиреклама. Ведь референдум — это мнение народа, а его предлагается игнорировать.

3. Отсутствие ссылки как прием речевого воздействия

Новостной политический дискурс на телевидении отличается своеобразное обращение со ссылками и цитатами. И это тоже, на наш взгляд, может являться частью коммуникативной стратегии канала. Ссылка, по нашим наблюдениям, почти всегда постпозитивна в сюжетах, темой которых является выступление какого-либо политического лидера, его визит куда-либо, переговоры, общение с народом и т. д. Журналист, как правило, структурирует текст следующим образом: он сначала пересказывает тезисы, а потом добавляет: «Так считает президент» или «Так заявил премьер». Подобная структура создает у зрителя впечатление, что журналист как будто говорит от себя, высказывает собственную позицию и поддерживает говорящего. Рассмотрим фрагмент репортажа о послании президента в «Итоговой программе с Кириллом Поздняковым» на НТВ (9 ноября):

Центральная часть выступления президента — предложения по развитию политической системы. Доверие к власти — залог развития общества. А власть должна иметь возможность выполнять свои обещания. Правительство должно ежегодно отчитываться перед Думой. А сроки работы Думы предложено увеличить до 5 лет, президента — до 6. Для большой страны логичны большие сроки.

Здесь, как мы видим, нет ни одной ссылки на источник. О том, что все это говорил президент, свидетельствуют лишь слова *предложение* и *предложено*. Корреспондент продолжает тезисы президента, говорит от его лица. Причем сохраняет и лозунговую структуру предложений, и модальность долженствования. Есть даже логическая цепочка, которую журналист воспроизводит как бы от себя, говоря о том, что «для большой страны логичны большие сроки».

На ТВЦ прием такого использования постпозитивной ссылки выносится в шпигель, причем в самый первый его пункт: «Путину нравится работать с Медведевым. О чем и как премьер говорил с народом?» («Постскрипtum», 7 декабря). Отсутствие ссылки в данном случае делает первую фразу оценочной, получается, что это мнение журналиста, редакции о том,

что Путину нравится работать с Медведевым. Интересно и то, что пункт шпигеля, который по законам жанра должен содержать новость, в данном случае содержит утверждение. Этот прием, скорее всего, работает здесь на реализацию следующей речевой стратегии: показать зрителю, что между Путиным и Медведевым нет разногласий.

Отметим, что совсем по-другому обращается с материалом канал РЕН ТВ. Здесь, напротив, каждый абзац репортажа начинается именно со ссылки на президента:

Нехорошо отозвавшись о ситуации в России, президент объявил о политических реформах;

Президент намерен подправить процессы формирования Совета Федерации, выдвижения губернаторов и усиления контроля парламента за правительством;

Когда президент говорил о партиях, первым в зале зааплодировал премьер Путин;

Примеров постпозитивных ссылок в репортаже нет. Такая речевая стратегия позволяет сделать вывод о большей самостоятельности корреспондента, который сначала цитирует президента, а потом анализирует сказанное.

Завершая анализ особенностей рассматриваемых нами текстов, следует отметить, что данный тип дискурса (дискурс информационно-аналитических программ на телевидении) весьма интересен для изучения и, безусловно, требует дальнейших исследований. Одним из важнейших аспектов этой темы является зависимость структурирования всех уровней новостного гипертекста от коммуникативных задач канала, его идеологических установок. Сделанные в ходе анализа наблюдения позволяют назвать вариативность языковых средств одним из основных инструментов воздействия на аудиторию. Варьирование как на структурном, так и на вербальном уровне, выбор тех или иных единиц в зависимости от прагматической задачи — все это позволяет авторам текстов информационно-аналитических программ на телевидении создавать свою картину происходящего, формируя таким образом у зрителей то представление о событии, которого требует установка канала.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон Р. Д. 2007 — О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти. *Политическая лингвистика*. Вып. (1) 21. Екатеринбург. С. 6–13.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. 2008 — *Метафора в политической коммуникации*. Москва. С. 15–30.
- Какорина Е. В. 1996 — Стилистический облик оппозиционной прессы. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва. С. 409–426.
- Кирия К. Д. 2010 — Влияние экстралингвистических факторов на фразеотворчество в текстах телевизионных новостей. *Тезисы конференции «Русская речь в современных парадигмах лингвистики»*. Псков. С. 184–186.
- Кирия К. Д. 2007 — *Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность*. Дис. канд. филол. наук. Москва. С. 180–257.
- Клушина Н. И. 2008 — *Стилистика публицистического текста*. Москва. С. 26–157.
- Телевизионная журналистика: учебник*. 2002. Москва. С. 195–196.
- Besse V. et Desormeaux D. 2005 — *Construire le reportage télévisé*. Paris. P. 70–81.

АНАЛИЗИРУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ СМИ

- Выпуск программы «Постскрипtum», ТВЦ, 09.11.2008.
- Выпуск программы «Постскрипtum», ТВЦ, 07.12.2008.
- Выпуск программы «Неделя с Марианной Максимовской», РЕН ТВ, 08.11.2008.
- Выпуск программы «Неделя с Марианной Максимовской», РЕН ТВ, 06.12.2008.
- Выпуск программы «Воскресный вечер», Первый канал, 09.11.2008.
- Выпуск программы «Воскресный вечер», Первый канал, 07.12.2008.
- Выпуск программы «Вести недели», канал «Россия», 08.11.2008.
- Выпуск программы «Вести недели», канал «Россия», 06.12.2008.
- Выпуск программы «Итоговая программа с Кириллом Поздняковым», НТВ, 09.11.2008.
- Выпуск программы «Итоговая программа с Кириллом Поздняковым», НТВ, 07.12.2008.

KEELEVAHENDITE VARIATIIVSUS VENE TELEKANALITE
UUDISTE TEKSTIDES KOMMUNKATIIVSE STRATEEGIA OSANA*Ksenia Kirija*

Artiklis analüüsitakse kommunikatiivseid strateegiaid ja taktikaid, mida ajakirjanikud kasutavad informatiiv-analüütiliste telesaadete tekstides. Olukorras, kus riigi mõju Venemaa massimeediale aina kasvab, on see teema muutumas eriti aktuaalseks. Eelkõige saab rääkida variatiivsusest teksti struktuuri elementide kasutamises. Sellisteks elementideks on: uudiste pealkirjad, reportaažide tutvustused (tekstid, mis eelnevad videoklipile), materjali paigutus reportaažide endi ees. Lisaks sellele on artikli autori jaoks oluline ka varieerumine leksikaalsel tasandil.

Niisiis võivad ühtedeks auditooriumi mõjutavateks vahenditeks saada erinevate sündmuste ja nähtuste nimetamise viisid (sõna “finantskriis” asemel kasutatakse väljendit “finantsilised ebameeldivused / segadused”). Ühe või teise telekanali kommunikatiivse strateegia oluliseks koostisosaks võib saada ka fraseologismide loomine / kasutamine. Seda teed lähevad reeglina sagedamini mitte riiklikud, vaid eratelekanalid, kellel on sündmuste kajastamisel rohkem vabadust. Erakanal REN TV lubab endale isegi sellist fraseologismide loomist / kasutamist, mis sisaldab endas varjatud hinnangut sündmusele, ironiseerivat vaadet toimuvale. Teksti selle taseme veel üks oluline aspekt on stampsõnad, klišeed, mis meenutavad vaatajale nõukogude meedia diskursust (“vääriskas tulevik”, “vääriskas vanadus”, “koostöökätt ulatama”).

Üheks telekanali kommunikatiivse strateegia koostisosaks on materjali struktureerimise viis. Sellel teemal on artiklis eriline koht. Uudislõikude järgnevus saates, teksti sidusus lõikude sees ja tutvustustes, mida esitab saatejuht — kõik see võib samuti muutuda auditooriumit mõjutavaks vahendiks. Olulisena näib ka konkreetsete süntaktiliste konstruktsioonide valik. Näiteks kõige olulisemates uudistekstide kohtades (uudiste eelteadetes või tutvustustes) kasutatakse varjatud semantikaga küsilauseid. Retoorilised küsimused muudavad probleemi teravamaks, lisavad sellele dramaatilisust, ja sisaldavad ka varjatud hinnanguid, mis mõjutavad vaatajate ühe või teise teema tajumist. Veenvas diskursuses on tähtis ka nominatiivlause kasutamine. Keeleliseks mõjutusvahendiks võib saada samuti algallikale mitteviitamine.

Tervikuna on kõnealune diskursuse tüüp küllaltki huvitav ja nõuab kahtlemata edasist uurimist. Selle teema üheks olulisemaks aspektiks on kõikide teksti tasandite sõltuvus telekanali kommunikatiivsetest ülesannetest, selle ideoloogilisest orientatsioonist.

ФИКСАЦИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ В ЭСТОНИИ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНИХ ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

Л. Я. КОСТЮЧУК

Внимание к русской народной речи в России и за рубежом особенно усилилось во второй половине XX века: через язык, через речь народ передает из поколения в поколение свои традиции, особенности культуры, сведения об историческом прошлом. Богатая история русского народа на протяжении обозримого времени, особенно с XIX века, зафиксирована в русском языке — «живом великорусском языке», как называл его В. И. Даль [Даль 1956].

В XX веке благодаря усилиям Б. А. Ларина стали известны новые источники русской речи, в частности народной. Это уникальные записи иностранцев. Талант ученого, убежденность в правоте выбранного направления, как всегда у Б. А. Ларина, оказались перспективно-пророческими: так утвердилась вопреки многим трудностям научного советского быта правомерность изучения русской речи в записях иностранцев [Ларин 2002].

Псковским народным говорам особенно повезло: уже после кончины Б. А. Ларина стали известны русско-немецкие разговорники — Т. Фенне, составленный немецким купцом в Пскове начала XVII века (в 1607 году), и Т. Шрове, созданный в XVI веке [Fenne 1607; Schroue XVI]. Причем, по мнению многих исследователей, оба эти разговорника имели более ранний первоисточник, тоже псковского происхождения (см.,

например, [Хорошкевич 2000]). Внимание к Пскову не прекращалось из-за географического положения города, выгодного для ведения торговли с западными купцами.

Исследователей все больше интересует родной язык как национальный и речь псковичей, сохранившая специфику диалектного языка. Говоры староверов, особенно в условиях иноязычного окружения (например, эстонского, литовского, польского, даже английского в Соединенных Штатах), хранят многие уникальные черты русского языка и помогают подчас объяснить древние восточнославянские особенности. Важную роль в судьбе староверческих русских говоров играли псковские говоры: многие выходцы с Псковской земли находили приют среди иноязычного населения. Но это и заставляло носителей материнских говоров сохранять родную речь.

Уникальный «Псковский областной словарь с историческими данным» [ПОС 1967–2009...] фиксирует не только псковские особенности XVIII–XXI веков (то есть особенности живой народной речи, как определял временные границы современных говоров Б. А. Ларин), но и особенности, отмеченные в памятниках псковской письменности. Эти источники донесли до настоящего времени местные особенности и в книжной речи (в летописных, деловых, конфессиональных и других жанрах) [Ларин 1961; Ларин 1967: 3]. Поэтому составители словаря внимательно изучают каждый новый источник по русской народной речи. Внимание всегда привлекали и особенности речи староверов, с одной стороны, в окружении русских говоров (в частности, псковских на территории Псковской земли) и, с другой стороны, в иноязычном окружении (см.: [Морозова, Чекмонас 2003; Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980 и др.]).

Коллектив лексикографов, работающий над созданием «Псковского областного словаря» в С.-Петербурге и в Пскове, ценит исследования и публикации ученых Тартуского университета: в последнее время интересные коллективные монографические исследования типа «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии» в двух томах [Очерки 2004; Очерки 2007], специальный «Словарь говора староверов Эстонии»,

созданный О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой [Паликова, Ровнова 2008].

Ценно утверждение исследователей старовеерческих говоров на территории Причудья: «Согласно общепринятой в диалектологии точке зрения, исконный русский говор старовееров Западного Причудья относится к северо-западным акаюшим (псковским) говорам» [Ровнова 2004: 145].

Лексикографические труды, которые создаются на тщательно собранном диалектном материале, при обследовании народной речи через презентацию лексем в речевом контексте, достоверно раскрывают значения и своеобразие языковых черт не только лексического уровня, но и других языковых уровней (фонетического, грамматических — прежде всего морфологического).

Многоаспектные исследования тартуских ученых и лексикографическое издание коллег продолжили многодесятилетнюю деятельность Т. Ф. Мурниковой по изучению говоров старовееров в эстонском окружении [МСРСГП 1963]. Особенно важно для составителей «Псковского областного словаря» знакомство со «Словарем» О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой: как утверждал Б. А. Ларин, автор идеи уникального словаря полного типа, который фиксирует не только «экзотическую» лексику, словарь псковских говоров отражает тысячелетние связи с языками псковских соседей [Ларин 1967: 3]. Нам важно было обнаружить значимые параллели для лексем из говоров старовееров Эстонии с лексемами из псковских говоров на территории России.

Естественно, что в говоре старовееров Эстонии наблюдаются такие слова для названий реалий из сельской жизни, которые пришли из эстонского языка. С эстонским же языком псковские говоры находятся в тесном контакте: *боркан* ‘морковь’, *калика*, *каливка* ‘брюква’ (отмечаем слова в указанной орфографической фиксации, поскольку составители «Словаря» знают эстонский язык).

Для «Псковского областного словаря» и для исследователей псковской народной речи важны наименования с эстонским корнем, но с сохранением грамматических особенностей

русского языка (*кельки* — в форме множественного числа со значением ‘санки’); с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса (*келечки*). Материал «Словаря говора староверов Эстонии» обнаруживает лексико-семантическое сближение с псковскими говорами: слово *несколько* имеет значение ‘много’, в отличие от общерусского значения ‘в небольшом количестве’.

Типично псковское слово *привести* / *приводить* с корнем *вед-/вод-* вместо общерусского *вез-/воз-* отмечено и в речи староверов Эстонии. Можно обнаружить аналогию и со словом *погредить* в значении ‘повредить’: форма со звуком [ɔ] в говорах вместо формы со звуком [з] (*погрезить*). Наблюдается мена звуков [з] и [ɔ].

Естественна активность в говорах образований с корнем *ор-* (*орать* ‘пахать’; *обарывать*, *отарывать* ‘окучивать’ и др.), допускающим историческое чередование *о // а* (звук [а] находится под ударением).

В русских старожильческих говорах в Польше широко используются слова из гнезда, сохраняющего старый индоевропейский корень **or-* в начале слова (ср. [Фасмер III: 148–149]): *ора́ч* (ср. в польском *oracz*); *оре́ц* в значении ‘пахарь’ (наряду со словом *пахотник*) [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 193]; *ора́нье*, *орать* (наряду с *пахать*), *арба́* ‘пахота’ (с древним суффиксом *-ьб-) [там же: 13–14]; *ора́нный*, *орный* [там же: 158].

Современные сведения об указанном корне подтверждают соответствующие явления в прошлом псковских говоров. Так, в псковских грамотах XIV–XV веков было обнаружено непонятное на первый взгляд предложно-именное сочетание *по зари*. Исследование же выявило, что это образование с корнем *ор-* при стяжении гласных на морфемном шве народной приставки *по-за* и корня *ор-* (значение имени — ‘связанный с пахотой участок земли’).

Для псковских говоров характерна мена звуков [с] и [х] в словах типа *опояхаться* вместо *опоясаться*, о чем писала С. М. Глушкина [Глушкина 1962].

Типично для псковских говоров и выпадение звука [в] из исторически появившегося [вл'] как результат влияния древнего звука *j (*осталяться* вместо *оставляться*). А. А. Зализняк этот случай отмечает как особую черту древнего псковско-новгородского диалекта [Зализняк 1995].

Интересные данные говоров староверов Западного Причудья требуют дальнейшего внимательного изучения, тем более при сопоставлении с материалами псковских говоров (см. опубликованные выпуски «Псковского областного словаря с историческими данными» и Картотеку «Словаря»).

Чтение иллюстративных текстов в «Словаре говора староверов Эстонии» добавляет и такие сведения об уникальных древних русских говорах в Эстонии, которые пока оказались не отмеченными лексикографически, но могут быть введены в словарные статьи при дальнейшей работе над словарем: оказывается, в говорах зафиксировано слово *болота* женского рода наряду с обычным словом *болото* среднего рода. См. контекст «*Заросло всё мхом и болотой*», обнаруженный в словарной статье на слово *мох*.

Кто хочет узнать о человеческих судьбах (индивидуальных и коллективных) в Эстонии на фоне своеобразных исторических отношений староверчества и официального православия, осложненных соседством с людьми других национальностей, должен обязательно знакомиться с трудами коллег из Тартуского университета: ведь будут, видимо, и дальнейшие углубленные лингвистические, этнографические, историко-культурные и другие исследования. При этом придется обращаться и к тому, что сделали для изучения русских старожильческих говоров в Эстонии такие исследователи старшего поколения, как лингвисты Т. Ф. Мурникова, В. В. Мюркхейн, Х. Й. Хейтер, как этнографы, историки Е. В. Рихтер, А. Х. Моора, проявившие большой интерес к смежным наукам, в частности и к археологии.

Исследователи же псковских говоров могут сопоставить языковые данные материковых (на Псковской земле) и островных (в Эстонии) говоров, проследить степень устойчивости отдельных древних языковых явлений, в частности и лексических.

Учет лексико-семантических и других особенностей русской речи на одной территории на протяжении веков и на разных территориях тоже на протяжении многих веков помогает установить системные отношения в области разных уровней народного языка. Это создает возможность обогатить и материал словарных статей для «Псковского областного словаря», если русская народная речь имеет отношение к псковским говорам.

Нам приходилось писать о своеобразном явлении: не имеют ли слова *кѣта* ‘цепь’, *кѣткъ* ‘цепочка’ наряду со словами *цѣпка*, *цѣпѡчка* судьбу, аналогичную со словами типа *кѣп* наряду с *цѣп*? [Костючук 1999] То есть не является ли это свидетельством отсутствия второй палатализации, о чем впервые говорила и писала С. М. Глушкина [Глушкина 1968: 20–43], а затем эту идею поддержал и А. А. Зализняк (например, [Зализняк 1995])? Или это влияние немецкого слова типа *die Kette* ‘цепь’, поскольку слова были обнаружены в русских говорах на территории Польши в соседстве с немецкой речью (см.: [Grek-Pabisowa, Maguniakowa 1980])? И в то же время обнаруживаем замечания у А. Мейе [Мейе 1951: 103] и у Х. Бирнбаума [Бирнбаум Х. 1987: 105] относительно упрощения групп согласных **pt*, **bt*.

Исследователи убеждаются, что народные говоры и в XXI веке продолжают удивлять своими неожиданными свойствами, изучение которых может привести к новым открытиям. Взаимное дополнение в условиях взаимодействия разных языков позволяет упрочиваться «своим, собственным» чертам в каждом из говоров, языков. И в то же время создаются отношения открытости для влияния и для обогащения рядом черт.

Публикации, исследования, касающиеся русских говоров староверов за рубежом в иноязычном окружении показывают своеобразие древних и современных процессов в разных сферах народного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирнбаум Х. 1987 — *Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции*. Москва.
- Глускина С. М. 1962 — Морфонологические наблюдения над звуком [sch] в псковских говорах. *Псковские говоры. I*. Псков.
- Глускина С. М. 1968 — О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров). *Псковские говоры. II*. Псков. С. 20–43.
- Даль В. И. 1956 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. Москва.
- Зализняк А. А. 1995 — *Древненовгородский диалект*. Москва.
- Костючук Л. Я. 2000 — Следы прошлого в современной народной речи Северо-Запада. *Славянский альманах 1999*. Москва. С. 342–350.
- Кюльмоя И. П. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту. С. 159.
- Ларин Б. А. 1961 — *Инструкция Псковского областного словаря*. Ленинград.
- Ларин Б. А. 1967 — [Вступление]. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1. Ленинград. С. 3.
- Ларин Б. А. 2002 — *Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков*. Санкт-Петербург.
- Марасинова Л. М. 1966 — *Новые псковские грамоты XIV–XV веков*. Москва.
- Мейе А. 1951 — *Общеславянский язык*. Москва.
- Морозова Н. А., Чекмонас В. Н. 2003 — К проблеме грамматического статуса в значении сочетаний *быть*_{прош.} + л-овые формы глагола в старообрядческих говорах Литвы. *Псковские говоры: синхрония и диахрония*. Псков. С. 206–223.
- МСРСГП 1963 — Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига.
- Очерки 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту.
- Очерки 2007 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Тарту.
- Паликова О. Н., Ровнова О. Г. 2008 — *Словарь говора староверов Эстонии*. Тарту.

- ПОС 1967–2009 — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–21... Ленинград (Санкт-Петербург).
- Ровнова О. Г. 2004 — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту. С. 145.
- Фасмер М. 1964–1973 — *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва.
- Хорошкевич А. 2000 — К истории создания немецко-русских словарей-разговорников Томаса Шrove и Тониса Фенне. *Slavia orientalis*. Kraków, 2000. Т. XLI. № 1. S. 91.
- Fenne T. 1607 — *T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607*. Vol. II. Copenhagen, 1970.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. 1980 — *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Schroue T. XVI — «*Einn Russisch Buch*» T. Schrouege XVI w. Cz. II. Kraków, 1997.

VENE MURDEKEELE FIKSEERIMINE EESTIS
VANADE PIHKVA MURDEANDMETE ALLIKANA

Larissa Kostjutšuk

Erinevate keelte naabruse tingimustes toimub nende keelesüsteemide vastastikune rikastamine ning seejuures oma unikaalsete joonte kinnistamine.

Tartu keeleteadlased viivad läbi tõsiseid uuringuid (millele eelneb laialdane keelematerjali kogumine) vene ja eesti keele vastastike mõjude vallas, mis on seotud nende keelte kõnelejate tihedate kontaktidega. Üksikute faktide üle võib diskuteerida probleemi käsitlemisel. Sünkroonsed ja diakroonsed protsessid mõjutavad üksteist tugevalt ning väljendavad dünaamikat erinevate keele tasandite raames.

Paljude üksikfaktide uurimine on oluline ka murdeleksikograafia jaoks.

ЭКСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Л. П. МИХАЙЛОВА

Существенной особенностью русских говоров является формальная модификация слова, наличие вариантов одной и той же лексемы, прежде всего фонетических. Подвижность материальной субстанции номинативных единиц давно привлекает внимание лингвистов как в теоретическом, так и в практическом, в частности, лексикографическом плане [Филин 1966; Баранникова 1971; Блинова 1973; Кузнецова 1982; Богословская 2006 и др.]. В областных словарях в качестве варианта обычно приводится слово, совпадающее по семантике с исходным, но отличающееся от него одним-двумя звуками, ударением и т. п. (*горáздо* и *горáзно*, *именúны*, *аменины* и *менины*, *немудрый* и *немудрой* и др.).

В исследованиях, посвященных лексикализации фонетических явлений, обращается внимание на наличие в диалектных системах регулярных и нерегулярных особенностей. Современные говоры характеризуются совокупностью разнородных процессов, вызванных как внутренними системными изменениями, так и внешними факторами. Последние, в свою очередь, также неоднородны в отношении к источнику воздействия: это влияние внутриязыковых систем — литературной или соседней диалектной, с одной стороны, и иноязычных — с другой. Возникновение вариантности слова не всегда подда-

ется объяснению закономерными процессами, происходящими в говоре [Кузнецова 1982: 4].

В лексике северных и северо-западных говоров русского языка содержится значительное количество фонетических вариантов, различающихся одним или двумя звуками, появление которых не может быть объяснено внутренними процессами развития русского языка. Такого рода явления могут быть отнесены к несистемным в противовес закономерным, ср. лексему *омишарина* ‘болотистое место’, где протетический гласный *о-* появился вследствие падения редуцированного, и такие слова, как *огвоздик* ‘гвоздик’, *ортуть* ‘ртуть’, в которых начальный гласный возник по другим причинам.

Известна генетическая неоднородность лексики русских говоров. Внимание автора данного исследования привлекают русские по происхождению слова с необычным фонемным составом в сравнении с лексикой общеизвестной, а также диалектной, бытующей на других территориях. Сопоставительный анализ лексики дает возможность вскрыть комплекс явлений, определяющих отличительные свойства северной и северо-западной русской лексики, а также лексики других говоров, которые сложились на их базе. В процессе соприкосновения и взаимодействия языков разного строя — русского и финно-угорских, русского и тюркских — активизировались те элементы, которые были сильными и устойчивыми в своей системе и в наибольшей степени отличными от чужой. Несовпадающие признаки адаптирующихся друг к другу систем активно проникали в соседнюю среду, что привело к их усвоению в качестве своеобразных элементов во внешнем облике и составе слова контактирующих языков. Длительное сосуществование народов в новых условиях общения, при новой внешней детерминанте для каждого языка [Мельников 2003: 74], приводит к возникновению общих языковых признаков, которыми ранее не обладала адаптирующаяся система, то есть происходит обмен сильными (интенциональными) признаками передающей системы и превращение их в экстенциальные в принимающей системе. Несогласованность системных признаков русского и неродственных иноструктурных языков об-

наруживается прежде всего в составе гласных и согласных звуков, в характере начального слога в слове, в строении словоформы и т. п.

В связи с появлением в последние десятилетия областных словарей русского языка, особенно касающихся территории Севера и Северо-Запада России, а также других зон, где говоры русского языка активно соприкасаются с неславянскими языками, пополнилась эмпирическая база, позволяющая изучать вопросы тождества и варьирования диалектного слова с опорой на новые данные. Сопоставление вариантов одного и того же слова, функционирующих в разных говорах в пределах диалектной макросистемы русского языка, дает возможность выявить разные способы модификации русского слова, часть которых трудно поддается объяснению историко-лингвистическими процессами собственно русского языка.

Наряду с существующими фонетическими вариантами, которые возникают обычно в результате закономерных процессов, характерных для того или иного говора, мы выделяем так называемые экстенциальные фонетические варианты слова. Экстенциальный вариант — это общеизвестное или диалектное слово, подвергшееся воздействию со стороны иноязычной системы и изменившее в связи с этим внешний облик. В русских говорах Севера и Северо-Запада, соседствующих в течение длительного времени с прибалтийско-финскими языками, наблюдается значительное количество необычных слов, которые отличаются от исходных лексем отдельными признаками фонетического характера. Подобное положение наблюдается в русских говорах восточных территорий, где влияние могли оказать тюркские языки.

Задачей данной статьи является, во-первых, описание некоторых, наиболее репрезентативных, явлений, вызвавших возникновение экстенциальных лексических единиц, во-вторых, показать их роль в изменении отдельных звеньев диалектной макросистемы русского языка. Материал исследования — данные известных диалектных словарей (географические пометы которых сохраняются без изменений, добавляются лишь указания на область).

ЯВЛЕНИЯ НАЧАЛА СЛОВА

Для русских говоров, функционирующих в зоне полиэтнических контактов, характерно наличие диалектных лексических единиц, в которых отсутствуют анлаутные сочетания согласных в сравнении с общеизвестными или диалектными лексемами. Это продиктовано структурой начала слова в соседних языках: «В начале слова в финно-угорском языке-основе стоял только один согласный (или один гласный)» [Лыткин 1974: 119]; «Отсутствие в исконно тюркских словах сочетаний нескольких согласных в начале слова, на стыках морфем или в абсолютном исходе слова, особая типология слогов обуславливают относительную простоту дистрибутивных отношений фонем в тюркских языках» [Гаджиева 1990: 528]. Результатом влияния иноструктурной языковой системы на фонетическом уровне явились процессы, приведшие к ликвидации сочетаний согласных в начале слова.

1. Упрощение группы согласных в начале слова **tt-** > **t-**: *ве-жева́ть* ‘убивать животное’ Пск. Пск. [СРНГ 4: 95, ПОС 3: 63], ср. *свежева́ть* ‘резать, колоть (скотину)’ Соликам. Перм., Свердлов., ‘чистить рыбу, вынимая внутренности’ Холмог. Арх. [СРНГ 36: 227], *свежа́ть* ‘снимать шкуру с убитого животного’ Забайкалье [там же: 226]; *во́я* ‘хвоя’ Пуд. Карел. < *хво́я*; *лубни́к* ‘северный ветер’ Верхне-Тоем. Арх. [СРНГ 17: 172], ср. *глубни́к* ‘северо-западный ветер’ Леш., Мез., Пин., Прим., Холм. Арх. [АОС 9: 110], Арх., Мезен. Арх., Олон., Волог., Тобол. [СРНГ 6: 206]; *бал* ‘приспособление для гнутья полозьев’ Лен. Якут., *бала* ‘то же’, ‘передняя часть полозьев нарты’ Аллаих. Якут. [СРГЯ 1: 41], ср. *збач* ‘поворот, излучина (о реке)’ Вил. Арх., *гиба́ло* ‘приспособление для выгибания дуг, полозьев’ Нянд., Уст. Арх., Баб., Бабуш., Ваш., Кир., М.-Реч., Ньюкс., Устюж., Хар., Череп., Шексн. Волог. [СРГС 3: 22]; *збати* (*зъбати*) ‘двигать чем-л., сгибать что-л. (о частях тела)’ Ч. Николы, XIV в.~XI в., *збежъ* (*зъбежъ*) ‘поворот, наклон’ Лопаточник, XVI в.~XV в. [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 13].

2. Метатеза **ttat-** > **tatt-**: *корва́ть* ‘кровать’ Ворон., Терск., Дон., Курск., Орл., Ряз., Калуж. [СРНГ 14: 350], ср. *кровать*;

первѣск 'девичий головной убор' Кольск. Арх. [СРНГ 26: 6], ср. *привеска* 'расшитая золотом и серебром полоса материи (из нескольких рядов), надеваемая на лоб' Мещов. Калуж. [СРНГ 31: 134]; *пердовинье* 'навес над гумном' Мещов. Калуж. [СРНГ 26: 19], ср. *предовинье* 'площадь под навесом перед ригой' Арх., Вязник. Влад. [СРНГ 31: 78], 'пристройка к овину для обмолота и хранения снопов' Саф., Сыч. Смол. [ССГ 9: 10].

3. Эпентеза **tt-** > **tat-**: *врач* 'врач' Оп. Пск. [ПОС 5: 36], ср. *врач*; *голумиться* 'глумиться' Гаф. Башкир. [СРГБ 1: 90], ср. *глумиться*, *голумной* 'глуповатый, с придурью' Гд., Н.-Рж. Пск. [ПОС 7: 72], ср. *глумной* 'глупый, бестолковый' Беж., Гд., Кар., Н.-Рж., Н.-Сок., Оп., Остр., Печ., Порх., Пск., Пуст., Себ., Сер., Сл., Стр. Пск. [ПОС 6: 188]; *голубина* 'глубокое место, глубина' Онеж. Арх. [АОС 9: 277], ср. *глубина*, *голубинка* 1. 'деревня, отдаленная от крупных центров и железной дороги' Ср. Урал, 2. 'государственный заготовительный пункт зерна, удаленный от административных центров и железных дорог' Зайков. Свердлов., 3. 'хлеб (зерно), вывозимый на такой пункт' Нязепетр. Челяб. [СРНГ 6: 337], ср. *глубинка* 'глубинный, далекий от центра населенный пункт' Кон., Красн. Арх. [АОС 9: 110]; *голубник* 'северо-западный ветер' Леш., Пин., Прим. Арх. [там же: 279], Б. Низ. Печора [СРГНП 1: 143], ср. *глубник* 'то же' Леш., Мез., Пин., Прим., Холм. Арх. [АОС 9: 110], Бр., В., Вр., Г., Гл., Е., З., Зм., КРч., Нб., П., С., СБг., Ст., Т., У.-Ц., Ф., Х., Ч., Я. Низ. Печора [СРГНП 1: 136].

Эпентеза: **tt-** > **tat-** с одновременной перегласовкой в приставке (-е- вм. -и-): *перебайник* 'предбанник' Весьегон. Твер., Твер. [СРНГ 26: 21], ср. *прибайник* 'то же' Новг., Новг., Новг., Ленингр., Пск., Твер., Калинин. [СРНГ 31: 104]; *перебанник* 'предбанник' Тот. Волог. [СВГ 7: 27], Зайк., Ирб., Камен., Копт., Кр.-Уфим., Полев., С.-Лог. Свердлов., Сукс. Перм. [СРГСУ 3: 126], ср. *прибанник* 'то же' Пск., Осташк. Твер., Твер., Зап. Брян., Калуж., Ворон., Терск., Костром., Новг., Волог., Вят., Киров., Свердлов., Новосибир., Иссык-Кульск. [СРНГ 31: 104], Бор., Др., Кр., Мош., Новг., Ок., Оп., Пест., Сол., Шим. Новг. [НОС 9: 6], Волог., Межд. Волог. [СВГ 8: 37]. Предбанник обозначается также такими словами, как *перебанок* В.-Пышм., Зайк.,

Тал., Тур. Свердл. [СРГСУ 3: 126], ср. *приба́нок* Алап., Верхот. Свердл. [СРГСУ 4: 120], Волог., Соль-Илецк. Чкал., Перм., Забайкалье [СРНГ 31: 104]; *переба́нье* В.-У., Волог., К.-Г., Межд., Ник., Ньюкс., Сок., Сямж., Тарн. Волог. [СВГ 7: 27], *переба́ня* К.-Г., Ник., Тот. Волог. [там же].

4. Протеза **tt-** > **att-**: *аблазе́* 'хорошо' Вяз., Смол. Смол. [ССГ 1: 59, 185], ср. *блазе́* 'то же' Вел., Вяз., Дем., Дух., Ельн., Саф., Смол., Сыч. Смол. [там же: 185]; *аграбли́* 'грабли' Себ. Пск. [ПОС 7: 167], Бельск., Вел., Дем. Смол. [ССГ 1: 63], ср. *гра́бли*; *изги́нуть* 'исчезнуть, пропасть, сгинуть' Вят., Яросл., Перм., Урал., Галк. Курган. [СРНГ 12: 117, ОСВГ 4: 221], ср. *сгинуть*; *о́страда* 'уборка хлеба, жатва; страда' Пск., Осташк. Твер., Твер. [СРНГ 24: 75], ср. *страда́*.

ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СОГЛАСНЫХ

Далее обратим внимание на явления, не связанные с началом слова. К экстенциальным признакам можно отнести мену согласных звуков, не обусловленную внутренними процессами.

5. Мена звонких и глухих **d** ~ **t**. «В современном финно-угорском языкознании считается принятым, что в абсолютном начале слова не было звонких согласных, а были только глухие» [Лыткин 1974: 125]. Данное явление характерно для псковских говоров [Глускина 1973], подобные факты фиксируются в памятниках севернорусской письменности [Колесов 1963], в записях старохолмогорского говора, осуществленных Р. Джемсом [Ларин 1959]. Отмечая мену звонких-глухих в севернорусских диалектах, Б. А. Ларин пишет: «Объяснение этому надо искать в субстрате, так как языки угро-финской группы знают и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные – глухие слабые – звонкие), а в некоторых диалектах — утрату звонких, в других — озвончение глухих (например, в севернокарельских говорах озвончение **k – t – p** кратких в сильной позиции)» [Ларин 1959: 47]. Гипотезу субстратного влияния относительно псковской лексики поддерживает и С. М. Глускина.

В составе лексики пермских говоров употребляются звонкие согласные на месте глухих и наоборот: *сабоги, забоги, околлодок, патрак* и др., объясняемые влиянием коми языка [Мошева 1971; Мошева 1972: 137]. Среди многочисленных примеров, приведенных исследователем, отмечается лишь два слова со звонким согласным на месте глухого в позиции начала слова перед гласным (*дак, гостяжка*); добавим: *жу́стрый* 'бойкий, проворный; шустрый' Перм.: Караг. [СПГ 1: 267], ср. *шу́стрый; ба́згать* экспр. 'производить какое-л. действие сильно, интенсивно, с большим шумом' Перм.: Нытв., Караг. [там же: 15], 'делать что-л. интенсивно, с жаром, увлечением' Влг: Бел., Влгд. [СГРС I: 42], ср. *пазгать* 'бить, сечь, пороть' во многих севернорусских говорах [СРНГ 25: 142]. По всей вероятности, причиной указанного явления в пермских говорах следует также признать субстратное влияние.

Приведем отдельные примеры по другим говорам: *ди́знуть* 'украсть' У.-Прист. Алт., предположительно рассматриваемое как «звонкий вариант к *ти́снуть* (из воровск. жаргона) 'украсть', этимологически связанному с *тискать*» [ИЭСРГА 3: 72], *диз́гнуть* 'ударить кого-л.' Шадр. Перм. [СРНГ 8: 54], ср. *тиснуть* сов. вид к *тискать* 'давить, нажимать, мять' [БАС 15: 466]. В указанных лексических единицах наблюдается гиперкорректное употребление звонкого согласного на месте глухого, вызванное такой особенностью финно-угорских языков, как отсутствие начальных звонких согласных **b**, **g**, **d** [Лаанест 1975: 26]. Фактический материал показывает, что данная особенность распространилась и на другие согласные, соотносительные по глухости-звонкости: *жабе́р* 'сосед', *жабра́* 'соседка' Ядрин. Чуваш. [СРГП: 300], ср. *шабе́р* обл. 'сосед' [БАС 17: 1226].

6. Мена твердых и мягких **t** ~ **t'**: *кляч* 'отрезок бревна' Кар. Пск. [ПОС 14: 178], ср. *кляч* 'толстое короткое бревно; кряж' Новг., Твер., Пск., Зап. [СРНГ 13: 337]; *дрéля* 'милый, возлюбленный' Боров. Новг. [СРНГ 8: 183], ср. *дроля* Арх., Сев.-Двин., Новг., Пск., Ленингр., Олон., Костром., Яросл. [СРНГ 8: 199]; *да́йнушка* 'тетя, жена дяди' Белом. Карел. [СРГК 1: 422], ср. *да́йнушка* 'тетя, жена дяди со стороны отца или матери,

родного или двоюродного' Сег. Карел., *дъяйна* 'то же' Пуд., Медв. Карел., Онеж. Арх. [СРГК 2: 19].

7. Мена **б** ~ **в**. Данная особенность уже рассматривалась [Михайлова 2008]. Добавим некоторые новые сведения: *вереме* 'охапка' В.-Т. Арх. [АОС 3: 108], ср. *береме* 'небольшая укладка сена, собранная на граблях для укладки в стог' Карг., Плес. Арх. [АОС 2: 7]; *верёменность* 'беременность' Перм. [СРНГ 4: 130], ср. *беременность*. В ярославских говорах широко употребительны названия гриба с начальным **б**- в соответствии с общеизвестным словом *валуй* 'гриб с желтовато-белой липкой, слегка вогнутой шляпкой' [Ожегов: 62]: *балу́й* 'съедобный гриб, валуй' Борисоглеб., Владыч., Данил., Некрас., Первомайск., Переслав., Петров., Пошех., Ростов., Толбухин., Тутаев., Яросл. [ЯОС 1: 33], 'гриб валуй' Яросл. [СРНГ 2: 86]. Известны также образования: *балу́йка* 'съедобный гриб' Владыч., Мышк., Углич. Яросл. [ЯОС 2: 33], ср. *валу́йка* 'гриб валуй' Данил., Любим., Первомайск., Пошех., Пречист., Ростов. Яросл. [там же: 46]; лексикализованная форма множественного числа с фонетическими модификациями в отдельных микроразонах ярославских говоров: 'грибы, валуи' — *балу́едки*, *балу́етки* Яросл., *балу́еци* Брейт., Яросл., *балу́ечки* Углич., *балу́ёчки* Тутаев. [ЯОС 1: 33]. В эту же группу следует включить и лексемы *балук* 'гриб (какой?)' Тутаев., Углич., Яросл. [там же], *балу́шки* мн. 'съедобные грибы' Ильин., Мышк., Рыб., Углич. Яросл. [там же], ср. в вятских говорах *валу́шка* 'гриб валуй' Звс., К.-Чп., Флн., Слбд. [ОСВГ 2: 17].

ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ

В области гласных звуков представлены два явления, обычно сопровождаемые перетяжкой ударения на предшествующий слог, — переход *á* < *о* и переход *ʼа* < *е*. В отношении последнего (в случаях типа *мя́тла* < *метла́*) обычно употребляются такие термины, как ляпанье, ляпанье [Ардентов 1955], «заонежское яканье» [Колесов 1975]. Материал словарей дает основание говорить о распространении указанных процессов в широкой зоне, охватывающей западные, северные, централь-

ные, некоторые южные говоры Европейской части России, а также говоры Урала, Сибири, Алтая. Данные явления, по всей вероятности, следует рассматривать в контексте прибалтийско-финского субстрата, как русскую аналогию финским заимствованиям с *-ar-*, *-al-*, *-är-* типа *värttinä* ~ слав. **verteno*, *talkao* ~ слав. **tolka*, которые А. А. Шахматов возводит к эпохе общеславянского языка [Шахматов 1911: 808].

8. Переход *á < о*: *карысть* 'чувство удовольствия, радость' Н.-Рж., Пыт. Пск. [ПОС 14: 28], ср. *корысть* 'выгода, польза' Эст., Желачек, 'доход, прибыль' Яросл. [СРНГ 15: 36], 'зависть' Пск. [ПОС 15: 293], Осташк. Твер [СРНГ 15: 36]; *пáли-ца* 1. 'деревянная полка возле печи' Дор., Смол. Смол. [ССГ 8: 9], 'полка для посуды' Ребрихин. Алтай, 2. 'настенный деревянный шкафчик для посуды' Глинк., Мон., Росл. Смол. [там же], 'небольшой шкафчик с полками для посуды' Ребрихин. Алтай [СРНГ Сиб. 3: 168], ср. *поли́ца* 'посудная полка' Бийск. Алтай [там же: 356]; *да́лбанка* 'гроб' Тор. Твер. [ПОС 8: 124], ср. *долба́нка* 'улей, выдолбленный из цельного куска дерева, колода' Вл. Пск. [там же]; *да́полна* 'много, большое количество' Пин. Арх. [АОС 10: 261], ср. *дополна́* 'очень много, в большом количестве' Вил., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Красн., Леш., Нянд., Онеж., Плес., Прим., Холм. Арх. [АОС 11: 437]. Фразеологический компонент *авия* в устойчивом сочетании *городить авию* 'говорить вздор, глупости' Тихв. Ленингр. [СРНГ 1: 16] можно сравнить с *овия*, *овея* 'отходы при веянии зерна' Баб. Волог., *овеи* 'то же' Уст. Волог. [СРНГ 4: 130]. Предполагаемое семантическое преобразование: 'отходы при веянии зерна' > 'что-л. негодное' > 'отбросы' > 'чепуха'.

9. Переход *'а < е* при одновременной передвижке ударения на первый слог: *бягом* 'бегом, быстро' Добр. Перм. [СПГ 1: 73], ср. *бегóm*; *вя́жа* 'временное укрытие в лесу, сделанное из ветвей деревьев, шалаш', 'землянка' Тер. Мурман. [СРНГ 1: 319], ср. *вежа́* 'жилище саама из жердей, покрытое хворостом и дерном или шкурами' Кандалакша, 'землянка рыбаков' Поной Мурман. [ЖРКП: 26]. Вариант *ве́жа* в указанных значениях бытует на Севере — Арх., Олон., Мурман., Кольск., *ве́жа* 'палатка; кочевой шалаш, балаган, кибитка' охватывает

более широкую зону — Арх., Зап., Курск. [СРНГ 4: 94–95]. Др.-русск. *вЪжа* ‘шатер; кибитка; башня’ известно уже Повести временных лет и др. [Фасмер I: 285]; *гвѣрздливыи* и *гверздливыи* ‘с мелкими камешками’ Слан. Ленингр., ср. также *гверздливыи* ‘легко рассыпающийся в дресву, рыхлый’, о снеге ‘с льдинками’ Гд. Пск. [ПОС 6: 148].

ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОГО ХАРАКТЕРА

Экстенциальные лексемы могут выступать в качестве производных, в результате чего появляются целые словообразовательные группы. В качестве примера приведем гнездо с корнем *лѣп-/леп-*, куда входят: 1. глагольное междометие *лѣп*, обозначающее падение кого-, чего-н., сопровождающееся характерным звуком шлепка Остр. Пск. [ПОС 16: 593], ср. разг. междом. *шлѣп*, употребляющееся для обозначения звука, издаваемого при шлепании, шлепке [БАС XVII: 1468]; 2. глаголы — несовершенного вида: *лѣпать* ‘ходя, оставлять на полу следы от мокрого снега’, ‘бить, колотить’ Вл. Пск., ‘говорить как попало, не заботясь о правильности’ Пушк. Пск. [ПОС 16: 593], ‘говорить вздор, болтать’ Вожгал. Киров. [СРНГ 16: 359]; ср. *шлѣпать* простореч. ‘идти, ходить’, разг. ‘производить глухой, неотчетливый звук (обычно при ударе, падении и т. п.)’ [БАС XVII: 1470–1471]; ‘бить, наносить удары’ Медв. Карел., Карг. Арх., Чаг. Волог. [СРГК 6: 888], ‘болтать пустое’ Лод. Ленингр., Чаг. Волог. [там же]; совершенного вида: *лѣпнуть* ‘упасть с характерным звуком шлепка, шлепнуться’ Кар. Пск. [ПОС 16: 602], ‘сболтнуть, сказать что-л. не подумав’ Ряз. Ряз. [СРНГ 16: 365], *лѣпнуть* ‘упасть на землю, плюхнуться’ Пск., Осташк. Твер. [там же], ср. *шлѣпнуть* ‘произвести глухой, неотчетливый звук (обычно при ударе, падении и т. п.)’ [БАС XVII: 1470], ‘сказать что-н. не подумав’ Подп. Ленингр., Шексн. Волог. [СРГК 6: 888]; *лепануть* ‘ударить’ Сев.-Двин. [СРНГ 16: 359], ср. *шлепануть* в архангельских говорах [ОСАГ: 474]; возвратные глаголы — *лѣпнуться* ‘шлепнуться, упасть’ Макар. Костром., Ряз. Ряз. [СРНГ 16: 365], *лепнуться* ‘удариться’ Пск. [ПОС 16: 602], Пск., Осташк. Твер.,

Костром. Костром. [СРНГ 16: 365], ср. *шлѣ́пнуться* ‘с шумом удариться обо что-л.’ [БАС XVII: 1471]; отглагольные существительные — *лѣ́палка* ‘шлепок’ Дор. Смол. [ССГ 11: 248], ср. *шлѣ́палка* ‘то, чем ударяют, шлепают’ Смол., Ярц. Смол. [ССГ 11: 149]. Данный пример демонстрирует недостаточную самостоятельность развития экстенциального словообразовательного ряда, как это выразительно представлено в корневой группе *вакор-* (см. ниже). Все единицы ряда *леп-/лѣп-* реально выступают вариантами к общеизвестному корню *шлѣп-*, создается параллельный диалектный словообразовательный ряд с одинаковым экстенциальным признаком.

В большинстве случаев слова с экстенциальными признаками остаются системно изолированными, так как репрезентируют нехарактерные для русской языковой системы явления. Они, как правило, единичны и имеют точечный ареал. Однако в течение веков некоторые варианты, первоначально возникшие как экстенциальные, несистемные, обнаружили способность к словопроизводству, выступая в качестве производящего звена в цепи однокорневых лексических единиц. В связи с этим можно говорить о своеобразной экстенциальной парадигме — группе родственных слов, обладающих экстенциальным признаком. Условно выделим однонаправленную и разнонаправленную парадигму.

Однонаправленная парадигма разветвленного характера содержит лексемы, образованные от исходного слова, в которых отражен один и тот же процесс. Дадим пример однонаправленной парадигмы, в которой начальный этап преобразования представлен единичной лексемой, формально изолированной на фоне всех остальных членов парадигмы, занявшей прочное место в лексической системе. Это группа слов, в которых наблюдается перенос ударения на первый слог и переход **о-** > **á-** с последующим развитием протезы, закономерной для русского языка: **о-** > **á-** > **вá-**.

Акорье ‘обгорелые деревья после пала, гари’ Арх. [СРНГ 1: 227] имеет производящую основу *áкор-*, которая возникла, по всей вероятности, на базе связанной префиксально-корневой части **окор-*, представленной в таких лексемах, как *окорѣнок*

1. 'комель' Южн., 'обрубок дерева' Медын. Калуж., 'обломок, корень зуба' Вохом. Костром. [СРНГ 23: 153].

Лексика с начальным *ва́-* и исходным корнем *кор-* охватывает преимущественно северо-восточную зону. В семантическом отношении лексика может быть разделена на три основные группы.

Во-первых, сюда относятся слова, обозначающие 'вывороченное с корнем дерево' — *ва́кора* Вель., Вил., Вин., В.-Т., К.-Б., Уст., Холм. Арх.; В.-Важ., В.-Уст., К.-Г., Ник. Волог., *ва́кор* Бабуш. Волог., *ва́корень* Вил. Арх., В.-Важ. Волог., *ва́корина* Вель., Вил. Арх.; В.-Важ., В.-Уст., К.-Г., Ник. Волог., *ва́корник* Вель., Вил., Прим. Арх., В.-Важ., К.-Г., Ник. Волог., *ва́корь* Вил., Вин., В.-Т., Котл., Леш., Мез., Пин., Прим., Холм. Арх., В.-Уст., К.-Г. Волог., *вакура* Леш. Арх. [СГРС II: 9–12], последнее имеет также значение 'поваленное и лежащее старое дерево в лесу' Вель. Арх. [АОС 3: 27–28].

Во-вторых, те же слова имеют значение 'кривое, суковатое дерево; коряга' — *ва́кора* Вель., Вин., В.-Т., Уст., Шенк. Арх., К.-Г., Ник. Волог. [СГРС II: 10], *ва́корина* Вель., Вил., Пин. Арх., В.-Важ., К.-Г., Ник. Волог., *ва́кора* 'корявое, нестройной формы, суковатое, толстое, гнилое дерево, коряга' В.-Т., Шенк. Арх., *ва́кор* В.-Т., Леш., Пин. Арх. [АОС 3: 27], *ва́корник* Вель., Вил., Уст., Шенк. Арх., В.-Важ., В.-Уст., К.-Г. Волог. [СГРС 2: 11, АОС 3: 27], *ва́корь* Вил., Леш., Мез., Пин. Арх., К.-Г. Волог. [СГРС II: 11]; *ва́кора* 'кривоствольный, суковатый лес' Вель., В.-Т., Уст. Арх., Ник. Волог. [там же: 10]. *ва́корница* 'кривое, суковатое дерево; коряга' В.-Уст. Волог. [там же: 11], *ва́корница* 'поваленное и лежащее старое дерево в лесу' Вель. Арх. [АОС 3: 27], *ва́корье* 'низкорослый, суковатый, ветвистый, корявый, высохший старый лес, хворост' Мез. Арх. [там же: 28], 'валежник, хворост; бурелом' Арх. [СРНГ 4: 19], *ва́корный* 'суковатый (о лесе)' Леш. Арх. [АОС 3: 28], 'толстый (о дереве)' Вил. Арх., *вакористо* 'непроходимо' Прим. Арх., *вакористый* 'кривоствольный или с упавшими деревьями (о лесе)' Прим. Арх., *-ой* 'сучковатый, корявый' Мез., Прим. Арх. [АОС 3: 27]; 'палочка' — *вакорёк*, *вакорька* Леш. Арх. [СГРС 2: 10–11].

В-третьих, некоторые слова употребляются в переносном значении: *вако́ра* перен. 'о старом человеке' Вель. Арх. [СГРС II: 10], 'толстый, нестройный человек' Шенк. Арх. [АОС 3: 26], *вако́ра* 'неуклюжий, неповоротливый' Помор. [Гемп: 533], *вако́рина* перен. 'о неподвижном, грузном человеке' Вил. Арх., *вако́рница* перен. 'кокетка (о девушке)' В.-Уст. Волог. [СГРС II: 10–11].

Парадигма разнонаправленная, то есть такая, в которой представлены результаты действия двух или нескольких процессов: 1. перенос ударения на первый слог и переход *о* > *á*: *а́бжа* 'оглобля у сохи; рукоятка у плуга или сохи' Ржев. Твер., Новорж. Пск. [СРНГ 1: 189], ср. *о́бжа* 'то же' [БАС VIII: 120]. Предполагаем именно такое толкование с опорой на БАС, так как СРНГ 1 дает отсылку к слову *обжа́*, однако последнее в СРНГ 22 отсутствует; 2. мена *б* ~ *в*: *бо́бжа* 'оглобля сохи' Рамешк. Твер. [ТСГТО 1: 173], ср. *во́бжа* 'оглобля у сохи' Влад., Твер., Волог., Ленингр., Онеж. КАССР, Брян., Смол., Новг., Тамб., Ворон., Белг., Орл., Курск. [СРНГ 4: 326], *во́бжи* мн. Андреап. Твер. [ТСГТО 1: 173].

Своеобразие севернорусских говоров составляет особая префиксальная система, в которой наличествуют «параллельные» предкорневые компоненты (*пара-* < *пра-*, *ва́-* < *о-* и др.). Среди последних появляются омонимичные с исконными приставками: *из-* < *з-* < *вз-* (*изго́рок* Пск. < *взго́рок*), *со-* < *с-*, *из-* < *з-* < *с-* и др. [Михайлова 2008а].

При переходе экстенциального варианта в самостоятельное слово как неотъемлемый элемент лексической системы, во-первых, происходят семантические изменения, во-вторых, возникает возможность менять внешний облик под влиянием иноязычной системы по новым параметрам, в результате действия других процессов (*ва́корник* ~ *баку́рник*, *во́лвенка* ~ *во́лденка* ~ *во́лгенка* и др.).

Выявление и анализ лексики экстенциального характера, бытующей в русских говорах, может привести к выяснению путей взаимодействия разноструктурных языков, результатов длительных этноязыковых контактов, пополнить сведения по

вопросу о существовании языкового союза на территории северной части России.

СЛОВАРИ

- АОС — *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–12. Москва, 1980–2004.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. I–XVII. Москва–Ленинград, 1948–1965.
- Гемп — Гемп К. П. *Словарь поморских речений* // Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. Науч. ред. В. Н. Булатов; подгот. С. Я. Косухина, Л. С. Скепнер. 2-е изд., доп. Москва–Архангельск, 2004. С. 275–568.
- ЖРКП — Меркурьев И. С. *Живая речь кольских поморов*. Мурманск, 1979.
- ИЭСРГА — *Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая*. Под ред. Л. И. Шелеповой. Вып. 1–3. Барнаул, 2007–2009.
- НОС — *Новгородский областной словарь*. Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- Ожегов — Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. Изд. 13-е. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, 1981.
- ОСАГ — *Обратный словарь архангельских говоров*. Под ред. О. Г. Гецовой. Москва, 2006.
- ОСВГ — *Областной словарь вятских говоров*. Под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–5. Киров, 1996–2008.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–20. Ленинград–Санкт-Петербург, 1967–2008.
- СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Вып. 1–12. Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Под ред. А. К. Матвеева. Т. I–IV. Екатеринбург, 2001–2009.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–28. Москва, 1975–2008.
- СПГ — *Словарь пермских говоров*. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- СРГБ — *Словарь русских говоров Башкирии*. Под ред. З. П. Здобной. Вып. 1–2. Уфа, 1997–2000.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. Санкт-Петербург, 1994–2005.
- СРГП — Мызников С. А. *Словарь русских говоров Поволжья* // Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская

- Республика, Республика Марий Эл. Санкт-Петербург, 2005. С. 255–467.
- СРГСиб. — *Словарь русских говоров Сибири*. Под ред. А. И. Федорова. Т. 1–5. Новосибирск, 2001–2006.
- СРГСУ — *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Отв. ред. А. К. Матвеев. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.
- СРГЯ — Дружинина М. Ф. *Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии*. Вып. 1–4. Якутск, 1997–2007.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–43. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2010.
- ССГ — *Словарь смоленских говоров*. Под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.
- ТСГТО — *Тематический словарь говоров Тверской области*. Под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. Вып. 1–4. Тверь, 2002–2005.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва, 1964–1973.
- ЯОС — *Ярославский областной словарь*. Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

ЛИТЕРАТУРА

- Ардентов Б. П. 1955 — К изучению заонежского диалекта. *Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та*. 1955. Т. XV. Кишинев. С. 84–90.
- Баранникова Л. И. 1971 — О вариантных единицах диалектных систем. *Проблемы истории и диалектологии славянских языков*. Москва. С. 31–38.
- Блинова О. И. 1973 — *Введение в современную региональную лексикологию*. Томск.
- Богословская З. М. 2006 — *Диалектная вариантология: лексикологический и лексикографический аспекты*: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск.
- Гаджиева Н. З. 1990 — Тюркские языки. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва. С. 527–529.
- Глушкина С. М. 1973 — Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах. *Псковские говоры. III*. Псков. С. 35–51.
- Колесов В. В. 1963 — Северновеликорусские чередования согласных парных по глухости-звонкости. *Вестник ЛГУ № 2. Серия языка и литературы*. Вып. 1. Ленинград. С. 103–112.

- Колесов В. В. 1975 — Фонетические особенности заонежского «як-ня». *Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики*. Москва. С. 53–58.
- Кузнецова О. Д. 1982 — Слово в современных говорах русского языка (Лексикализация фонетических явлений). *Диалектная лексика 1979*. Отв. ред. Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин. Ленинград. С. 3–11.
- Лаанест А. 1975 — Прибалтийско-финские языки. *Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки)*. Москва. С. 5–122.
- Ларин Б. А. 1959 — *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)*. Ленинград.
- Лыткин В. И. 1974 — Сравнительная фонетика финно-угорских языков. *Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)*. Москва. С. 108–213.
- Мельников Г. П. 2003 — *Системная типология языков: Принципы, методы, модели*. Отв. ред. Л. Г. Зубкова. Москва.
- Михайлова Л. П. 2008 — Лексикализация несистемных фонетических явлений в русских говорах. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008*. Санкт-Петербург. С. 403–413.
- Михайлова Л. П. 2008а — Особенности префиксальной системы русских говоров, обусловленные прибалтийско-финским влиянием. *Севернорусские говоры*. Вып. 9: Межвуз. сб. Отв. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург. С. 55–69.
- Мошева А. А. 1971 — Не только битон (О словах с глухими согласными на месте звонких в сильной позиции). *Живое слово в русской речи Прикамья*. Вып. 2. Пермь. С. 95–107.
- Мошева А. А. 1972 — О произношении звонких согласных на месте глухих в сильной позиции в говорах Пермской области. *Живое слово в русской речи Прикамья*. Вып. 3. Пермь. С. 127–154.
- Филин Ф. П. 1966 — О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах. *Лексика русских народных говоров (Опыт исследования)*. Ред. Ф. П. Филин. Москва–Ленинград. С. 27–34.
- Шахматов А. А. 1911 — К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. *Известия Императорской Академии наук*. № 11. С. 791–812.

FONEETILISED VARIANDID VENE MURRETES
SÕNAVARASÜSTEEMI MUUTMISFAKTORINA

Ljubov Mihhailova

Murdesõnaraamatute andmetel on Venemaa põhja- ja loodemurretes paljud sõnad moodustatud vene keele põhjal, kuid võõrõõnõju tulemusena muutnud oma kuju võõrreldes kirjakeele või murdesõnadega (nt *картíва* < *крати́ва*, *робкий* < *дробкий*, *лёпнуть* < *шлёпнуть*, *авия* < *овия*, *аблыкаться* < *блыкаться*, *базгать* < *пазгать*, *балуй* < *валуй* jt.). Häälikute metatees, konsonantühendite lihtsus, rõhuasetust muutev üleminek *e>o*, proteetilise vokaali teke konsonantühendi eel, heliliste ja helitute vahetus, *б* ja *в* vahetus jt sarnased protsessid toimusid pikaajsete poliitiliste kontaktide kestel. Soome-ugri ja turgi keelte foneetika uurijad [Лыткин 1974; Лаанест 1975; Гаджиева 1990] on ära märkinud terve rea tunnuseid, mis on vastuolus vene keele foneetika süsteemiga. Tugevaid teise keele struktuuri mõjutavaid tunnuseid, mis on vene keele poolt omandatud, nimetame ekstensiaalseteks.

Artiklis tuuakse fakte, mis kinnitavad teiste (mitteslaavi) keelte mõju vene keelele, ning püütakse näidata teise keele komplekstoimet venekeelse sõna väliskujule, vene murde leksikaalsüsteemi lülidõ muutumist.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КАРЕЛЬСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РУССКИЕ ГОВОРЫ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

С. А. МЫЗНИКОВ

Современная территория области составляла только западную часть Новгородской губернии, с 1918 года и часть Череповецкой губернии, а с 1921 года обе губернии входили ещё и в состав Северо-Западной области.

Большинство жителей Новгородской губернии — русские, однако там проживали также карелы и вепсы. На 1894 год русские составляли в губернии 95% всего населения губернии, при том что в Кирилловском, Череповецком, Устюженском, Тихвинском, Боровичском, Крестецком, Валдайском, Демянском уездах жили карелы, общим числом — 40 тысяч человек, а в Тихвинском и Белозерском уездах — вепсы, около 6700 человек.

На нынешней территории области в недавнем прошлом проживали валдайские карелы, представляющие собой группировку тверских карел, предки которых переселились на российские земли после Столбовского мира (1617 г.) — см. [Virtaranta 1961]. Паулине Пальмеос исследовала этот диалект в 50-х годах XX века, а в 1962 г. опубликовала книгу «Karjala Valdai murak» (Валдайский диалект карельского языка), в которой констатировала, что «валдайско-карельский диалект исчезает; в настоящее время им владеют (могут говорить) по крайней мере 50 человек пожилого возраста. Люди среднего возраста находят карельский язык странным и знают иногда

некоторые частушки, но не могут уже больше говорить на нем, потому что всюду дома говорят по-русски. Фактически старшее поколение является двуязычным, только некоторые старики говорят между собой по-карельски, поскольку русским языком они владеют хуже» [Пальмеос 1962: 4]. П. Пальмеос собирала материал в 12 деревнях: Харитониha, Гвоздки, Костелево, Старина, Труфаново, Макушина, Маркова, Неблича, Яблонька, Окунево, Наволок.

Естественно, что перечень населенных пунктов, в которых проживали валдайские карелы, не ограничивается приведенным списком. В XIX веке карельское население в **Валдайском уезде**: Вельская волость: д. Старина; Дворецкая волость: дд. Угрива, Пестово, Загорье, Ерженьгора (6); Едровская волость: д. Костелево; Зимогорская волость: дд. Харитоново, Боры, Середея, Гагрино, Ельцино, Глуботица, Борщево, Новиница; Ивантеевская волость: дд. Яблонька, Яконово, Клевцы, Марково, Уклеино, Симаниха, Княжи, Рудево, Козлово, Саукино, Лукала, Грязново, Волок; Новотроицкая волость: дд. Новая, Борисово; Робежская волость: дд. Дупленица, Балуи, Климово; **Демянский уезд**: Велевская волость: Исаково, Малое Замошье, Райтва, Залужье; **Крестецкий уезд**: Каево; **Боровицкий уезд**: Селище, Подолище, Большая Крестовая, Ерзовка, Побережье, Хмелевка. В настоящее время это Маловишерский, Окуловский, Валдайский, Демянский районы Новгородской области и Бологовский район Тверской.

Некоторые сведения можно получить из Трудов Московской диалектологической комиссии, в частности, например, «Новгородское общество любителей древности» собрало в 1911 г. силами сельских учителей диалектологический материал, предоставленный затем для МДК. В ряде деревень, населенных карелами: Яконово, Пестово, Едрово, — собирался русский диалектный материал, и только в отношении с. Сквородка отмечается, что оно населено карелами, которые в старшем поколении сохраняют свой язык [Труды МДК 1914]. С 1912 г. П. Богданов исследовал для МДК Ивантеевскую волость, вот что он пишет в примечании: «Ивантеевская волость по населению не чисто русская. Деревни Ивантеево, Яконово,

Яблонька, Марково, Небылицы, Сухая ветошь населены карелями. В деревне Ивантееве, стоящей на почтовом тракте, разговорный язык — русский, и только пожилые говорят чисто по-карельски; молодежь стесняется, считает русский разговор лучшим. В остальных указанных деревнях всегда говорят по-карельски, и самые маленькие дети приучаются говорить только по-карельски. Остальные деревни Ивантеевской вол. — великорусские. В деревне Ивантееве хотя и говорят почти всегда (молодежь всегда) по-русски, но удержалось много карельских слов: **манче'нка** 'земляника', **ка'лика** 'брюква' и пр.» [Тр. МДК 1931].

Материалы для данной работы собирались в 1994–95 годах в ходе диалектологических экспедиций в Новгородскую область. Было обследовано 16 населенных пунктов. Никто из опрошенных информантов не владел карельским языком, однако многие из них указывали на людей, живущих в отдалении, как на знатоков языка. Предпринималась попытка поиска указанных людей, многих из которых нам удавалось найти, но в большинстве случаев они также не владели языком. В памяти информантов старшего поколения сохранились сведения о том, что раньше население этого региона было карельским: *Кореляки раньше жили здесь, все знали язык. В Пестове и Ереминой горе кореляки жили. В Гагрине — начальная школа, между собой по-карельски, с другими — по-русски. В Полосах литва считалась, здесь (Середея) — чистая корела (Васильев Н. И.). В Бору карелы были. С Бору бабушка была корелка (Гагрино, Иванова А. Т.). Корела называли Еремину Гору, Ерема построился первый на гору (Есина А. Д.).*

В отношении владения карельским языком информанты обычно рассказывали следующее: *Мать да дедушка говорили по-карельски, отец иногда и ковырнет. Я понимала да не могла выговорить* (Еремина Гора, Есина А. Д.). Таким образом, можно сделать выводы:

1. Последняя стадия активного владения языком лицами старшего поколения (вне зависимости от пола) наблюдалась исходя из возраста информантов в 30-е годы XX века. В это время по рассказам информантов —

2. Лица среднего поколения владеют языком уже хуже, здесь уже можно проследить тенденцию пассивного владения языком мужчинами, поскольку значительная часть их жизни проходила в русскоязычной среде (преимущественно отхожий промысел в Петербурге). Однако и женщины, языковое сознание которых закладывалось в 20-е, 30-е годы, нередко не владели активно языком: *Родители говорили по-корельски и муж кореляк, хоть в корелы жила, а понять не умела* (Полосы, Степанова А. Н., 1910 г. р.).

3. Молодое поколение владеет языком пассивно. То есть уже в 30-е годы ассимиляция валдайских карел приняла необратимый характер, в 50-е годы П. Пальмеос застала ее заключительную стадию, наши полевые данные середины 90-х годов свидетельствуют о почти полной языковой ассимиляции (карельский язык уже не служит средством общения), но присутствует еще сознание своей этнической специфичности, вероятно, в ближайшем будущем произойдет затухание этих знаний с полной утратой каких-либо сведений о своей иноэтничности в прошлом. В ходе полевой работы предпринималась также попытка всесторонне исследовать языковые черты, сохранившиеся у валдайских карел. Почти во всех деревнях жители имеют общее коллективное прозвище (обычно связанное с их иноэтничностью), относящееся ко всему населенному пункту.

Пестово — **кореляки'**; Еремина Гора — **кореляки'**, **золота'я бо'чка**; Глебово — **холу'и**; Полосы — **литва'**; Середя — **коре'ла**; Бор — **коре'лы**; Гагрино — **копчѐ'ница прокля'тая**; Княжѐво — **каре'лы**; Угрива — **каре'лы, кореляки'**; Глыботце, Глыбоцко — **кореляки'**; Дворец — **мали'**, **малевши'на**; Варницы — **чулпа'ны**; Коржава, Горка (Окуловский р-н) — **коре'ла, литва'**; Камзово (Крестецкий район) — **чухны'**; Миронеге — **большедоро'жные**.

Кроме того, спорадически как бранное слово употребляется лексема **хорма** у жителей ряда населенных пунктов, хотя у тверских и тихвинских карел данная единица используется как наименование русских, русского языка, ср. кар. твер.: *Hiän pagizou hormiin* (Он говорит по-русски). *Paissa hormakši mie*

em maha (Говорить по-русски я не могу). Кар. тихв.: *Ka hormat aššutah* (Да русские живут) [KKS 1: 311]. Кар. твер.: *On i hormat t'ietäh miän kiel'd'ä* (Бывает, что и русские знают наш язык) [СКЯП 56]. Кар. твер. *hormakko, hormaine* 'русский' [KKS 1: 311]. Вероятно, это обозначение русских связано с бытующим также у карел же словом *horma* 'иванчай' [СКЯП 56]. Мали во Дворце, малей [γ]ормой называли.

Таким образом, выделяются своего рода групповые антропонимы, в основе которых лежат следующие единицы:

1. Самоназвание, заимствованное из смежных русских говоров — карела, корела, корелы, кореляки, при исконном кар. *karjala*.

2. Этноним литва (дд. Полосы, Горка), связанный, вероятно, с широко распространенными у валдайских карел легендами: — *Как литва шла на берегу озера Льяного было много деревень, все деревни сожгли, Подборть деревня, Борть покарельски* (Каево, Мартынова А. Е., 1914 г. р.). — *Полочка, Лобашка, Пустошка деревни были до Литвы, после были разрушены* (Гагрино, Иванова А. Т.). Причем коллективное прозвище жителей Ереминой горы — **золота'я бо'чка** также связано с рассказом о нашествии литвы: — *Литовская война шла бочку выкатили, золотом набили и скатили. Зыбучее болото, бочку собиралися искать в болоте* (Борцово, Андреев Н. А.).

3. Преимущественное наименование тверскими и тихвинскими карелами русских лексемой [γ]орма у валдайских карел служит для наименования жителей лишь ряда деревень с пейоративной коннотацией. Причем следует отметить, что нередко население этих деревень являлось карелами по происхождению. Вероятно, этот факт может свидетельствовать либо о более раннем обрусении по сравнению с другими населенными пунктами, либо о наличии русского элемента в карельских деревнях.

4. Такие наименования как **холу'и**, **копчѐ'ники** связаны уже с русской традицией — принадлежностью барину в первом случае и с устройством в избах печей, которые топились по-черному.

5. Наименование **чулпаны**, вероятно, связано с лексемами *челпан*, *чолпан*, которые возводятся как к праслав. *čьльрь ‘холм, верхушка’ [ЭССЯ 4: 144], так и к саам. нот. čal’ppe, кильд. čalpe ‘высокий копнообразный предмет (гора, возвышенность, камень)’ [Аникин 1997: 681; Востриков 1981: 25]. Вероятно, лексема **чулпаны** напрямую связана с влиянием окружающих новгородских русских говоров, ср. **челпа'н** ‘горка, возвышение’, ‘шишка на лбу’, ‘углубление в наружной стороне русской печи для просушки чего-л.’ [НОС 12: 43].

6. Наименование **мали'** вряд ли следует возводить к кар. твер. mal'la ‘глубокое глиняное блюдо’ [СКЯП 156]. Более вероятно связь с диминутивом Маля от имени Малафей, о чем также свидетельствует частотное распространение в изучаемом районе фамилий Малафеев, Малев.

Наиболее собственно карельским сохранившимся реликтом является топонимика, в которой нередко сохраняются специфические фонетические особенности данного диалекта. Аналогичную ситуацию сохранения исконной фонетики в топонимике можно наблюдать в сравнительно недавно обрусевших районах Обонежья.

Высокую частотность имеют микротопонимы с топоформантом го'ра / го'рка и карельской топоосновой: **Няраго'ра**, **Таммиго'ра**, **Уккого'ра**, **Шавиго'ра**, **Явриго'ра**, **Кивиги'рка**, **Мадаго'рка**, при том что редки микротопонимы с формантом *vara* (кар. гора): **Лигова'ра**, **Тимова'ра**, **Мендова'ра**.

Иногда к карельскому микротопониму с формантом *vara*, утратившим семантику, присоединяется русский го'ра: **Люлянва'ра** го'ра, **Таммива'ра** го'ра. И только однажды зафиксирован топоним с топоформантом кар. *šelgä*: **Питькашельга**.

В ряде случаев отмечаются топонимы, топооснова которых фиксируется как заимствованная апеллятивная лексика в других регионах: **Лотгалужа**, **Лётгалужа**. Валд. (Полосы) Новг. [ПЛГО], при **ло'тгач** ‘лягушка’ Прионеж. (Ялгуба, Суйсарь) [ПЛГО]. Прионеж. [СРГК 3: 152]. Имеются обширные прибалтийско-финские данные: вепс. ливв. *l'ötöi* ‘лягушка’ [СВЯ 312; SKES 2: 323], вепс. *l'öč* ‘лягушка’ [СВЯ 311] при кар. *löttö*, кар. твер. *l'öt'tö* [СКЯП 152], ливв. *lötöi*, *löpöi*, люд.

lotoi, фин. *lötty* ‘лягушка’ [SKES 323], ср. также ливв. *löpšöi* ‘лягушка’ [СКЯМ 198], ливв. *šl’ötöi* ‘лягушка’ [СКЯМ 364].

При анализе неисконной апеллятивной лексики в ряде случаев можно утверждать, что часть ее с прибалтийско-финскими корнями имеет иное происхождение, нежели прямое восхождение к языку валдайских карел.

Так, например, при наличии широкой географии некоторых слов, вряд ли возможно возводить его к результатам влияния валдайских карел, например: **ли'нда** ‘мучная каша’ Пестов. [НОС 5: 25], **ли'ндушка** ‘ячневая, гороховая каша’ Хвойнин., Любыт. [НОС 5: 25]. **Ли'нда** «заправленная мукою похлебка на рыбе или оленьем мясе» Кольск. [Подвысоцкий 1885: 82]. Беломор. [СРНГ, 17: 49], «мучной суп, мучная каша» Кандалакш. [СРГК 3: 124]; **ли'ндава** ‘овсяный кисель или каша’ Медвежьегор. [СРГК 3: 124], **ли'ндушка** ‘жидкая каша из пшена и гречи’ Кем. Арх. (Дуров). Олон. [СРНГ 17: 49]. **Линду'шечка** ‘овсяный кисель или каша’ Беломор. [СРГК 3: 124]. Калима, анализируя данные Подвысоцкого, возводит их к кар. *linda* ‘суп’, при фин. *linta* ‘густой молочный суп’, сожалая о том, что помета Подвысоцкого о саамских истоках этого слова не находит у него подтверждения ввиду отсутствия саамских данных [Kalima 1915: 152]. См. также [Фасмер 2: 498]. Современные, более обширные материалы подразделяются на два пласта. Первый, с новгородскими фиксациями, восходит к результатам влияния языка валдайских (тверских) карел, ср. твер. *linda* ‘гороховая или толокняная каша-размазня’ [СКЯП 139], кар. твер., тихв. *l'inda* ‘гороховая или толокняная каша на воде’ [KKS 3: 113]. Второй пласт, фиксируемый в Карелии, на Кольском полуострове, вероятно, восходит к кар. сев. *linta*, ливв. *linda* ‘мучная каша на молоке’ [KKS 3: 113].

Ряд лексем, вошедших в русские говоры при обширных прибалтийско-финских соответствиях, вероятно, являются автохтонными для новгородских говоров. Например: **ло'дма** ‘овраг, низина’ Крестец., Валд. [НОС 5: 34], ‘ложбина в известняковой почве’ Борович. Новг. [СРНГ 17: 106]; **лодми'на** ‘низина на месте высохшего болота’ Поддор. [НОС 5: 35]; **лодмин'ка** ‘низина’. Крестец. [НОС 5: 35]; **ло'дница** ‘название покоса’

Валд. [НОС 5: 35]. Ранее данный материал в этимологической литературе не рассматривался. Фиксация его в пределах Новгородской области позволяет предположить влияние языка валдайских карел, ср. кар. валд. *lodma* ‘ложбина’ [KKS 3: 160], кар. твер. *lod'ma* ‘низина, ложбина’ [СКЯП 141], при фин. диал. *lotma*, *lotmo* ‘ложбина, долина’, ливв. *lodmu* ‘низина, долина’, люд. *lodm* ‘низина, долина между скал’, сопоставляя также с морд. эрз. *ložmo* ‘яма, впадина’, коми *lažmîd* ‘низменное место, неглубокое место в воде’ [SKES 301]. См. также: [SSAP 2: 95]. В карельских диалектах это гнездо широко представлено [ПФГЛК 1991: 55]. Ср. также кар. сев. *lodma*, *lod'ma* ‘топкое место’, люд. *lod'm*, ливв. *lodmu* ‘низина сырая’ люд. *lodm* ‘низина, лощина’ [ССДКВСЯ 29]. Ср. морд. эрз. *латко* ‘овраг’ [ЭРС 332].

Следующие данные также не выходят за пределы исследуемого региона: **мага'йло** ‘березовый сок’ Чудов. [НОС 5: 65], Чудов. [СРГК 3: 184], Кириш., Тихв. [КСРГК]; **мага'йла** ‘то же’ Чудов. (Дерева) [ПЛГО], Тихв., Кириш. [КСРГК]. Слово не имело более ранних фиксаций, оно восходит к кар. твер. *mahla* ‘березовый сок’ [СКЯП 154], при фин. *mahla*, кар. *mahla* ‘ягодный или фруктовый сок’, ливв. *mahlu* ‘сок; сопли’, водск. *mahla*, эст. *mahl* ‘сок’, саам. норв. *mähle* ‘сок’, саам. швед. *male* ‘кровь животного’ [SKES 326], сюда же относят авторы SSAP фин. *maliskuu* ‘март’ [SSAP 2: 137].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Аникин А. Е. 1997 — *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Новосибирск, 1997. 774 с.
- Востриков О. В. 1981 — Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Дуров И. М. — *Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья*. Соловки, 1929. 180 с.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

- НОС — *Новгородский областной словарь*. Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- ПЛГО — *Материалы полевого лингвогеографического обследования автора*.
- Подвысоцкий А. 1885 — *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. *Словарь вепсского языка*. Ленинград, 1972.
- СКЯМ — *Словарь карельского языка* (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.
- СКЯП — *Словарь карельского языка* (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1994–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Т. 1–43. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2010.
- ССДКВСЯ — *Сопоставительно-ономастологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков*. Под общей редакцией Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- ЭРС — *Эрзянско-русский словарь*. Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. Москва–Дигора, 1993.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–36. Москва, 1974–2010.
- Труды МДК — *Труды комиссии по диалектологии русского языка* (б. Московской диалектологической комиссии).
- Kalima J. 1915 — *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. О. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. Helsinki, 1968–2005.
- Palmeos P. 1962 — *Karjala Valdai murrak* // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Selts. Toimetised, 5. Tallinn, 1962.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSAP — *Suomen sanojen alkuperä*. Etymologinen sanakirja. О. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Virtaranta P. 1961 — *Tverin karjalaisten entista elämää*. Potvoo–Helsinki, 1961.
- Virtaranta P. 1972 — *Die Dialekte des Karelisten*. СФУ, VII, 1. С. 7–27.

KARJALA KEELE MÕJUST NOVGORODI OBLASTI
VENE MURRETELE*Sergei Mõznikov*

Analüüsitakse Valdai karjalaste keele mõju vene murretele. Valdai karjalased asusid Venemaa territooriumile pärast Stolbovo rahu (1617). Artiklis on ära toodud asulate loetelu, kus Valdai karjalased elasid. Murdematerjal on kogutud 1994.–1995. aastail Novgorodi oblastis. Vanemad murdejuhid mäletavad, et selles regioonis elasid vanasti karjalased. Eredamaid karjala relikte on säilinud toponüümikas, milles sageli tuleb ette uuritava murde foneetilisi iseärasusi. Esineb toponüüme, mille tüvi on teistes regioonides fikseeritud laenapellatiivina. Laenapellatiivide analüüs lubab järeldada, et osa läänemere-soome tüvedega sõnu on pärineb mujalt, mitte otseselt Valdai karjala keelest. Rida lekseeme vene murretes, millel on laialdased läänemere-soome vasted, on arvatavasti Novgorodi päritolu. Varem pole neid etümoloogia seisukohalt vaadeldud.

РУССКИЙ ЯЗЫК В БЕЛАРУСИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Б. Ю. НОРМАН

Процессы языкового варьирования в очень сильной степени обусловлены внеязыковыми, в первую очередь политическими, факторами. Это нетрудно продемонстрировать на примере сегодняшнего дивергентного развития русского языка за пределами России (как сейчас говорят, «за пределами метрополии», хотя вообще-то метрополия подразумевает наличие колоний). Речь идет о функционировании русского языка на территории государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза. Показательны в этом отношении материалы международных Конгрессов исследователей русского языка, которые регулярно, начиная с 2001 г., проводятся в МГУ им. М. В. Ломоносова (см.: [Русский язык 2001; Русский язык 2004; Русский язык 2007; Русский язык 2010]). В материалах I Конгресса отражена работа двух секций «Русский как иностранный» (одна называлась «Общие вопросы», другая — «Специальные вопросы»). В программу II Конгресса, наряду с темой «Русский как иностранный», была уже включена отдельная проблема «Русский язык в новых геополитических условиях». На III и IV Конгрессах количество докладов на «геополитической» секции значительно выросло. Стало ясно, что изучение и преподавание русского языка в Беларуси, Эстонии, Латвии, Армении и других «постсоветских» государствах характеризуется своей спецификой.

В Беларуси, согласно ныне действующей Конституции и «Закону о языках», два государственных языка: белорусский и русский. В значительной степени это отражает исторически сложившуюся реальность: долгий и сложный путь белорусов в борьбе за национальную самостоятельность и государственность, длительное воздействие интеграционных процессов в СССР, переплавлявших своеобразие отдельных этносов в единую общность под названием «советский народ», изначальную этническую и культурную близость белорусов и русских, миграцию сельского населения в города и т. д. Но признание обоих языков, белорусского и русского, государственными — это еще и политический компромисс. Дело в том, что нынешний президент А. Г. Лукашенко пришел к власти в 1994 г. на смену правительству, деятельность которого была ориентирована на национальное возрождение и предусматривала естественные преференции для белорусского языка. Вскоре после этого был проведен референдум, в результате которого белорусский и русский язык в Беларуси были юридически уравнены в своих правах.

При том, что сегодня формально белорусский и русский язык в республике равноправны, понятно, что реально они находятся в неординарном положении — подобно спортсменам разных весовых категорий. Такую неравновесность в социолингвистике называют по-разному: несбалансированным двуязычием, асимметричным, или «вычитательным», билингвизмом и т. п. Это значит, что, в сравнении с белорусским, русский язык обладает в Беларуси значительными преимуществами. Мы уже пытались их систематизировать следующим образом [Норман 2008: 289–290].

1. За русским языком стоит мощная культура с богатой историей, непрерывной государственностью, литературой мирового значения. Сам статус русского языка как мирового, международного, на котором говорит более 230 млн. человек, гарантирует ему непоколебимый авторитет.

2. Русский язык в Беларуси обладает полным набором социальных разновидностей, обеспечивающим ему функционирование в самых разных условиях — таких, как армия, зако-

нодательство и судопроизводство, бизнес, наука, церковь, молодежные сообщества и т. д. Как отмечает директор Института языка и литературы Национальной Академии наук Беларуси А. А. Лукашанец [Лукашанец 2007: 8], «в настоящее время русский язык реально доминирует в таких сферах общения, как государственное управление, делопроизводство, наука, высшая и средняя школа, СМИ и т. д.».

3. У русского языка довольно ясные перспективы развития, определяемые прежде всего экономикой России, ее природными и человеческими ресурсами, политическим весом на международной арене, устойчивыми культурными традициями и т. д. Поэтому белорусы, активно владеющие русским языком, избавляются от комплекса малой нации и чувствуют себя более уверенно в условиях меняющейся ситуации. Как показывают предварительные исследования, они более критично оценивают экономическую и культурно-языковую обстановку в стране. «В целом “русскоязычных” белорусов можно охарактеризовать как “прагматиков” и “реалистов”», — считают С. Запрудский и Г. Лавжаль [Запрудскі, Лаўжаль 2000: 133].

4. Русский язык обладает достаточно стабильной литературной нормой (кодифицированным вариантом). Реформы русской орфографии, в том числе еще только планируемые, не затрагивают сущности языковой системы. То же можно сказать и о многочисленных заимствованиях из английского языка, вызывающих в последнее время тревогу образованных кругов общества. Кодификация же белорусского языка, во-первых, более молода и нестабильна, а, во-вторых, она постоянно подвергается попыткам ревизии (конкуренция так называемых наркомовки и тарашкевицы охватывает не только правила орфографии — см. об этом подробнее [Падлужны 1997: 74–82; Беларуская мова 1998: 45–54; Климаў 2004]).

5. Наконец, немаловажным фактором является то, что руководство страны (Президент, его администрация, Совет Министров) и в официальной, и в неофициальной обстановке, как правило, говорят по-русски (белорусский используется чиновниками высшего ранга редко, скорее в декларативных целях).

Можно сказать, что по-своему они тоже лоббируют русский язык.

В силу своей оторванности от метрополии русский язык в Беларуси можно рассматривать как **региолект** — в этом смысле он подобен уральскому, поволжскому и другим местным вариантам русского языка: везде имеются свои особенности в фонетике, лексическом и грамматическом строе. Но в силу того, что этот вариант существует на территории отдельного государства, опирается на особую этническую базу и обладает статусом государственного, появляются основания считать его **нациолектом**. Мы пока что будем определять данный идиом максимально нейтрально, как белорусский вариант русского языка (далее для краткости также БелВРЯ).

Наиболее яркими признаками БелВРЯ служат не просто «местные» слова, но лексемы, заимствованные из языка титульной нации и имеющие **концептуальный характер** — такие, как *бульба* ‘картошка’, *хата* ‘дом’, *жонка* ‘жена’, *хлопчык* ‘мальчик, парень’, *грóшы* ‘деньги’, *бураки* ‘свекла’, *цыбуля* ‘лук’, *бусел* ‘аист’, *крыница* ‘родник, источник’, *вёска* ‘деревня’, *зничка* ‘звезда (на небе)’, *хусточка* ‘платочек’, *спадар* ‘господин’, *батьковщина* ‘отечество’, *сциплый* ‘скромный’, *гаротный* ‘несчастный, горемычный’ и т. п. Эти лексические вкрапления регулярно используются в русской речи жителей Беларуси и служат своего рода средством их языковой идентификации.

Перечисленные и им подобные лексические белорусизмы довольно часто встречаются в разговорной речи, в художественных и публицистических текстах и при этом несут с собой дополнительные оттенки — этнокультурного или стилистического характера. В первом случае усиливается местный колорит повествования, во втором — добавляется разговорный, нередко иронически-сниженный тон. «Большинство белорусскоязычных вкраплений — это прямые апелляции к затекстовой информации» [Волынец, Ратникова 1997: 222]. Тем самым речь приобретает дополнительную глубину, «третье измерение». Несколько цитат из публицистических текстов.

*Я думаю, что информация всегда доступна. Вы только сегодня спросили — мы сегодня вам ответили про количество. Я не знаю, кто кого **«пытал»*** («БелГазета», 02.11.2009).

*Помощь состоятельных людей и прибыльных организаций была **«спрадвеку»**. Поддержка ветеранов, детей — это святое* («БелГазета», 05.10.2009).

*У пуцанских женихов характер хороший, **«памяркоўны»**, трудолюбивый, мужественный. Я думаю, если вы приедете, все будет в порядке* («Комсомольская правда в Белоруссии», 31.12.2009–06.01.2010).

*Пока кремлевская камарилья чуть ли не в открытую **здэкваецца** над белорусским чудом, отказывая не только в дружественной цене на углероды, но и в куске хлеба с дальней дороги, большинство простых россиян [...] давно готовы кинуться в ноги белорусскому батьке с криком: «Заступись, отец, не дай сгинуть!»* («БелГазета», 21.06.2010).

*В общем, москалик не осознал ответственности положения, быковать не перестал, посему был **«показательно»** выпорот ГАИ — его шейку немножко поцарапали, сломали наманикюренный ногтик и посадили в **«пастарунак»**, где воняло...* («БелГазета», 28.04.2010).

*В агрогородках творчества писатель будет работать, получать стипендию, любоваться белорусскими **краявидамі** — следовательно, и тематика романов будет белорусская...* («БелГазета», 16.08.2010).

Некоторые белорусизмы в приведенных контекстах – *пытаць* ‘спрашивать’, *спрадвеку* ‘испокон веков’, *памяркоўны* ‘умеренный, покладистый’ — мотивированы цитатно-отсылочной функцией. В других случаях на первый план выступает откровенно ироническое отношение: *здэкваецца* ‘издеваться’, *пастарунак* ‘участок, отделение милиции’, *краявиды* ‘пейзажи’. Но в любом случае эти вкрапления наделены дополнительной контактоустанавливающей функцией — они предназначены для «своего», белорусского, читателя. (Заметим, что лексическое вкрапление при этом нередко берется в кавычки, чтобы выделить элемент другого языкового кода.)

Есть одна сфера, в которой специфика белорусского варианта русского языка очевидна. Это — имена собственные. Возьмем известные в республике топонимы: *Новинки*, *Дрозды*, *Боровляны*, *Комаровка*, *Нарочь*, *Полесье*... Дело ведь не в том, что эти слова называют города или районы именно на территории Беларуси (подобные названия вполне могли бы встретиться и на территории России), а в том, что с каждым из них связывается своя сеть ассоциаций, которых нет у соответствующих слов в русском языке. В частности, *Новинки* — район Минска, в котором находится психиатрическая лечебница; в быту это название стало синонимом сумасшедшего дома. *Дрозды* — местность в черте Минска, в которой расположена резиденция главы государства, со всеми вытекающими отсюда ассоциациями, и т. д. Иными словами, у данных топонимов — существенный национально-культурный фон.

Не менее показательны в этом смысле антропонимы. Личные имена типа *Алесь* или *Михась*, *Язэп* или *Змицер* встречаются и в русскоязычных текстах — но только на территории Беларуси. Белорусского писателя Змитрока Бядулю никто не называет Дмитрием, а Янку Брыля — Иваном! Своеобразна, как известно, также номенклатура фамилий в белорусском ареале. Добавим, что БелВРЯ имеет и свою систему прецедентных названий (ключевых имен культуры): за пределами этой страны ни, допустим, *Лев Сапега* или *Ефросинья Полоцкая*, ни *Петр Машеров* или *Марат Казей* таковыми не являются. А жителю Беларуси они хорошо знакомы.

Подобные особенности чрезвычайно показательны для белорусского варианта русского языка, но об этом уже многократно писали исследователи (см., например: [Русский язык в Белоруссии 1985: 177–194; Волынец, Ратникова 1997; Норман 2008: 292–293] и др.). Значительно интереснее (и при этом хуже описаны) многообразные скрытые отличия, характеризующие речь русскоязычной части населения Беларуси. Совокупность их позволяет утверждать, что в этом регионе складывается своя сеть лексических ассоциаций, по сути — **своя организация лексической системы** (в сравнении с русским языком метрополии).

Имеется в виду то, что для БелВРЯ весьма характерны **семантические белорусизмы** — случаи, когда русское слово непроизвольно меняет свое значение под влиянием белорусского омонима или паронима. Это касается слов типа *интернат* (в белорусском *інтэрнат* — вообще ‘общежитие’), *наставник* (в белорусском *настаўнік* — ‘учитель’), *межа* (в белорусском *мяжа* — ‘граница’), *гулять* (в белорусском *гуляць* имеет еще значение ‘играть’), *поводырь* (в белорусском *правадыр* — ‘вождь’), *боты* (в белорусском *боты* — ‘сапоги’) и др. Лексических пар подобного рода набирается на целый словарь — см. [Грабчиков 1980]. А на практике «посторонние» ассоциации проявляются в ошибочном словоупотреблении, в случаях лексико-семантической интерференции.

Вот два характерных примера из газетной публицистики.

*Получается, совсем мало похож витебский Ульянов на вождя мирового пролетариата. Разве что тоже родней вышел — Ульяновых в Витебске много, но все не **поводыри** (из материала про витебского жителя Владимира Ульянова, однофамильца Ленина — «Комсомольская правда в Белоруссии», 21.04.2000).*

Ошибочно употребленное в данном тексте слово *поводырь* явно спровоцировано сходством с белорусским *правадыр* ‘вождь’.

*Сегодня наш проект можно смело расцветить золотом. И блещет будет не только многочисленный медальный **скарб** Александра Васильевича, а солнцем взойдет на небе его побед главная награда, его звезда — Татьяна («СБ — Беларусь сегодня», 29.04.2010).*

Скарб по-русски может быть *убогий, нищенский* и т. п., в отличие от белорусского омонима *скарб*, имеющего значение ‘сокровище, имущество, клад’. Перед нами еще один явный журналистский ляпсус.

Однако дело не только в речевых ошибках, составляющих проблему культуры речи. Об интерференции речь пойдет чуть ниже, а здесь позволим себе высказать мысль, что в конечном счете перед нами проявления особой системы языковых ценностей и связей, отражающих не общерусскую, а «свою», региональную картину мира. Это подтверждается данными ас-

социативных экспериментов. Если попытаться на их основе выстроить лингвопсихологическую картину мира русскоязычных и белорусскоязычных жителей республики, то между первыми и вторыми обнаруживаются некоторые расхождения. В первом случае четче просматриваются антонимические и синонимические связи; для второго характерна бóльшая конкретность, «приземленность» ассоциаций, опора на практический опыт. Сопоставление лексических реакций русскоязычных и белорусскоязычных испытуемых в ассоциативном эксперименте выявило также склонность первых к «техногенным» или «индустриальным» ассоциациям, а вторых — к «природным» (см.: [Папейка 2000]). Возможно, на деятельность испытуемых накладывала отпечаток та совокупность текстов на соответствующем языке, которая составляла их фольклорно-литературный багаж.

Если же сравнивать русскую речь жителей республики с русской речью жителей метрополии (при всей разнородности последней), то можно ожидать тут наличия разнообразных следов влияния белорусского языка. В том числе было бы странно, если бы в БелВРЯ не нашли себе отражения такие изначально свойственные «этническому самообразу» белоруса черты, как фатализм, скромность («тихость») и прагматизм (см.: [Чернявская 2007]): это значит, что «абыяка-васць» (безразличие) и «памяркоўнасць» (умеренность) становятся в Беларуси и чертами русской речи.

Практика показывает, что система отношений между «собственно русскими» элементами БелВРЯ тоже в чем-то меняется (по таким линиям, как «нейтральность – коннотированность», «центральность – периферийность» и т. д.). Примерами могут послужить корреляции между такими лексемами, как *рынок* и *базар*, *мальчик* и *парень*, *мыть* и *стирать*, *граница* и *межа*, *болеть* и *хворать*, *плохой* и *дрянной* и т. д., — в «собственно русском» и в «белорусском» вариантах русского языка эти отношения неодинаковы. Подобные различия довольно тонки, они носят неявный, скрытый характер, однако в конечном счете находят свое выражение в текстах. Говоря по-другому, в условиях Беларуси процессы порождения и вос-

приятия русскоязычного текста протекают на особом психологическом фоне: в сознании носителя БелВРЯ в той или иной мере взаимодействуют, независимо от его желания, две — при этом очень близкие! — языковые системы.

Можно сказать, что на многие слова, употребляемые в БелВРЯ, ложится «отсвет» белорусских омонимов и паронимов. Кажется, слова *держава* или *стяг* в русской речи минчан звучат не так торжественно, как в речи москвичей, потому что они проецируются в сознании на белорусские лексемы *дзяржава* ‘государство’ и *цяг* ‘флаг’, см.: [Норман 2010: 11–12]. В то же время другие лексемы в БелВРЯ склонны утрачивать свою разговорно-просторечную окраску, и опять-таки потому, что в родственном белорусском языке соответствующие номинации стилистически нейтральны, например.: *девка* (ср. бел. *дзеўка* ‘девушка’), *загодя* (ср. бел. *загадзя* ‘заранее’), *дрянной* (ср. бел. *дрэнны* ‘плохой’), *хворать* (ср. бел. *хварэць* ‘болеть’), *метелица* (ср. бел. *мяцеліца* ‘метель’), *смак* (ср. бел. *смак* ‘вкус’), *шмат* (ср. бел. *шмат* ‘много’; а также ‘кусочек’) и т. п.

В частности, прилагательное *дрянной* в русском языке синонимично слову *плохой*, но отличается от последнего дополнительной разговорно-просторечной окраской, ср.: *дрянная девочка*, *дрянной городишко*. А в белорусском *дрэнны* — основной выразитель признака «плохости», это совершенно нейтральное слово. В результате особая коннотация определения *дрянной* в русской речи белорусов может сглаживаться, нейтрализоваться. В качестве иллюстрации приведем пример из собственных наблюдений. В 70-е годы прошлого века один минский чиновник, занимавшийся распределением квартир из вторичного жилого фонда, высказался на заседании профкома таким образом: «Зачем нам эта квартира? Она ж дрянная...» (не имея в виду ничего иного, кроме того, что упомянутое жилье было недостаточно хорошим). Фактически в подобных случаях мы имеем дело с неявным расширением значения русских слов под влиянием белорусских, что справедливо расценивается исследователями как «потенциальная интерференция» (см.: [Русский язык в Белоруссии 1985: 66–67] и др.).

«Ползучая» и всепроникающая интерференция чрезвычайно характерна для БелВРЯ. Понятно: основанием для нее служит генетическая и структурная общность двух языков — русского и белорусского.

В частности, на фонетическом уровне БелВРЯ характеризуется следующими отклонениями от нормы: заменой [г] взрывного на [γ] фрикативное (*γусь* вместо *гусь*); заменой [р'] мягкого на [р] твердое (*трапка, прама* вместо *тряпка, прямо*), заменой [ч'] мягкого на [ч] твердое (*чэстный* вместо *честный*), а также «дзеканьем» и «цеканьем» (*идзея* вместо *идея*, *госци* вместо *гости*). Нередки и случаи перестановки (сдвига) ударения — в словах типа *некоторые, верба, одиннадцать* и др.; есть свои особенности и в просодике. Указанные фонетические черты находят свое отражение и в письменных текстах, чему свидетельством служит следующий пример:

При этом отдельные нетривиальные черты, например фирменную манеру жэстачайшэ распекать подчиненных прямо перед объективами телекамер, россияне ничтоже сумняшеся записывают белорусскому лидеру в плюс... Не профессионализм положен во главу угла, не опыт работы, а наличие у человека опыта «публичной борьбы» с «крывавым рэжымам» («БелГазета», 21.06.2010).

Процессы интерференции обнаруживают себя также в области грамматики. В русской речи жителей Беларуси регулярно встречаются такие факты, как *смеяться с кого* (вместо *смеяться над кем*), *прийти со школы* (вместо *прийти из школы*), *лучше за кого* (вместо *лучше кого*), *с дядем Митем* (вместо *с дядей Митей*), *по субботам и воскресеньях* (вместо *по субботам и воскресеньям*), *по два раза* (вместо *по два раза*), *пойти в малины* (вместо *пойти за малиной*), *злой собака* (вместо *злая собака*) и т. п. Иными словами, влияние белорусского языка сказывается и на выборе русскоговорящим членом социума синтаксических конструкций и морфологических форм (подробнее см. в публикациях: [Русский язык в Белоруссии 1985: 76–102; Мощенская 1992: 130–133; Потапова 2009] и др.).

Разумеется, аналогичные отклонения от грамматической нормы можно найти и в любых русских диалектах. Но в на-

шем случае не вызывает сомнения то, что грамматические «неправильности» вызваны непосредственным влиянием белорусского языка (в котором соответствующие факты принадлежат литературной норме). И именно в таком сочетании и в такой концентрации данные особенности составляют грамматическую специфику БелВРЯ.

Массовая и всеобъемлющая интерференция приводит к образованию особого феномена, который получил терминологическое обозначение *трасянка* (в буквальном значении это белорусское слово значит ‘некачественный корм для скота, смесь сена с соломой’). Трасянка как объект лингвистического исследования — это русская речь с сильной примесью белорусских элементов (или наоборот, белорусская речь, насыщенная многообразными русизмами). Поэтому неудивительно, что у русистики в Беларуси — заметный уклон в сторону лингводидактики и культуры речи.

И вот здесь естественно задаться вопросом: до каких пределов использование белорусизмов в русской речи является отличительной чертой и достоинством БелВРЯ, а с каких пор начинается стихийное и пагубное смешение двух языковых систем — трасянка? Ответ придется искать в сфере психо- и социолингвистики: все дело в контролируемости, в степени осознанности, с которой элементы одного кода вводятся в текст на другом языке. Эта шкала соотносится с уровнем компетенции языковой личности. Характерны в данном плане расхождения по линии «устная – письменная речь». В устной форме проникновение белорусских элементов в русскую речь имеет преимущественно неконтролируемый, стихийный характер, в то время как употребление белорусизмов в письменной речи, как правило, происходит преднамеренно. Кроме того, некоторые границы здесь можно наметить и в связи с функциональной специализацией языковых подсистем. Так, лексические заимствования весьма часто бывают мотивированными (преднамеренными), и понятно, что такие вкрапления имеют «штучный» статус. В то же время специфически белорусская фонетическая окраска речи носит обычно сквозной и неосознаваемый характер.

К этим соображениям стоит добавить случаи, когда целенаправленность изменений, вносимых в БелВРЯ, не подлежит сомнению: это отражение государственной политики и идеологии. В частности, слово *президент* в Беларуси имеет другое значение и употребление, нежели на территории Российской Федерации (ср.: [Хренова 2009]): здесь специальным указом запрещено применение данной номинации к кому-либо, кроме первого лица государства (иными словами, в Беларуси не может быть президентов ни компаний, ни правлений банков и т. п.).

Еще одно свидетельство вмешательства государства в языковую ситуацию — это узаконенное русскоязычное название: *Республика Беларусь*. Для русского языка название (и написание) *Беларусь* — это ошибка, возведенная в правило, оно неоднократно подвергалось критике со стороны специалистов-русистов. Действительно, если данная номинация словообразовательно и этимологически прозрачна (а это подтверждается хотя бы частой «расшифровкой» *Белая Русь*), то корни в сложных словах должны соединяться с помощью гласной *о*, а не *а*. Написание же *Беларусь* либо отрицает этимологическую мотивированность названия, либо представляет собой орфографический варваризм. Но на волне наивно-националистических переименований, происходивших на закате СССР и вскоре после его распада (примеры типа *Таллинн*, *Кыргызстан*, *Молдова* и др.), очередное нарушение норм русского языка прошло почти безболезненно. Надежда на то, что новое название принесет с собой новую, более благополучную жизнь, была сильнее соблюдения языковых правил. Справедливости ради заметим, что некоторые массовые издания принципиально сохраняют верность традиционному написанию. Так, региональная версия популярной газеты «Комсомольская правда» и по сей день называется «Комсомольская правда в Белоруссии». Дополнительная же пикантность ситуации заключается в том, что при кодифицированном написании *Беларусь* сам этноним *белорус* и производные от него слова *белорусский*, *белорусизация*, *белорусоведение* и т. п. продолжают писаться по-русски через *о*!

Конечно, полную картину функционирования русского языка в Республике Беларусь можно составить только учитывая динамику количественных показателей, отражающих изучение русского языка в школе, использование его средствами массовой информации, издание книг на русском языке, обращение к русскоязычным сайтам Интернета и др. Общие перспективы развития русского языка в стране остаются весьма благоприятными, чего нельзя сказать о его «партнере» и «конкуренте» — белорусском языке. По официальным данным, доля школьников, обучающихся на белорусском языке, в среднем по стране близка к 20%, однако в городах она составляет лишь 1,9%, в Минске — около 3%. Если 10 лет назад на белорусском языке обучалось более 463 тысяч человек, то сейчас — в 2 с лишним раза меньше (данные из выступления заместителя министра образования К. Фарина 13 августа 2010 на сайте Белтелерадиокомпани). Дополнительные сведения см.: [Национальный состав 2001; Коряков 2002: 109–112; Мельникова 2002; Запрудскі 2003: 86; Вольнец 2009].

Вместе с тем, говорить о перспективах положения русского языка в Беларуси, о сохранении или изменении его статуса следует очень осторожно, с учетом его взаимодействия со статусом белорусского языка и в связи с меняющимися внеязыковыми — политическими и экономическими — условиями.

В принципе ничего необычного или странного в дивергентных процессах нет. Естественным является и формирование местных вариантов литературного языка. Как отмечает В. И. Беликов, становление языковой нормы носит стихийный характер, подчиняясь времени и месту: «Объективная словарная норма русского литературного языка имеет возрастную и региональную специфику» [Беликов 2010: 42]. А вот что касается кодификации нормы, то она в какой-то степени произвольна и условна, это проявляется хотя бы в расхождениях между словарями, изданными в Москве и в Петербурге. В более широком контексте данный вопрос затрагивает в своих публикациях И. А. Стернин: «Вертикаль власти не может повлиять на устную речь людей, она стихийна, развивается сама по себе, и из нее в конце концов впоследствии складывается и

литературная норма. Люди всегда будут говорить между собой, как им удобно и как им нравится» [Стернин 2010: 108].

Специфика же «белорусской» ситуации заключается главным образом в двух моментах: в том, что русский язык, наряду с белорусским, признан на территории республики государственным, и в том, что сами эти два языка чрезвычайно близки. Тем самым создаются важные предпосылки для постепенного превращения БелВРЯ в нациолект. Если вспомнить распространенный афоризм (приписываемый обычно Максиму Вайнрайху), что «язык — это диалект, у которого есть армия и флот», то придется признать, что по крайней мере армия у БелВРЯ уже имеется. Можно также утверждать, что по мере того, как у БелВРЯ накапливаются специфические отличия, последние приобретают все более системный характер. Однако — и вот тут вступают в действие внешние факторы — эти системные изменения должны быть кодифицированы, закреплены в соответствующих нормативных словарях и грамматиках. На сегодняшний день данной проблемой никто в стране не занимается (в Национальной академии наук нет даже отдела русского языка). Лингвисты, как совершенно справедливо замечает Т. Н. Волинец [Волинец 2009], такую ответственность брать на себя не хотят, да и общество в целом к этому не готово. Впрочем, когда в России в 2009 г. приказным порядком смягчили нормы литературного языка (см. упомянутую выше статью И. А. Стернина), газета «Комсомольская правда в Белоруссии» от 03.09.2009 ехидно писала: «В России признали официальными словари, в которых *кофе* теперь и мужского, и среднего рода. В Беларуси пока на изменения не отреагировали — у нас будет **свой** русский язык». Это называется — что у трезвого на уме, то у журналиста на языке.

Как уже не раз отмечалось, в белорусской социолингвистической ситуации участвует целый ряд факторов. Напомним самые свежие из них. Столкновение интересов в нефтегазовой сфере, продолжающееся с 2006 г., снизило рейтинг России в глазах населения Беларуси; антироссийские настроения подогревались республиканскими средствами массовой информации. Одновременно с возрастанием общественной ценности

понятий «государственная независимость», «суверенитет», «диверсификация энергоносителей» становятся очевидны трудности на пути создания Союзного государства (введение единых таможенных пошлин, общей валюты и т. п.). Административным путем регулируется соотношение объемов белорусского и русского языков как учебных курсов в средней и высшей школе. Меняется и объем понятия «русская литература»: в нее включается творчество русскоязычных писателей республики. Всё это так или иначе имеет отношение к дальнейшему развитию языковой ситуации в Республике Беларусь и к изменениям в языковом сознании ее жителей. Строить какие-либо прогнозы в данном отношении рискованно, но оперативный лингвистический анализ ситуации, несомненно, необходим.

ЛИТЕРАТУРА

- Беларуская мова* 1998 — Red. naukowy A. Lukašanec, M. Prigodzič, L. Sjameška (Seria «Najnowsze dzieje języków słowiańskich»). Opole.
- Беликов В. И. 2010 — Литературная норма в лексике и ее словарная кодификация. *Лингвистический компонент обучения в средней школе: теория и практика*. Вып. 1. Ред.-сост. О. Е. Дроздова. Москва. С. 29–45.
- Вольнец Т. Н. 2009 — Национальный вариант русского языка в Беларуси — миф или реальность? *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства»: у 2-х ч., Віцебск, 22–24 кастрычніка 2009. Ч. 1. Віцебск. С. 16–21.*
- Вольнец Т., Ратникова И. 1997 — Социокультурные процессы в Беларуси и двуязычие. *Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным*. Доклады Международной конференции 11–14 октября 1966 г. Пловдив. С. 219–223.
- Грабчиков 1980 — *Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря*. Минск.
- Запрудскі С. 2003 — Беларуская мова ў яе кантактах з расійскай: у цісках аднімальнага білінгвізму. *Lětapis* 50, № 1. С. 73–94.

- Запрудскі С., Лаўжаль Г. 2000 — Жыццёвасць беларускай нацыянальнай і моўнай супольнасцяў: меркаванні «рускомоўных» беларусаў vs. меркаванняў «беларускамоўных» беларусаў vs. Меркаванняў рускіх. *Język a tożsamość na pograniczu kultur*. Pod red. E. Smułkowej i A. Engelking. Białystok. S. 129–133.
- Клімаў І. 2004 — Два стандарты беларускай літаратурнай мовы. *TERRA ALBA. Том III: Мова і соцыум*. Пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў. С. 102–144.
- Коряков Ю. Б. 2002 — Языковая ситуация в Белоруссии. *Вопросы языкознания*. № 2. С. 109–127.
- Лукашанец А. А. 2007 — Современное состояние и перспективы функционирования русского языка в Беларуси. *Актуальные проблемы преподавания русского языка в средней и высшей школе Республики Беларусь. Республиканская научно-практическая конференция (6–7 декабря 2006 г.)*. Материалы докладов. Могилев. С. 7–15.
- Мельникова Л. А. 2002 — Русский язык в Беларуси (по данным переписи населения 1999 г.). *Русский язык: система и функционирование. Материалы международной научной конференции 17–18 апреля 2002 г., Минск. В двух частях*. Ч. 2. Минск.
- Мошэнская Л. Г. 1992 — *Как белорусы говорят по-русски? Варианты рода имён существительных в русской речи белорусов*. Минск.
- Национальный состав 2001 — *Национальный состав населения Республики Беларусь и распространённость языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь. Статистический сборник*. Т. 1. Минск.
- Норман Б. Ю. 2008 — Русский язык в Беларуси сегодня. *Die Welt der Slaven*. LIII. С. 289–300.
- Норман Б. Ю. 2010 — Русский язык в современной Беларуси: практика и норма. *Русский язык*. Методическая газета для учителей-словесников. № 6. С. 8–15.
- Падлужны А. І. 1997 — *Мова і грамадства*. Мінск.
- Папейка А. А. 2000 — *Лексічныя асацыятыўныя палі ў беларускай і рускай мовах*. Аўтарэферат дысертацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук. Мінск.
- Потапова О. В. 2009 — Языковая личность в условиях русско-белорусского билингвизма. *Славянские языки: аспекты исследования*. Сборник научн. статей. Под ред. Е. Н. Руденко. Минск. С. 183–187.
- Русский язык 2001 — *Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского*

- языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.): Труды и материалы. Под общ. ред. М. Л. Ремневой и А. А. Поликарпова. Москва.
- Русский язык 2004 — *Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка* (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. Сост.: М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. Москва.
- Русский язык 2007 — *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка* (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.): Труды и материалы. Сост.: М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. Москва.
- Русский язык 2010 — *Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка*. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет. 20–23 марта 2010 г. Труды и материалы. Сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. Москва.
- Русский язык в Белоруссии*. 1985 — Под ред. А. Е. Михневича. Минск.
- Стернин И. А. 2010 — О границах вмешательства государства в языковые проблемы. *Политика в зеркале языка и культуры*: Сб. научн. статей, посвященных 60-летию юбилею проф. А. П. Чудинова. Отв. ред. М. В. Пименова. Москва. С. 100–108.
- Хренова А. В. 2009 — Мотивирующие и понятийные признаки концептов *президент* и *president* в русской и английской концептосферах. *Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике*. Отв. ред. М. В. Пименова. Вып. 2. Севастополь. С. 303–310.
- Чернявская Ю. 2007 — Белорус о себе. Этнический самообраз белоруса в сказках. *Die Welt der Slaven*. LII. С. 312–333.

VEENE KEEL VALGEVENES:
SOTSIOLOINGVISTILISE OLUKORRA ERIPÄRA

Boriss Norman

Keele varieerumise protsessid on väga suures osas tingitud keelevälisest, eelkõige poliitilisest, faktoritest. Vene keele olukorda tänapäeva Valgevenes määratlevad selle tihedad kontaktid lähedase sugulaskeele — val-

gevene keelega. Mõlemal keelel on riigis formaalselt riigikeele staatus, kuid tegelikkuses on vene keelel terve rida funktsionaalseid eeliseid. Vene keel on seotud võimsa kultuuriga, millel on pikk ajalugu, järjepideva riikluse ja ülemaailmselt tuntud kirjandusega. Valgevenes on vene keelel terve kogum sotsiaalseid variante, mis tagab keele funktsioneerimise erinevates tingimustes. Vene keelel on küllaltki selged arenguperspektiivid ning sel on üsna stabiilne kirjanduslik norm. Vähetähtis ei ole ka see, et riigi valitsus kasutab ametlikes ja mitteametlikes olukordades reeglina vene keelt.

Vene keele variandil, mis esineb Valgevenes, on palju leksikaalseid (valgevene keele mõjud), semantilisi (vene sõnade tähendus, mis on muutunud valgevene homonüümide mõjul), aga ka grammatilisi ja foneetilisi erijooni. Kõik see soodustab ühest küljest kõikehaaravat interferentsi, teisest aga valmistab ette pinnast (Valgevene suveräänsuse tingimustes) selleks, et kõnealune vene keele variant võiks muutuda eriliseks kohalikuks rahvuslikuks keeleks. Sotsiolingvistilise olukorra edasine areng sõltub suures osas poliitilistest ja majanduslikest faktoritest.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПОЛЬШЕ

Д. ПАСЬКО-КОНЭЧНЯК

Старообрядцы — это религиозная группа, которая во второй половине XVII века не приняла реформ патриарха Никона. Хранители старой веры подвергались преследованиям, были вынуждены переселиться в безлюдные места, в глубь России и за границу [Zielińska 1996: 9]. Таким образом, старообрядцы проникли во многие страны мира: в Польшу, Болгарию, Румынию, Литву, Латвию, Канаду и США. Старообрядцы проживают в Польше в сувальско-августовском районе — в двух соседних деревнях Габове Гронды и Бур в одиннадцати километрах к югу от города Августов, и образуют компактную, однородную среду. Рядом со старообрядческими деревнями находятся польские католические деревни: Бялобжеги, Промиски, Свидерек.

Специфическая историческая и социологическая ситуация группы, возникшая в результате эмиграции в Польшу, отразилась прежде всего в области языка и культуры старообрядцев и привела к возникновению двуязычия и двойной культуры в их обществе. По У. Вайнрайху, термин *двуязычие* обозначает практику попеременного пользования двумя языками [Вайнрайх 2000: 22]. Идеальный билингв переключается с одного языка на другой, когда изменяется коммуникативная ситуация, например тема, собеседник и т. д. [там же: 130].

Как отмечает А. Зелиньска, чтобы охарактеризовать двуязычие у старообрядцев, живущих в Польше, надо учитывать социальный аспект явления, потому что именно социологические и исторические процессы были причиной его возникновения [Zielińska 1996: 21]. Язык свидетельствует об изменениях в жизни старообрядцев после поселения в Польше. Наиболее адекватным показателем этих изменений являются лексические заимствования в их речи.

Русский говор старообрядцев является островным говором. Говор островного характера находится в иноязычном окружении, которое способствует обособлению и сохранению своеобразия определенного диалекта, а также взаимопроникновению элементов одного языка в диалект другого [Лённгрен 1994: 11]. Надо заметить, что островной говор не имеет непосредственного контакта со своим родным языком. Старообрядцы, проживающие в Польше, не имеют контакта с русским языком, например, благодаря поездкам в Россию, но часто учатся русскому литературному языку в школе. Островной говор, бытующий в иноязычном окружении, создает благоприятные условия для процессов заимствования слов, калькирования, гибридизации.

Исследуемый говор¹ непосредственно контактирует с польским языком. Жители этих деревень употребляют свой русский говор и польский язык попеременно, в зависимости от коммуникативной ситуации и требований коммуникативного партнера. Трудно однозначно определить первичный и вторичный языки. В повседневном общении представители старшего поколения² старообрядцев употребляют свой русский говор. Это язык, на котором они говорят дома. Самые пожи-

¹ Исследования русского говора старообрядцев из Габовых Грондов и Бура с 1999 года стали проводиться студентами и аспирантами университета им. Николая Коперника в Торуне под руководством проф. Стефана Гжибовского.

² Старшее поколение включает информантов в возрасте свыше 55 лет. Среднее поколение включает информантов в возрасте от 30 до 55 лет. Младшее поколение включает информантов в возрасте до 30 лет.

лые старообрядцы обучались польскому языку в контактах с польской администрацией и польскими соседями. Старшее поколение эмоционально тесно связано со своим говором и знает, что он помогает сохранить их культуру и религию. М. Глушковский замечает, что в среднем поколении трудно определить, который из языков можно назвать первичным, поскольку некоторые родители обращались к детям по-польски, чтобы облегчить им учебу в польской школе [Głuszkowski 2006: 240]. У среднего поколения польский язык начинает играть большую роль, чем у старшего. Это связано с их образованием, профессией. Старообрядцы часто уезжают в город учиться и работать. В этой группе наблюдается всё больше смешанных браков с католиками. Большинство молодых людей владеет польским языком лучше, чем русским говором. Польское окружение (польская школа, администрация, пресса, радио, телевидение, книги) оказывает большое влияние на ослабление эмоциональной связи с говором. В младшем поколении чаще всего первым усваивается польский язык, но и русский говор передается без посредства другого [Głuszkowski 2006: 241; Zielińska 1996: 22–23]. Польский язык является более престижным. У большинства старообрядцев билингвизм связан с диглоссией [Grzybowski, Głuszkowski 2008: 206]. В разговорах на темы повседневной жизни, религии, с соседями они используют русский говор, а в официальных ситуациях, с польскоязычными знакомыми или на работе употребляют польский язык. [Гжибовский, Глушковский 2008: 206, 212; Paśko 2007: 172–173; Paśko 2010: 181]. Немногие представители старшего поколения прекрасно владеют обоими языками и могут пользоваться ими независимо от темы разговора. Такое двуязычие можно назвать билингвизмом без диглоссии [Grzybowski, Głuszkowski 2008: 206]; ср. [Smułkowa 2002: 414–424].

В языковом контакте находятся два славянских языка: русский говор и польский язык. Польский язык — это деловой и публичный язык, на котором ведется преподавание в школе. Польское окружение оказывает большое влияние на состояние русского говора старообрядцев. Исследуемый говор, принадлежащий к западной группе средневеликорусского наре-

чия [Grek-Pabisowa 1968: 12, 167], под влиянием польского языка стремится к гибридизации.

Стефан Гжибовский считает, что «гибридизация — это процесс смешения языковых систем в таком виде, когда одна из них составляет основную структурную базу для сосуществования различных элементов обеих систем» [Гжибовский (в печати)]. В исследуемом русском говоре русская диалектная база псковского происхождения постепенно приобретает польское фонетическое, лексическое, идиоматическое и фразеологическое наполнение. Русской остается морфологическая система. В последние несколько десятилетий этот процесс становится особенно интенсивным. В результате цивилизационных изменений в жизни старообрядцев увеличивается их контакт с польским окружением. Влияние польского языка заметно на всех уровнях языка, прежде всего в фонетике, синтаксисе и лексике. В речи старообрядцев часты синтаксические конструкции, возникшие под влиянием польского языка, напр., употребление связки *естя* при именном сказуемом в настоящем времени, польское глагольное управление и т. п.

Наиболее сильно подвержена польскому влиянию лексическая система, так как именно она реагирует первой на связь с польским языком. В этой системе целые области лексики, касающиеся реалий, появившихся в жизни старообрядцев в последние 30–50 лет, оказываются заимствованными из польского языка или кальками. Но это наблюдается также и в традиционных сферах жизни, напр., в области крестьянского строительства, где польской оказывается почти вся номенклатура частей построек, напр., *стадола* ‘сарай’.

Исследования русского говора старообрядцев в Польше показали, что этот говор в значительной мере отличается от русского литературного языка. К этому следует прибавить псковские диалектные черты, островной характер говора, архаизмы, а также многие польские и белорусские заимствования [Zielińska 1994: 334].

К заимствованиям из польского языка относятся польские лексические единицы, неизвестные русскому языку и усвоенные говором фонетически, морфологически или словообразо-

вательно, например: *ляду́фка* польск. ‘łodówka’, рус. ‘холодильник’; *агульняк* польск. ‘ogólniak’, рус. ‘общеобразовательный лицей’; *эмеритура* польск. ‘emerytura’, рус. ‘пенсия’, *бавиться* польск. ‘bawić się’, рус. ‘играть’. Заимствования составляют значительную часть лексики. Жители Габовых Грондов и Бура присвоили себе новые названия, преимущественно придавая им форму, свойственную их говору. Лексические заимствования из польского языка видны в речи трех поколений. Главной причиной заимствований следует считать процесс полонизации. Политические и социальные перемены, новые формы цивилизации и обучение детей в польских школах принесли с собой лексические инновации. Заимствования затронули лексику, употребляемую в повседневной жизни, — бытовую, хозяйственную, названия одежды, продуктов питания, болезней, терминов родства человека, названия растений и животных, а также более официальную, связанную со школой, контактами с властями, общественной и политической жизнью, напр., *прышниця* ‘prysznic – душ’; *сынава* ‘synowa – невестка’; *пеленярка* ‘pielegniarka – медсестра’; *завал* ‘zawał – инфаркт’; *канапка* ‘kanapka – бутерброд’; *дыня* ‘dynia – тыква’; *аткужач* ‘odkurzacz – пылесос’; *патэляня* ‘patelnia – сковорода’; *працадаўца* ‘pracodawca – работодатель’. Заимствования из польского языка касаются даже религиозной терминологии, напр., *Матка Боска* ‘Matka Boska – Богородица’, *пакўта* ‘pokuta – покаяние’, *кляштар* ‘klasztor – монастырь’.

В говоре функционируют также языковые гибриды. Польские элементы в этих словах соединяются с русскими. Происходит своеобразная контаминация, вследствие чего возникают гибридные образования, напр.: *немавленец* (польск. ‘niemowlę’ + рус. ‘младенец’); *пётчерк* (польск. ‘podpis’ + рус. ‘почерк’); *заварот главы* (польск. ‘zawrót głowy’ + рус. ‘поворот’).

Кроме заимствований и гибридов, наблюдаются языковые кальки. Калька — это слово или оборот речи, по частям переведенный с другого языка [Обара 1989]. Языковые кальки отражают в языке Б какое-то свойство языка А, например, значение слов, словообразование, соединение слов во фразеологические обороты, синтаксические связи между словами,

способы выражения грамматических категорий, напр., *уби-ра́ть* / *убираться* в значении ‘одевать’ / ‘одеваться’ (под влиянием польской лексемы *ubierać / ubierać się*); *что день* в значении ‘каждый день’ (это верная копия польской конструкции *co dzień*); *примараски* в значении ‘заморозки’ (префикс *при-* появился под влиянием польского ‘*przymrozki*’).

Наиболее характерной чертой лексики говора старообрядцев в Польше является вариантность. В говоре употребляются акцентуационные, фонетические, словообразовательные варианты слов. По исследованиям говора старообрядцев Ирыдой Грек-Пабисовой наиболее распространены фонетические варианты, а наименее — экспрессивные (говоря об экспрессивных вариантах И. Грек-Пабисова имеет в виду синонимы, напр., *лицо* = *бузя*, *жир* = *тлушч* ‘ *tłuszcz*’) [Grek-Pabisowa 1983: 194].

По мнению С. А. Мызникова, вариантность слова — это «непременное условие любого языка, тем более, что речь идет о диалектном слове, не имеющем закрепленности письменностью и передающемся от человека к человеку, от поколения к поколению устным путем» [Мызников 2003: 18]. С. Мызников обращает внимание на то, что впервые проблема вариантности слова на материале русского языка была поднята В. В. Виноградовым в работе «О формах слова», который отмечал, что «понятие формы слова основано на сознании тождества слова, а сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства в многообразии мыслимых видоизменений, которые выражаются как в морфологическом облике слова, так и в различиях его синтаксических связей и функций» (цит. по: [там же]).

И. Грек-Пабисова, которая исследовала говор старообрядцев, проживающих в Польше, выделяет следующие условия идентификации вариантов слова:

- (а) совпадение лексического значения
- (б) совместный корень
- (в) варианты могут различаться между собой только внешней оболочкой.

Следует отметить, что к главным причинам возникновения вариантов в говоре старообрядцев принадлежат: чужое (поль-

ское) языковое окружение, влияние польского литературного языка, изоляция говора и его устный характер.

Под вариантами слова в русском говоре старообрядцев понимаются слова, восходящие к одному этимону. Эти слова (варианты) в языковом отношении близки к слову-источнику. При этом среди них не выделяются основной и подчиненный варианты, так как мы не исследовали частотность вариантов. Варианты в говоре старообрядцев выступают часто попеременно в речи одного информанта.

Вариантность в исследуемом говоре старообрядцев касается прежде всего лексических заимствований из польского языка. Лексика реагирует первой на связь с другим языком, определенные инновации появляются в ней очень быстро, словарь подвергается изменениям почти без трудностей [Кунин 1973: 123]. А. В. Кунин отмечает, что словарный состав является наиболее «проницаемой» областью языка. Недостающие в речевом обиходе слова старообрядцы компенсируют польскими лексемами. В результате активного двуязычия в говоре наблюдаются следующие варианты заимствованных слов:

(1) Акцентуационные варианты

В заимствованных словах имеются различия в месте ударения. Можно отметить наличие акцентуационных вариантов, из которых одни соответствуют принципу морфематизма русского ударения, а другие — польского пенультиматизма, напр.:

агульня́к / агульняк польск. ‘ogólniak’, рус. ‘общеобразовательный лицей’

этерни́т / э́тернит польск. ‘eternit’, рус. ‘асбошифер’

папе́ж / папéж польск. ‘papież’, рус. ‘римский папа’

бави́ться / бави́ться польск. ‘bawić się’, рус. ‘играть’

веша́к / вéшак польск. ‘wieszak’, рус. ‘вешалка’

(2) Фонетические варианты (различия проявляются в звучании)

(а) акание / отсутствие акания, напр.:

апеку́ньчий / опеку́ньчий польск. ‘opiekunicy’, рус. ‘заботливый’

апекава́ться / опекава́ться польск. ‘opiekować się’, рус. ‘заботиться’

андуля́цыя / ондуля́цыя польск. ‘ondulacja, trwała ondulacja’, рус. ‘завивка’

кєравні́ца / кєровні́ца польск. ‘kierownica’, рус. ‘руль’
ати́кадава́ние / ати́кодова́ние польск. ‘odszkodowanie’, рус.
 ‘компенсация’
нава́чє́сный / нова́чє́сный польск. ‘nowoczesny’, рус. ‘современ-
 ный’
патста́ву́фка / потста́ву́фка польск. ‘podstawówka, szkoła pod-
 stawowa’, рус. ‘начальная школа’

(б) различия в произношении мягких и твердых согласных,
 напр.:

небе́ский / небе́ский польск. ‘niebieski’, рус. ‘голубой’
анге́льский / анге́льский польск. ‘angielski’, рус. ‘английский’

Такое произношение известно в средне- и северовелико-
 русских говорах. В говоре старообрядцев параллельность
 -k’ij/-kuj (-кий/-кый), по всей вероятности, существовала еще
 до переселения с Псковщины и Новгородчины [Grek-Pabiso-
 wa 1983: 86].

(в) параллельное наличие l’/l (л’/л)

малява́ть / малова́ть польск. ‘malować’, рус. ‘красить’
буда́вляны́й / будова́ляны́й польск. ‘budowlany’, рус. ‘строительный’
ляду́фка / ладу́фка польск. ‘lodówka’, рус. ‘холодильник’
кале́йка / калэ́йка польск. ‘kolejka’, рус. ‘очередь’
калежа́нка / калэжа́нка польск. ‘koleżanka’, рус. ‘подруга’

(г) параллельное наличие r’/ż (р’/ж) (как эквивалент [ż] орфо-
 графически обозначенное в польском языке через rz и про-
 исходящее из [r’]), напр.:

падгрі́бки / падгэ́жы́бки польск. ‘podgrzybki’, рус. ‘берёзовики’

(3) Словообразовательные варианты (различаются префикса-
 ми), напр.:

* *pra-/pr’e-* (пра-/пре-)

празві́ска / прэзві́ска польск. ‘przezwisko’, рус. ‘прозвище’

* *pr’e-/pr’er’e-* (пре-/пере-)

прэдлу́жыць / перэдлу́жыць польск. ‘przedłużyć’, рус. ‘продол-
 жить’

прэтлу́ма́чыць / перэтлу́ма́чыць польск. ‘przetłumaczyć’, рус. ‘пе-
 ревести’

прэз/пэ́рэз польск. ‘przez’, рус. ‘через’

(в) параллельное наличие *s/š* (с/ш)

со́лтыс / шо́лтыс польск. ‘sołtys’, рус. ‘солтыс’

(г) параллельное *r/r'* (р/р')

рэкламу́вка / рекляму́вка польск. ‘reklamówka’, рус. ‘пакет’

(д) параллельное *v/v'* (в/в')

вэ́рсалька / верса́лька польск. ‘wersalka’, рус. ‘диван-кровать’

(4) Морфологические варианты

пара́нэт (мужской род) / *парапэ́та* (женский род) польск. ‘para-
pet’, рус. ‘подоконник’

Приведенные примеры являются только образцами, демонстрирующими динамику исследуемого говора, в котором заимствования из польского языка играют заметную роль. Говор насыщен многими заимствованиями, которые характеризуются значительной фонетической и словообразовательной вариантностью. Надо заметить, что в говоре, кроме вариантов, употребляются дублиеты слов, то есть слова разного происхождения с одинаковой звуковой оболочкой, не являющиеся одновременно омонимами, напр., *атчизна / айчична* [Grek-Pabisowa 1983: 194]. Кунин замечает, что «потребность в постоянных лексических инновациях является органическим свойством каждого языка» [Кунин 1973: 127]. Вариантность лексики является свидетельством динамики и развития говора [Grek-Pabisowa 1983: 81]. Влияние польского языка порождает процесс гибридизации родного говора старообрядцев, в котором сохраняется лишь грамматическая база и основной словарный запас. Пополнение словаря, а также способы построения фразы и идиоматика находятся под сильным влиянием польского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнрайх У. 2000 — *Языковые контакты*. Благовещенск.
- Гжибовский Ст. — *Гибридизация фонетической системы русского говора старообрядцев в Польше*. (в печати).
- Гжибовский Ст., Глушковский М. 2008 — Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур (Польша). *Русские старообрядцы. Язык. Культура. История*. Москва. С. 200–214.
- Кунин А. В. 1973 — О фразеологической интерференции. *Методы билингвистических исследований*. Москва. С. 123–160.
- Лённгрен Т. 1994 — *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине)*. Uppsala.
- Мызников С. А. 2003 — *Русские говоры Обонежья*. Санкт-Петербург.
- Głuszkowski M. — 2006. Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур. *Slavia Orientalis. Tom LV, Nr 2*. S. 239–259.
- Głuszkowski M., Grzybowski S. 2010 — *Staroobrzędowcy za granicą*. Toruń.
- Grek-Pabisowa I. 1968 — *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Grek-Pabisowa I. 1983 — *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I., Morris R. 1994 — *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce. Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie*. Warszawa.
- Maldjieva V., Rudnik-Karwatowa Z. 2007 — *Słowotwórstwo i tekst*. Warszawa.
- Obara J. 1989 — *Teoretyczne problemy kalkowania*. Warszawa.
- Paško D. 2007 — Словотворче калки językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku augustowskim. *Słowotwórstwo i tekst*. Warszawa. S. 171–177.
- Paško D. 2010 — Adaptacja akcentuacyjna zapożyczeń z języka polskiego do rosyjskiej gwary staroobrzędowców w ośrodku augustowskim. *Staroobrzędowcy za granicą*. Toruń. S. 181–188.
- Smułkowa E. 2002 — Dwujęzyczność po białorusku: bilingwizm, dyglosja, czy coś innego? *Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie*. Warszawa. S. 414–424.

- Zielińska A. 1994 — Билингвизм старообрядцев в Сувалской области, *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce. Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie*. Warszawa. S. 333–337.
- Zielińska A. 1996 — *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Warszawa.

POOLAS ELAVATE VANAUSULISTE VENE MURRAKUS
ESINEVATE POOLA LAENUDE VARIATIIVSUSEST

Dorota Paško-Konecniak

Poolas elavad vanausulised on nende asunike järeltulijad, kes lahkusid Venemaalt XVII sajandi teisel poolel, pärast patriarh Nikoni reforme. Tänapäeval on Gabove Grondy ja Bur kõige suuremad vanausuliste külad Poolas. Keele olukord on mõlemas külas küllaltki keeruline. Nende elanikud on kakskeelsed, lisaks oma murrakule räägivad nad ka poola keelt. Vanausulised kasutavad oma vene murrakut ning poola keelt vaheldumisi, vastavalt kommunikatiivsele olukorrale ja suhtluspartnerile. Vanausuliste vene murrak eksisteerib murdesaarena poolakeelses keskkonnas, mis loob soodsaid tingimusi sõnade laenamise, kalkeerimise ja hübriidisatsiooni protsessideks. Need protsessid on muutunud eriti intensiivseteks viimaste aastakümnete jooksul. Järk-järgult täieneb Pihkva päritolu murde baas poola keele foneetika, leksika ja fraseoloogiaga. Vene murdepäraseks jääb vaid morfoloogiline süsteem. Poola keele mõju on eriti märgatav ja tuntav leksika vallas (toorlaenud, koodivahetus, poola sõnade kasutamine venekeelses kõnes). Poola laenud kuuluvad põhiliselt olmesfääri (riide- esemete, toiduainete, haiguste nimetused). Eriti palju on poolakeelseid sõnu vestlustes, mis puudutavad administratsiooni, kooli, elukutseid, meditsiiniteenust, kuid ka uut tehnikat koduses majapidamises ja põllumajanduses. Laensõnad läbivad rõhulise, foneetilise, sõnamoodustusliku ja morfoloogilise adaptatsiooni. Igapäevaelu suhtluses puuduvad murdesõnu kompenseeritakse poolakeelsete sõnadega. Aktiivse kakskeelsuse tulemusena võib murrakus näha laensõnade variante, mis on keeleseisukohast algsõnale lähedased. Sealjuures ei eristata nende hulgas peamist varianti. Murrakus esinevad variandid kordamööda sageli ühe keelejuhi kõnes. Poola laenude puhul võib märgata rõhulisi, foneetilisi, sõnamoodustuslikke ja morfoloogilisi variante. Poola keele mõju vanausuliste vene murrakule põhjustab hübriidisatsiooni protsessi.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРИАДА: НОРМА, ВАРИАНТ НОРМЫ И РЕЧЕВАЯ ОШИБКА

Н. В. ПЕРФИЛЬЕВА, Н. В. НОВОСПАССКАЯ

В последнее десятилетие акцент в изучении системы языка, структурных особенностей сместился в сторону его функционирования. Продолжают быть актуальными исследования нормы и ее вариантов.

Проблема определения нормы¹ в языке впервые была поставлена на рубеже XVIII–XIX веков. Норма понималась как система *традиционных* языковых средств, обязательных для соблюдения людьми, говорящими на каком-либо языке.

Российская лингвистическая традиция трактует норму как совокупность «употребляемых (общепринятых) языковых средств», характеризуемых вместе с тем как правильные, предпочитаемые, образцовые, обязательные. Кроме того, признается регламентирующая функция нормы (совокупность правил), то есть термин *норма* совмещает два понятия: языковая норма в широком смысле слова и норма литературного языка, которая всегда кодифицирована. Языковая норма — это «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [ЛЭС 1990: 337]. Иными словами, норма понимается как совокупность *стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребле-*

¹ Термин *норма* был предложен в трудах Пражской лингвистической школы.

ния. Языковой факт признается нормативным, если он отвечает ряду критериев:

- не противоречит системно-структурным возможностям языка;
- для абсолютного большинства говорящих на данном языке является *общеупотребительным*;
- регулярно воспроизводится как в письменной, так и в устной речи, то есть является *общеобязательным*.

Г. О. Винокур пишет: «Наряду с проблемой языкового строя существует еще проблема языкового употребления», которое он понимает как совокупность «установившихся в данном обществе привычек и норм», из которых производится отбор тех или иных средств [Винокур 1964: 257].

В концепции Л. Ельмслева (Копенгагенская школа глоссематики) норма раскрывается через отношение структуры к ее манифестации: язык предстает как трехуровневое явление: *схема, норма и узус*, где схема или «язык как чистая форма» определяется «независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации»; норма или, другими словами, «язык как материальная форма», которая определяется в «данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации»; узус или «язык как совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых манифестаций» (цит. по: [Степанов 1966: 100]).

Ю. С. Степанов нормой называет третий уровень (*узус*) Л. Ельмслева и добавляет *уровень индивидуальной речи*. Ю. С. Степанов определяет норму или уровень нормы как «совокупность установившихся в данном обществе и в данную эпоху привычек и правил употребления», как одну или несколько реализаций определенной структуры [Степанов 1966: 99].

Термин *норма* неразрывно связан с литературным языком, являясь результатом кодификации языка. Таким образом, применительно к литературному языку различают:

- *систему*;
- *норму*, которая понимается как выбор системных возможностей, а также как запрет;

— узус, то есть реальные употребления, речевая практика [Крысин 2010: 10].

М. В. Панов считает, что «Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе» [Русский язык I 1968: 25].

Взаимодействие языковой нормы и речевого узуса не всегда антонимично, о чем свидетельствует наличие разных вариантов — нормированных и новых, идущих из речевой практики. Не всегда однозначным является классифицирование ошибок в случаях отступления от норм — что это? собственно *ошибка*, *вариант нормы*, *новая норма*?

«Изменчивость — одно из основных внутренне присущих («природных») свойств языка как семиотической системы. Изменчивость обеспечивает соответствие языка меняющимся потребностям коммуникативной и познавательной деятельности человека» [Мечковская 1983: 338].

В. Матезиус, развивая идею Ф. де Соссюра, пишет о *гибкой стабильности* языковой нормы, подчеркивая тем самым антинормию устойчивости и изменчивости языкового факта, что обусловлено языковым знаком как таковым. Асимметричность лингвистического знака, его произвольность, с одной стороны, и традиционность, устойчивость для определенного коллектива, с другой, приводит к появлению вариантов языковой нормы. Пражцами было введено понятие *кодификации нормы* как внешней фиксации различных языковых средств, обязательных для употребления говорящими на одном языке. В. Матезиус предложил следующую иерархию кодификации, критерием которой является степень *вмешательства* лингвистической теории (кодифицирование) в норму: *орфография* → *фонетика* → *морфология* → *синтаксис* → *лексика*. Отмечается прямо пропорциональная зависимость: меньшая степень кодифицирования в морфологии, синтаксисе и лексике вызывает неизбежно большее количество вариантов нормы и отклонений от нормы.

С другой стороны, нельзя не сказать об обратимости явления *норма — не норма*. Р. О. Якобсон в докладе на VIII-м международном конгрессе лингвистов (1958) указал на то, что «всякое изменение первоначально относится к языковой синхронии: и старая, и новая разновидности сосуществуют в одно и то же время в одном и том же речевом коллективе как более архаичная и более модная соответственно, причем одна из них принадлежит к более развернутому, а другая — к более эллиптическому стилю, к двум взаимозаменяемым субкодам одного и того же кода» [Якобсон 1963: 102].

Возможности языковой системы всегда шире, чем узус. Так, за пределами нормативного употребления в современном русском языке оказалась краткая форма имени прилагательного в сравнительной степени, например, *более ясно*. Однако потенциальное употребление данной грамматической формы поддерживается системой: наличие краткой формы и ее степеней сравнения в древнерусском языке. Если антиномия узуса и системы решается в пользу узуса, то появляется вариант нормы. Если же окказиональное употребление не становится частотным, то возможны варианты: удачное употребление, отвечающее коммуникативной задаче, или *языковая игра*; неудачное употребление — *языковая ошибка*. В случае же частотного употребления ненормативных фактов может появляться так называемая *недостаточность* нормы, понимаемая как отсутствие элемента структуры в речи. Например, существующее употребление краткой формы имени прилагательного в сравнительной степени — *они более частотны, более экспрессивны, более употребительны* — указывает на то, что это недостаточность не структурная, а нормативная, это доказывается тем, что подобные конструкции понимаются носителями языка. Использование краткой формы имени прилагательного в сравнительной степени в данный момент уже перестает восприниматься как нечто ненормативное. Только 100 из 500 человек отметили ненормативное употребление краткой формы качественного прилагательного в аналитической форме сравнительной степени. Заметим, что употребление краткой формы качественного прилагательного в сравнительной степе-

ни (аналитическая форма) кодифицируется как ненормативное.

В ходе опроса относительно окказиональных форм типа *более употребительны* были получены следующие результаты.

- только 20% студентов оценили краткую форму имени как ненормативную;
- 60% респондентов считают нормой краткую форму имени прилагательного в сравнительной степени;
- 20% затруднились ответить однозначно.

Таким образом, трудно не согласиться с О. Н. Трубачевым: «Древние связи происхождения, забываемые в коммуникации, латентно живут и периодически маркируются в употреблении» [Трубачев 1980: 11].

С вариантами нормы в литературном языке перекликается проблема нарушений нормы. Действительно, распространенность того или иного языкового явления имеет значение в процессе обновления нормы, однако массовым может быть не только новый вариант нормы, но и речевая ошибка, которая часто встречается в публичной речи и в медиатекстах. Например, *самый лучший* активно используется в печатных изданиях, песнях, выступлениях дикторов различных телевизионных каналов — случай, когда узус пренебрегает нормой, и речевая практика противоречит традиционным языковым установкам.

В литературе приняты следующие типы варьирования языковых единиц, которые выделяются на всех языковых уровнях:

1. семантически обусловленное варьирование: *вЕдение* (от глагола *ведать*) – *ведЕние* (от глагола *вести*); *воздвижЕние* (*монумента*) – *ВоздвИжение* (православный праздник);
2. стилистически обусловленное варьирование: *в отпуске* (книжн. или нейтральн.) – *в отпуску* (разг.), *разбивка сада* (разг.) – *разбиение* (научн.);
3. социально обусловленное варьирование: *ж[ы]смин* (в речи москвичей старшего возраста) – *ж[а]смин* (в речи других носителей языка);
4. профессионально обусловленное варьирование *возбУжде-но* (в речи сотрудников МВД) – *возбужденО*, *лоскУт* –

лОскут (остатки в ткацком и швейном производстве), *САй-ты* – *сайты* (компьютерный сленг);

5. территориально обусловленное варьирование — является самым обсуждаемым и не всеми лингвистами выделяется;
6. свободное — на всех уровнях языковой системы (существуют два варианта или несколько вариантов, например, ударения). Свободная вариативность подвергается давлению со стороны жесткой нормы, поэтому варианты в языке существуют сравнительно недолго. Варианты нормы конкурируют между собой. Сосуществование двух равнозначных, равнодопустимых вариантов всегда непрочно. Одному из вариантов оказывается явное предпочтение, он обладает большим весом или большей частотностью, большей распространенностью или нейтральностью, универсальностью и через некоторое время становится единственно возможным.

Рассмотрим подробнее результаты проведенного опроса.

Орфоэпические нормы

Норма в орфоэпии, в отличие от орфографии, представляет собой шкалу: допускаются варианты, в словарях, фиксирующих нормативное произношение русских слов, учитываются разные критерии выбора одного из вариантов. Чаще всего основанием выделения варианта является его *распространенность*. Однако М. В. Панов критерию распространенности в оценке орфоэпических вариантов приписывает меньший условный индекс (в соответствии с его значимостью в иерархии критериев), чем критерию соответствия норме литературного языка: «в орфоэпии прогрессивен традиционализм; не надо торопиться убить норму, которая делает живыми поэтические тексты прошлого» [Русский язык I 1968: 25].

Проведенное исследование показало, что традиционное московское смягчение зубного согласного перед мягким зубным в одной морфеме [dʲ]верь, [dʲ]ве, [mʲ]вердый воспринимается почти 40% опрошенных как устаревший вариант нормы: большинство опрошенных так не говорит, но ошибкой данное произношение не считает.

Одним из самых сложных вопросов в области орфоэпической нормы русского языка считается акцентологическая норма. Для анализа нами были отобраны несколько слов из группы существительных с суффиксом *-эниј-*, которая насчитывает более чем 400 единиц. Однако есть ряд исключений, из которых в наш тест были включены следующие:

- отсутствующее ударение в суффиксе *-ениј-*: *упрОчение*;
- варианты нормы: *обнарУжЕНИЕ*, *обеспЕчение*,
- языковые единицы с разным лексическим значением, различающиеся ударением *вЕдение* (от глагола *вЕдать*) – *ведЕНИЕ* (от глагола *вести*); *воздвиЖЕНИЕ* (монумента) – *ВоздвИжение* (православный праздник) и др.

Опрос показал, что часть аудитории имеет представление о вариантах нормы в данной группе слов и отдает предпочтение старой норме. Однако 80% опрошенных унифицирует произношение данных единиц с большинством существительных на *-эниј-*.

На примере *обеспЕчение* – *обеспечЕНИЕ* распределение ответов выглядит следующим образом: норма *обеспечЕНИЕ* — 36% ответов, норма *обеспЕчение* — 44% ответов, оба ответа — норма — 9%, нет ответа — 11%.

Словарная единица «обнаружение» воспринята респондентами в форме *обнаружЕНИЕ* как не имеющая акцентологических вариантов 64%, нет ответа 24%, два варианта – *обнарУжение* и *обнаружЕНИЕ* – 12% ответивших. Таким образом, существующая в настоящее время норма вступает в противоречие с узусом.

Современные нормативные издания (например, Словарь ударений для дикторов радио и телевидения Л. А. Введенской) предлагают как нормативный только один вариант — *обеспЕчение*, маркируя *обеспечЕНИЕ* как просторечие. Л. А. Введенская рассматривает триаду «норма – разговорная норма – просторечие (вне пределов нормы)» и пишет, что «говорящий может позволить себе даже в условиях официального, публичного выступления использование стилистически отмеченных элементов разговорной речи — для оживления, создания доверительного тона, ... не переходя полностью на разговорную

речь», третья группа примеров находится «вне пределов нормы» [Введенская 2006: 7]. Таким образом, *обеспечЕние*, по Введенской, следует оценить как ошибочное употребление.

В Орфоэпическом словаре под ред. Р. И. Аванесова (1983) с пометой «не рекомендуется» *обнарУжение* приводится как единственно правильный вариант.

Из группы слов на *-ениј-* нормативными акцентологическими вариантами обладают, по нашему мнению, оба описанных слова.

Грамматические нормы

На грамматическом уровне представляется интересным рассмотреть согласование имен прилагательных с существительными в счетных оборотах, например, варианты согласования имен прилагательных с существительными после числительных: *три новых книги / три новые книги*.

Норма русского литературного языка в справочных изданиях до 2008 года фиксирует согласование прилагательного с определяемым существительным женского рода после числительных *два, три, четыре* в именительном падеже множественного числа, и в родительном падеже множественного числа в случае употребления существительного мужского рода. Так, Ю. А. Бельчиков [Бельчиков 2008] отмечает, что в разговорной речи более употребительна форма родительного падежа множественного числа согласованного определения. «В современной речи родительный падеж согласованного определения в составе счетного оборота (с числительным *два, три, четыре* и соответствующими составными числительными) все более утверждается как параллельная **нормативная** форма, наряду с формой именительного падежа множественного числа» [там же: 260]. Результаты опроса 500 студентов показали, что 56% опрошенных данной нормой не владеют, 30% не смогли дать правильный ответ, 24% дали правильные ответы. Следует сказать, что в полученных вариантах ответов студентами были отмечены как ненормативные разные словосочетания (*три новые журнала* и *три золотых медали*).

Наибольшее число ошибочных ответов касалось употребления имени прилагательного в родительном падеже множественного числа. Согласование в именительном падеже множественного числа имен прилагательных с определяемым именем существительным воспринимается большинством респондентов как *устаревшая* норма. Соотношение употребления имени прилагательного в именительном и родительном падеже множественного числа представлено следующим образом: именительный падеж множественного числа имени прилагательного нормой видят 85% студентов, родительный падеж множественного числа имени прилагательного — 15%.

Графическая норма

Развитие любого языка определяется двумя факторами: внутренними (системой языка, способной к изменениям в его структуре) и внешними (контактами с родственными и неродственными языками). «Не существует генетически «чистых», «беспримесных» языков, которые бы в течение тысячелетий развивались без всякого влияния окружающей среды, в полной обособленности от соседей... Конвергенция (сближение) иногда доходит до интеграции» [Мечковская 1983: 365]. В настоящее время сближение языков, в частности, русского и английского, проникновение последнего в современную жизнь настолько велико, что появились лексические единицы, совмещающие кириллическое и латинское письмо. Следует отметить, что употребление латинской графики не единично, более того, современные рецензируемые издания считают возможным использовать некоторые слова как термины. *Fit-girl* — *девушка, прекрасная во всех отношениях*. Термин используется в журнале ELLE как противопоставление устаревшему понятию *it-girl* (журнал ELLE). *Новый must-have вечеринки и показов* (журнал ELLE) (о сумках).

Можно выделить следующие типы заимствованных лексем¹:

- **сложносоставные слова:**
последнее beauty-открытие
beauty-бюджет
участвовать в make-up-сессиях
травяная night-паста
night-щетка
make-up шапры
star dust + star trash: светские хроники с Зоей Фрейд
красота backstage
лучший Android-фон на рынке
- **прямое заимствование английского слова:**
nude look (естественный макияж)
главный must-have сезона
сумка it-bag
сумка vintage
новый look
- **английское заимствованное слово на кириллице + русский словообразовательный формант:**
женщина-бьютиголик
- **кириллическое написание английских лексических единиц:**
цитрусовый фреш
яркий тачфон
новый лук (в значении образ)

Опрос показал, что 90% респондентов однозначно отрицательно оценили такие лексемы, как *лук*, однако заимствование английских лексем с сохранением латинской графики почти 60% студентов считают допустимым вариантом.

Трудности вызывает также выбор заглавной или строчной буквы у слов типа *Воздвижение – воздвижение*, *Знамение – знамение*, *Сретение*. В существующих правилах нет строгих указаний на то, с прописной или строчной буквы должны писаться *Сретение*, *Воздвижение*, *Знамение*, *Рождество*, *Богородица* и т. д. В узусе до 80-х гг. XX века эти слова, редко

¹ Примеры приводятся по статье Н. В. Перфильевой.

употреблявшиеся, писались со строчной буквы. Но узус отреагировал на изменение общественно-идеологического характера и восстановил написание, существовавшее в царской России, что, тем не менее, не отражено в существующем своде графических норм русского языка.

40% студентов затруднились однозначно ответить на вопрос о написании этих слов со строчной или с заглавной буквы: 30% респондентов высказались за строчное написание, 10% — за написание заглавной буквы, 20% ответили, что строчная или заглавная буква зависит от значения слова, то есть увидели здесь семантическое варьирование.

Природа нормы двусторонняя: с одной стороны, норма — это реализованная возможность языка, а с другой норма — закрепленный в лучших образцах литературы устойчивый способ выражения, предпочитаемый образованной частью общества. Именно это сочетание в норме объективного и субъективного создает в некоторой степени противоречивый характер нормы; объективная норма создается на базе конкуренции вариантов языковых знаков. В настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации, в соответствии с этим меняется и языковой вкус эпохи, и сам статус литературного языка. Норма демократизируется, становится проницаемой для нелитературных языковых средств. Структурные законы системы языка ограничивают возможность перехода от одного состояния к другому. Однако «эти переходы представляют собой... часть языкового кода в целом, динамический компонент всей совокупной системы языка» [Якобсон 1963: 104], поэтому можно предположить «вероятность перехода, но едва ли возможно найти универсальные закономерности явлений, связанных с фактором времени» [там же: 10] Таким образом, нормы постепенно расшатываются, увеличивается количество вариантов норм и число речевых ошибок. Соотнесение варианта нормы и речевой ошибки в системе и структуре языка, как правило, неоднозначно и вызывает трудности их разграничения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. 1983 — *Орфоэпический словарь русского языка*. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва.
- Бельчиков Ю. А. 2008 — *Практическая стилистика современного русского языка*. Москва.
- Введенская Л. А. 2006 — *Словарь ударений для дикторов радио и телевидения*. Москва.
- Винокур Г. О. 1964 — О задачах истории языка. *Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Москва. С. 243–262.
- Крысин Л. П. 2010 — Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса. *Современный русский язык. Система – норма – узус*. Москва. С. 9–30.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. 1990 — Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва.
- Мечковская Н. Б. 1983 — *Язык как исторически изменяющееся явление*. Минск.
- Перфильева Н. В. 2010 — Свит мама или как это по-русски? *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. № 1. Москва. С. 30–36.
- Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистические исследования*. Кн. 1–4. 1968. Под ред. М. В. Панова. Москва.
- Степанов Ю. С. 1966 — *Основы языкознания*. Москва.
- Трубачев О. Н. 1980 — Реконструкция слов и их значений. *Вопросы языкознания*. № 3. Москва. С. 3–14.
- Якобсон Р. О. 1963 — Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. *Новое в лингвистике*. Вып. III. Москва. С. 95–105.

LINGVISTILINE TRIAAD:
NORM, NORMIVARIANT JA KEELEVIGA

Natalia Perfiljeva, Natalja Novospasskaja

Artiklis analüüsitakse normi, normivariantide ja keelevea suhete probleemi. Analüüsitavaks materjaliks on küsitluse tulemused, artikli autorid viisid kõnealuse küsitluse läbi 2010. aastal Venemaa Rahvaste Sõpruse Ülikooli filoloogiateaduskonnas nooremate kursuste tudengite hulgas,

kes õpivad filoloogia, ajakirjanduse, keeleteaduse, avalike suhete erialal. Küsitlusest võttis osa 500 inimest vanuses 18–20 aastat, neile tehti ülesandeks märkida ära normatiivsed, mittenormatiivsed ja lubatud keeleühikute kasutusvariandid. Küsitlus sisaldas näiteid keelenormide nõrkadest kohtadest, erinevatelt keeletasanditelt: foneetikast, leksikast, morfoloogiast ja süntaksist. Küsitluse tulemuste alusel klassifitseeriti tüüpilised vead.

Artiklis jagatakse näited erineva kodifikatsiooni taseme järgi: ortograafilise normi jaoks selgitatakse välja maksimaalne kodifikatsiooni määr, tinglikult keskmine kodifikatsiooni määr eristab foneetilist normi ning grammatilist normi iseloomustab madal kodifikatsiooni määr. Vene keele näitel vaadeldakse triadi: norm – normivariant – keeleviga.

Normi vastuolulist iseloomu võib seletada selle olemusega: ühest küljest, on norm realiseerunud keele võimalus, teisest aga — püsiv väljendusmoodus, mis on kinnistunud parimates kirjanduslikes näidetes, mida eelistab ühiskonna harituim osa. Norm luuakse keelemärkide variantide konkurentsi baasil. Käesoleval ajal on normide loomise keskmesse asunud massimeediavahendid.

Artiklis vaadeldakse ka näiteid normi ebapiisavuse kohta. Normi ebapiisavuse all mõistetakse elemendi puudumist keelestruktuuris mittenormatiivsete faktide sagedasel kasutamisel kõnes.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГАХ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ XVII ВЕКА

С. Н. РОМАНЕНКО

В истории русского государства XVII век, важный начальный этап в формировании национального языка, характеризуется созданием русского национального языка, его морфологической системы в целом.

Значительное место в изучении становления грамматического строя русского языка отводится в историческом языкознании памятникам письменности. Особое внимание уделяется деловым памятникам, например хозяйственным монастырским книгам. «Важным характерным признаком образования национального языка» Б. А. Ларин называл «сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка», которое «начинает давать первые нестойкие плоды в XVII в.» [Ларин 1961: 25].

Псков средневековья и его окрестности (Печоры с Псково-Печерским Успенским монастырем) — это крупный религиозный, культурный центр со складывающимися традициями летописания, делопроизводства. Псково-Печерский монастырь с XVI в. начинает возвышаться среди других, более древних, монастырей, при этом обогащается казна монастыря: значительные пожертвования в монастырскую казну делались членами царской семьи, высокопоставленными лицами государства и членами их семей. Н. Д. Сидоренская считает, что язык псковских монастырских хозяйственных книг во многом бли-

зок деловому языку Москвы, центра русского государства; но высокого уровня он достигает не только под влиянием Москвы, но и в результате собственного развития [Сидоренская 1991: 135–138].

Хозяйственные книги Псково-Печерского монастыря¹, являясь образцами монастырского делопроизводства с высокой письменной культурой, позволяют исследовать особенности именных форм как существительных, так и прилагательных всех разрядов: качественных, относительных (собственно относительных, или непротивительных, и относительно-противительных).

Качественные прилагательные, включая также перешедшие из других разрядов, представлены в исследуемых памятниках 48 лексемами в 592 именных словоупотреблениях: *аль*, *багровъ*, *бѣль*, *буланъ*, *буръ*, *вишневь*, *великъ*, *ветхъ*, *воронъ*, *гнѣтъ*, *гладокъ*, *добръ*, *дымчатъ*, *желтъ*, *зелень*, *игрънь* ‘светло-рыжего цвета со светло-серой гривой и хвостом’ [СлРЯ XI–XVII 6: 82], *каръ*, *кауръ*, *кирпичень*, *косолапъ*, *лазоревь*, *лысь*, *мухортъ* ‘с желтоватыми или белесоватыми подпалинами у морды, ног и в паху’ [СлРЯ XI–XVII 9: 317], *невеликъ*, *новъ*, *пегъ*, *порожь*, *рудожелтъ* ‘красновато-желтый’ [СлРЯ XI–XVII 22: 235], *рыжь*, *саврасъ*, *свѣтлогнѣдъ*, *свѣтлозелень*, *серъ*, *сивъ*, *сивожелѣзь* ‘темно-серый, сивый’ [СлРЯ XI–XVII, 24: 121], *сивожелтъ*, *слѣтъ*, *соловь*, *таусинень*², *темновишневь*, *темнозелень*, *тощъ*, *чалъ* ‘сербурый’ [Срезн. III: 1471], *червчатъ*, *черлень* ‘красный’ [Срезн.

¹ Для исследования привлекались Переписная книга 1639 г., Переписная книга 1652 г., Переписная книга 1663 г. и Приходо-расходная книга 1674–1675 гг., находящиеся в государственном архиве Псковской области.

² Включаем прилагательное *таусинень* в качественные предположительно, опираясь на данные словаря В. И. Даля: «*Таусинный?* стар. темно-синий» [Даль IV: 393]. Возможно, прилагательное *таусинный* связано с существительным *тусинь* ‘материал для крестьянских рубах’, отмеченным в нижегородских говорах (ср.: [Даль IV: 444]).

III: 1558], *чернь, чорнвать, чюбарь* ‘пестрый, рябой’ [Срезн. III: 1544].

Именные формы качественных прилагательных в исследуемых памятниках отмечены в основном в Им. п. ед. ч. (м. р., ж. р., ср. р.) и мн. ч., что обусловлено спецификой текстов переписных, приходо-расходных книг: велось перечисление соответствующих реалий.

Прилагательные м. р. и ж. р. этого лексико-грамматического разряда зафиксированы в основном со значениями ‘масть лошадей’ и ‘цвет’:

- с общим значением ‘масть лошадей’: *мери^и була^и* (1639: 187), *мери^и игрѣ^и* (1652: 187), *мери^и карь* (1639: 186 об.), *мери^и мухотъ* (1639: 187; 227), *мери^и си^е* (1639: 225 об.), *мери^и чюба^р* (1652: 187; 1639: 187), *ко^и гнетъ* (1639: 187), *ко^и чал* (1639: 187), *кобыла булана* (1639: 230), *кобыла каря* (1639: 230), *кобыла рыжа* (1639: 229 об.), *кобыла се-ра* (1639: 229 об.), *обе лошади чалы* (1674–75: 6) и др.;
- с общим значением ‘цвет’: *бархат багровъ* (1639: 36 об.), *два ко^{ра} оди^и бе^и* (1663: 120 об.), *камешо^к вишне^е* (1652: 52 об.), *шо^ккъ же^итъ* (1663: 139 об.), *каме^и зелен* (1652: 41), *тафта ала* (1663: 158 об.), *ризы алы* (1652: 149 об.), *се-ре^ики бурь* (1652: 55), *яхонты лазоревы* (1639: 14), *ка^ика че^рна* (1663: 141 об.), *ка^ика че^рлена* (1652: 195 об.) и др.

Большую группу качественных прилагательных со значениями ‘цвет’ и ‘масть лошадей’ составляют сложные образования¹: *рудожелтъ, светлогнедь, светлозелень, сивожелезь, темновишневь, темнозелень.*

Среди именных форм качественных прилагательных были отмечены всего две словоформы м. р. ед. ч. в косвенных падежах:

¹ Для XVII в. пишем слитно сложные качественные прилагательные, обозначающие оттенки цвета.

В. п. (при отражении категории одушевленности) — *добра: велено в Пече^рской ма/насты^р послати из Пскова дворянина добра да по^дячего о^м мѣста добра^{жс}* (1639: 2)¹;

Д. п. — *шито золотом по червчату бархату* (1663: 289 об.).

В. В. Колесов отмечает, что уже «к XIV в. краткие формы сохранились лишь у некоторых прилагательных в составе устойчивых атрибутивных сочетаний, и прежде всего в деловых текстах» [Колесов 2009: 229–230]. И. В. Баданина рассматривает подобные выражения (*лошадь каря, лошадь лыса, чепь золота*) как специальные формулы делового языка — терминологические и полутерминологические сочетания, что, по мнению исследователя, способствует сохранению именных форм в атрибутивной позиции и в XVII веке [Баданина 1999: 4]². О сохранении именных форм в терминологической лекси-

¹ Исходя из контекста, прилагательное *добръ* употреблено в значении ‘хороший, безукоризненный’ [СлРЯ XI–XVII 6: 270]. В. В. Колесов отмечает, что «формальное расхождение между полными и краткими прилагательными общего корня сопровождалось различием в значении»: *добръ* ‘надежен’ – *добрый* ‘доброкачественный’ [Колесов 2009: 227]. А. М. Кузнецов в «Исторической грамматике древнерусского языка» отмечает, что «дифференциация именной и членной формы прилагательного по значению произошла именно в сказуемом, в то время как в позиции определения семантического размежевания не могло быть. Здесь обе формы употреблялись безразлично, пока полная форма не вытеснила окончательно именную» [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 155]. В нашем контексте писец дважды выбирает именную форму прилагательного в функции определения, подчеркивая, возможно, значимость качества посылаемых «ревизоров».

² В современном языке прилагательные, называющие масть животных (*буланый, вороной, гнедой, каурый, пегий, саврасый, чубарый*), не имеют кратких форм. Особенно подчеркнем, что ограничения на образования кратких форм накладываются и на прилагательные, которые входят в терминологические сочетания (*злухой / звонкий звук, живая природа*) [Русская грамматика 2005 I: 557]. Видимо, это связано с особой семантикой подобных прилагательных: усиливается обозначение признака по связи с другими понятиями.

ке прошлых веков пишут В. И. Борковский, П. С. Кузнецов [Борковский, Кузнецов 2007: 407].

Таким образом, в исследуемых нами хозяйственных книгах XVII в. качественные прилагательные преимущественно зафиксированы в форме Им. п. ед. ч. трех родов и в форме Им. п. мн. ч. Употребление в косвенных падежах единично. Это объясняется спецификой памятников. Только в кратких формах обнаружены качественные прилагательные со значением 'масть лошадей' (в отличие от современного языка, где такие прилагательные кратких форм не образуют). Возможно, это объясняется включением подобных прилагательных в «зону» терминологических сочетаний, которые сохраняли в прошлом именные формы по традиции делового языка.

В исследуемых памятниках зафиксированы именные формы 20 собственно относительных прилагательных в 222 употреблениях:

аспидень 'выполненный из *аспида* 'минерал различного вида: яшма, сланец, сланцевый плитняк' [СлРЯ XI–XVII 1: 55], *белогубь*, *белоголовь*, *деревянь*, *домороцень* 'выращенный в доме, в своем хозяйстве, непокупной' [СлРЯ XI–XVII 4: 312], *железень*, *золоть*, *изуфрянь* 'образовано от существительного *изуфрь*' ('шерстяная ткань') [СлРЯ XI–XVII 6: 212], *камчатъ* 'сделанный из камки' [СлРЯ XI–XVII 7: 50], *клетчатъ*, *лошчатъ*¹ 'имеющий на поверхности круглые или продолговатые углубления' [СлРЯ XI–XVII 8: 275], *мѣдень*, *одинокъ*, *полосатъ*, *серебрянь*, *стекольчатъ* 'сделанный из стекла или имеющий стекла' [СлРЯ XI–XVII, 28: 45], *тафтянь* 'сделанный из *тафты* 'гладкая, тонкая шелковая ткань' [Даль IV: 393], *травчатъ* 'вытканый с узорами' [Сл 1847 IV: 292; Даль IV: 424], *узорчатъ*, *шолковъ*.

Словоформы м. р., ж. р. и ср. р. отмечены только в Им. п. ед. ч., а также и во мн. ч.: *крѣтъ аспиде*^н в *золоте* (1652: 20 об.), *мери*^н *белоголовь* (1639: 187; 1652: 187), *мери*^н *домороще*^н (1639: 186 об.), *крѣтъ железе*^н (1652: 110), *крѣтъ золоть* (1674–75: 1,

¹ Прилагательное *лошчатъ* отмечено в исследуемых памятниках и в графических вариантах *лощатъ*, *лосчатъ*.

122 об.), *патрахи^л изуфря^л* (1652: 215 об.), *кубо^к сере^бря^л лош-ча^л* (1652: 120; 1663: 101), *кубо^к сере^бря^л лоцать* (1652: 118 об., 119, 119 об. — 2 раза; 1663: 102 об.), *вене^л одино^к* (1652: 45 об.), *кр^сть сере^бря^л* (1652 г. — 84 употребления; 1639 г. — 37 употреблений), *стиха^п тафтянь* (1663: 143), *пое^с шо^лковъ* (1639: 122 об.), *чепь золота* (1663: 115; 1674–75: 8 об.), *чаше^чка пло-ская лосчата* (1652: 124 об.; 1663: 107 об.), *камка травча-та* (1652: 151 об.), *ка^лкасея* ‘узорчатая шелковая ткань’ [СлРЯ XI–XVII 7: 48] *узорчата* (1652: 153 об.; 1663: 140 об.), *яблочко деревяно* (1652: 222), *ве^лцы золоты* (1639: 14), *в^лски м^лдны небо^лшие* (1639: 208), *рипиды* ‘опахало, укрепленное на длинной рукояти’ [СлРЯ XI–XVII 22: 165] *серебряны* (1639: 44 об.), *ризы узо^рчаты* (1652: 153 об.; 1663: 141).

В современном языке относительные прилагательные не образуют кратких форм. А. М. Кузнецов, исследуя краткие и полные формы прилагательных в бытовой и деловой письменности Северо-Западной Руси XI–XIV вв., считает, что именные формы были «редки у качественных прилагательных и особенно у относительных» [Кузнецов 1984: 7]. Ученый приводит всего 6 качественных (*свободнь*, *умнь*, *дешевъ*, *добрь*, *чюжь*, *великъ*) и 6 относительных (*хмельнь*, *льнянь*, *серебрьнь*, *татьбрьнь*, *мужьскъ*, *кор^лльскъ*) прилагательных, у которых зафиксированы факультативные краткие формы в XIII–XIV вв. В псковских же монастырских книгах XVII в. именные формы отмечены у 48 качественных и 20 относительных прилагательных (прилагательное *серебрьнь* зафиксировано в 121 употреблении — самое большое количество словоформ). Возможно, сохранение этих форм объясняется тем, что многие прилагательные (*аспидень*, *железень*, *золоть*, *лошчатъ*, *серебрянь*, *травчатъ*, *узорчатъ*, *шолковъ*), как и качественные, в деловых памятниках входят в состав традиционных, повторяющихся (приближающихся к терминологическим) сочетаний. Особое внимание относительным прилагательным, обозначающим материал, уделил Н. И. Толстой. Он считал, что по специфике своего лексического значения эта группа прилагательных ближе всего примыкает к качественным, что и объясняет преобладание краткой формы [Толстой 1999: 98].

В. И. Борковский подчеркивает, что наибольшей устойчивостью отличаются именные формы относительных прилагательных, обозначающих материал, из которого сделан предмет [Борковский, Кузнецов 2007: 409].

Относительно-притяжательные прилагательные представлены в монастырских хозяйственных книгах 34 лексемами в 182 именных словоформах: *аргамачь*, *архиепископль*, *архимаричь*, *богородичень*, *божий*, *владычень*, *говяжий*, *господень*, *государевъ*, *гостинь*, *Давыдовъ*, *Желацкъ*, *Ивановъ*, *казначѣвъ*, *коневий* 'относящийся к коню, конский' [СлРЯ XI–XVII 7: 270], *Коровинь*, *Коровий*, *куний*, *медьѣжий*, *Моисѣевъ*, *Нечаевъ*, *Николинъ*, *предтечевъ*, *Рагозинъ*, *Раковъ*, *Сергиевъ*, *служень*, *соболий*, *Спасовъ*, *Троицынъ*, *успениевъ*, *Фомин*, *царевъ*, *Христовъ*.

Именные словоформы относительно-притяжательных прилагательных зафиксированы в ед. ч. м. р., ж. р., с. р. во всех падежах, кроме Тв. п. Краткие формы Тв. п. ед. ч. м. р. и ср. р. были утрачены еще в XIII–XIV вв., так как совпадали с формами Тв. п. ед. ч. м. р. и ср. р. полных прилагательных [Иванов 1964: 342; Черных 1962: 206]. Видимо, потому и не обнаружены такие формы в изучаемых памятниках.

Словоформы в Им. п. ед. ч.: *даль ѣдрвъ жилиец* (1674–75: 9), *ко^н владычень* (1639: 225), *книга кано^нникъ Николи^н* (1652: 115 об.), *въ главѣ спасо^в о^бра^з* (1663: 109 об.), *писа^н апосто^в Хр^ст^в* (1652: 215), *а^ргамач^я кобыла* (1639: 229 об.), *шапка архимаричья опушена* (1663: 151), *грамота ѣдрва жалова^ная* (1639: 197), *шуба кунья* (1663: 293), *дала впису вдова служня жена* (1674–75: 23), *блюдо бгородично* (1652: 18), *ро^спя^ние ѣдне* (1652: 109; 1663: 186), *по^дписано ѣдрво имя* (1652: 118; 1663: 100 об.), *блю^дцо пр^тчво* (1652: 18 об.; 1663: 310), *ожере^ее собо^не* (1663: 293), *обра^з Фомино увѣр^ние на золотѣ* (1652: 199); *по^дписано црво имя* (1652: 118; 1663: 100 об.); *обра^з Рж^ство Хр^ство* (1652: 83), *на нем распятие хр^стово* (1663: 304), *Воскресение Хр^стово* (1674–75: 98).

Словоформы в косвенных падежах единственного числа:

- Р. п.: *обоего а^рхимари^я и ка^нначѣва прииму* (1639: 124), *проти^в архимари^я мѣста / стои^т Седмица* (1652: 105 об.),

- Мн^ѣть Алексея члвка **бжия** (1639: 266), в цркви **бжся** мл^ѣрдиа (1652: 108; 1663: 2 об.; 1639: 13 об.), пять гривенок сала **говя^жя** (1674–75: 74 об.), около **гостина** двора (1674–75: 40), про **гостей** **ѣдрва** стольника (1674–75: 78), взято з **ѣдрвы** ры^бные ловли (1674–75: 51 об.), [переписана] зъ **ѣдрвы** грамоты (1639: 197 об.), куплено **медвежья** сала (1674–75: 83 об.), у о^браза **Пр^отчва** у м^ѣстного (1652: 168 об.);
- Д. п.: дано почести **а^рхиен^ѣклю** сну (1674–75: 66 об.), [велено быти] по **ѣдреве** грамоте (1652: 2 об.; 1639: 198), по **ѣдрву** указу [взяли] (1639: 1; 1652: 2, 7 об.; 1663: 2), дано **ѣдрву** московскому стряпчему (1674–75: 56 об.), пром^ѣне^н кр^ѣтъ **ка^нначееву** келеинику (1674–75: 29), куплено к **успениеву** дни (1674–75: 95), по **црву** указу [взяли] (1652: 2; 1663: 2; 1639: 1), книга Часы црские Рж^ѣтву Хр^ѣтву / пи^ѣменная в по^ѣде^ѣть (1652: 210 об.), по **црве** грамоте (1652: 2 об.);
 - В. п.: выдано по^ѣ **а^рхимаричью** шляпу (1663: 309), просмотрев **гости^н** немецкои двор (1652: 4); о^н збира^ѣ з Жел^ѣки^ѣх / жильцо^ѣ за **ѣдрвъ** поды^нной хл^ѣб^ѣ стреле^н/кои (1674–75: 11 об., 33 об.), плачено в **ѣдрву** казну (1639, 124 об.; 1674–75: 33 об.), зделал **коне^ѣ**ю кожу (1674–75: 79 об.), зва^ѣ в **Троицы^н** день (1674–75: 89), куплено в **успение^ѣ** днь (1674–75: 101 об.);
 - М. п.: снесено в почесть начальникомъ о при^ѣде **архимари^ѣ**е (1674–75: 66 об.), тазъ / рукомоини^ѣ лоха^н ме^ѣные в **архимари^ѣ**и ке^ѣи (1652: 200 об.), бить чело^н о **ѣдрве** поды^нномъ хл^ѣб^ѣ о убавке (1674–75: 71), на **гостине** двор^ѣ (1674–75: 76), Во^ѣмъ **а^рши^ѣ** дорого^ѣ было двое/личны^ѣ привезены на ^ѣробу на **Ивано/в^ѣ** жен^ѣ Окунева на Да^ѣе (1663: 306 об.).

Распространенность именных форм притяжательных прилагательных всех родов в косвенных падежах в ед.ч. в XVII в. отмечается и в московских памятниках. Об этом пишет, например, П. Я. Черных, фиксируя подобные формы в Уложении 1649 г. (например, «на **гостин^ѣ** двор^ѣ») [Черных 1962: 206].

Во множественном числе в исследуемых памятниках именные словоформы у относительно-притяжательных прилага-

тельных отмечены только в Им.п. и В.п.,¹ что было распространено в XVII в. [Черных 1962: 206]. А. М. Кузнецов пишет, что в текстах Северо-Запада уже в XIII–XIV вв. отмечается утрата кратких форм всеми разрядами прилагательных во множественном числе, кроме именительного и винительного падежей [Кузнецов 1984: 7].

Именные формы относительно-притяжательных прилагательных Им. п. и В. п. во мн. ч.: *шапки а^рхимаричьи* (1663: 151), *на тя^бла^х пра^зники вл^дчни и бгородичны на золот^ѣ* (1652: 204), *стр^сти го^сдни* (1652: 54), *пятеры книги Моис^ѣевы* (1652: 171), *писаны стр^сти Хр^ствы* (1639: 263 об.), *пересмо^тре^бе^б дрвы грамоты* (1652: 3 об.).

Составные топонимические наименования, включающие относительно-притяжательные прилагательные, встретились в именных словоформах в косвенных падежах: *з Давыдова Конца* (1674–75: 50 об.), *взято с Желацика острова* (1674–75: 11, 43, 50), *куплено с Нечаева лугу* (1674–75: 87, 91 об.), *куплено с Ракова бору* (1674–75: 90 об.), *подле озера Рагозина* (1663: 247), *в Коровине стану* (1663: 284). Наименование *Коровье се-*

¹ В переписной книге 1652 г. отмечен контекст: «се^рги яхонты ж / лазоревы на серебр^ѣ з же^н/чюги и ^с ре^ни сере^бряны ж» (л. 54 об.). Определить падеж прилагательного *серебряны* представляется затруднительным: возможно, это форма Им. п. (зависимая от *се^рги*) или форма Тв. п. (от *ре^ни*).

В предыдущем контексте речь идет о серьгах на серебре: «се^рги яхо^нты лазоревы з же^н/чюги бо^н/ши/ми на сере^бр^ѣ». Поэтому прилагательное *сере^бряны ж* может указывать, что эти (вторые) серьги тоже серебряные, как и предыдущие. Тогда прилагательное употреблено в Им. п. мн. ч. для существительного женского рода.

Если же предположить, что прилагательное *сере^бряны ж* подчеркивает, что *репы* ‘украшение в виде цветка, зубчатых листиков или плодов; металлическая зубчатая чашечка для драгоценного камня’ [СлРЯ XI–XVII 22: 145] сделаны из серебра, как и сами *серьги*, то форма прилагательного — это форма Тв. п. мн. ч. (тогда этот случай можно трактовать как единственную в исследуемых памятниках именную форму в Тв. п. мн. ч.).

ло отмечено в разных падежах: *Коровье село* (1663: 276 об.) — Им. п. ед. ч.; *дано три алтына с Коро^вя села* (1674–75: 87 об., 94, 106) — Р. п. ед. ч.; *на Коро^ве село* (1674–75: 98) — В. п. ед. ч.; *на Большом коровье селе* (1674–75: 96, 233) — М. п. ед. ч. В последнем примере именная форма *коровье* употреблена в одном ряду с местоименной формой *Большом*.

Структура относительных прилагательных, имеющих именные словоформы в косвенных падежах, в том числе и в собственных наименованиях, включает суффиксы *-ин-*, *-j-*, *-ов/-ев-*, характерные для притяжательных прилагательных: *около гостина двора*, *на гостине дворе*, *сала говя^жя*, *медвежья сала*, *зделал коне^ю кожу*, *з Давыдова Конца*, *с Нечаева лугу*. Эта группа прилагательных дольше других сохраняет именные флексии в косвенных падежах [Иванов 1964: 338; Черных 1962: 206]. А. М. Кузнецов пишет, что собственно притяжательные прилагательные, образованные от собственных имен, до конца XIV в. отмечаются только в именных формах [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 160].

В. И. Борковский говорит об обособленности притяжательных прилагательных, которые, по замечанию В. В. Виноградова, «выполняют функцию указания (в широком смысле этого слова), а не качественного определения» [Виноградов 1947: 191]. В. И. Борковский отмечает, что «в принадлежности есть известная степень предикативности», и этот факт способствовал сохранению именной формы, с которой в прилагательных связывалась предикативность [Борковский, Кузнецов 2007: 409–410].

Таким образом, именные формы относительно-притяжательных прилагательных зафиксированы во всех косвенных падежах ед. ч. м. р., ср. р., ж. р., кроме творительного, который у прилагательных м. р. и ср. р. совпадал по окончанию с местоименной формой М. п. ед. ч. и в котором прилагательные раньше других падежей стали изменяться по местоименному склонению [Черных 1962: 206]. Во мн. ч. именные словоформы притяжательных прилагательных отмечены только Им. п. и В. п., что было нормой и в других языковых центрах Руси в XVII в.

Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ин-*, *-ов-/ев-* в однословных и составных собственных наименованиях отмечены в типичных именных словоформах: *канон^никъ Николи^н*, *дача Троицы Сергиева монастыря, в Коровине ста^ну*, *с Ракова бору*. Выражения типа *Предтечев образ, Спасов образ, Страсти Господни (Христовы), Распятие Господне, Рождество Христово, Воскресение Христово* можно отнести к церковной терминологической лексике, что объясняет их устойчивость. Появление полных форм прилагательных в подобных выражениях маловероятно.

Таким образом, материал псковских хозяйственных книг XVII в. иллюстрирует специфику именных словоформ прилагательных и процессы становления грамматических норм имен национального русского языка.

ИСТОЧНИКИ

- 1639 — Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1639 г. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 112). [В сокращении: год, лист.]
1652 — Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113). [В сокращении: год, лист.]
1663 — Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1663 г. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 114). [В сокращении: год, лист.]
1674–75 — Приходо-расходная книга Псково-Печерского монастыря 1674–1675 гг. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450). [В сокращении: год, лист.]

ЛИТЕРАТУРА

- Баданина И. В. 1999 — *Именные и местоименные формы имен прилагательных в летописях и деловых памятниках Москвы XVII века*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
Борковский В. И., Кузнецов П. С. 2007 — *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
Виноградов В. В. 1947 — *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва–Ленинград.
Даль В. И. 2008 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. Москва.

- Иванов В. В. 1964 — *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Колесов В. В. 2009 — *Историческая грамматика русского языка*. Санкт-Петербург.
- Кузнецов А. М. 1984 — *Краткие и полные формы прилагательных в деловой и бытовой письменности Северо-Западной Руси XI–XIV вв. в сопоставлении с оригинальными текстами Успенского сборника XII–XIII вв.*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. 2006 — *Историческая грамматика древнерусского языка*. Т. 3. Прилагательные. Москва.
- Ларин Б. А. 1961 — *Разговорный язык Московской Руси. Начальный этап формирования русского национального языка*. Ленинград. С. 22–34.
- Русская грамматика 2005 — *Русская грамматика: научные труды*. Т. I. Москва.
- Сидоренская Н. Д. 1991 — *Монастырские книги Псково-Печерского монастыря XVII века как лингвистический источник. Псковские говоры и их окружение*. Межвузовский сборник научных трудов. Псков. С. 128–139.
- СлРЯ XI–XVII 1975–2008 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–28. Москва.
- Сл 1847 — *Словарь церковнославянского и русского языка*, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. I–IV. Санкт-Петербург.
- Срезневский И. И. 1958 — *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. Москва.
- Толстой Н. И. 1999 — *Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языкознанию*. Москва. С. 52–170.
- Черных П. Я. 1962 — *Историческая грамматика русского языка*. Москва.

OMADUSSÕNADE LÜHIVORMIDEST PIHKVA-PETSERI
KLOOSTRI XVII SAJANDI MAJAPIDAMISRAAMATUTES*Svetlana Romanenko*

Pihkva-Petseri kloostri XVII sajandi majapidamisraamatud võimaldavad uurida kõigi leksikaal-grammatiliste rühmade omadussõnade lühivorme (nii relatiivsete kui relatiiv-possessiivsete).

Uuritavates ürikutes domineerivad kvalitatiivsete omadussõnade vormid (47%), sh ka teistest rühmadest sellesse üle tulnud: *багровъ, ветхъ, желтъ, игрень, новъ; вишневъ, кирпичень* (värvinimetused). Lühivormid esinevad vaid nimetava käände mees-, nais- ja keskssoost mitmuses ja ainsuses, mis on ilmselt tingitud majapidamisraamatute eripärast, kuna neis on esitatud esemete loetelud.

Relatiivsed omadussõnad (20% kõikide uuritavate lekseemide arvust) on samuti esindatud mitmuse ja ainsuse nominatiivis, nt *кр^стъ аспиде^н, кр^стъ железе^н, кр^стъ золотъ, патрахил^н изуфря^н, кубо^к сере^бря^н лошча^н*.

Relatiiv-possessiivsete omadussõnade lühivormid (33% kõikidest omadussõnadest) on esindatud ainsuses kõigis käändevormides, väljaarvatud instrumentaal: *архиепископлю сыну, з государевы ловли, казначееву келейнику, по государеве цареве грамоте, в государеву казну, о государеве хлебе*. Relatiiv-possessiivsed omadussõnad, millel on sufiksid *-ин-* ja *-ов-/ев-*, esinevad lühivormis pärisnime osana: *канонникъ Николин, дача Троицы Сергиева монастыря, з Давыдова Конца*.

Seega illustreerib Pihkva XVII sajandi majapidamisraamatute materjal omadussõnade lühivormide spetsiifikat ning lubab paremini mõista vene keele normide kujunemisprotsesse.